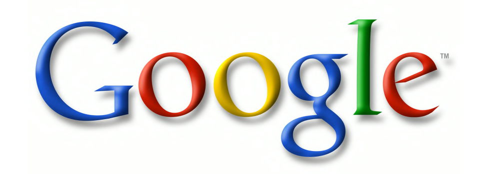
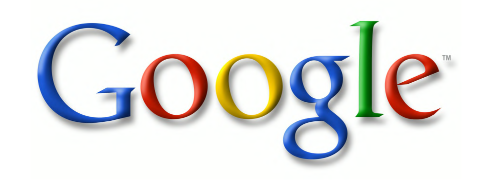
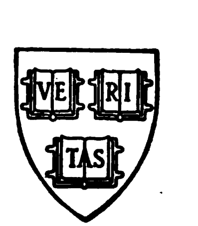

VE RI
TAS

Проф. Л. Е. Владиміровъ.

Алексѣй Степановичъ

ХОМЯКОВЪ

и

ЕГО ЭТИКО-СОЦІАЛЬНОЕ УЧЕНІЕ.

Къ столѣтнему юбилею рожденія Хомякова:
1 мая 1804—1 мая 1904.

Поставщ. Двора Его Величества Т-во Скоропеч. А. А. Левенсонъ
Москва, Тверская, Мамоновскій пер., соб. д.
1904.

Предисловіе.

Алексѣй Степановичъ Хомяковъ родился 1 мая 1804 г.; умеръ 23 сентября 1860 г. 1 мая 1904 г. истечетъ столѣтіе со дня его рожденія.

Настоящая книга представляетъ собою послѣдовательный анализъ разбросанныхъ въ сочиненіяхъ Хомякова идей, имѣющій конечною цѣлью попытку построить связное и, насколько возможно, полное этико-соціальное ученіе этого писателя.

Помимо этой основной задачи, трудъ нашъ имѣетъ также въ виду напомнить о человѣкѣ, оказавшемъ важныя услуги русскому самосознанію и, при жизни, получившемъ за нихъ въ награду: отъ современнаго общества — знаки полнаго равнодушія, отъ администраціи — обидное для искателя истины оподозрѣніе въ какомъ-то злободневномъ «вольнодумствѣ», а отъ журналистики — клички: религіознаго фанатика, узкаго націоналиста и, наконецъ, даже іересіарха.

Между тѣмъ, услуги Хомякова Россіи, по внутреннему своему значенію, и несомнѣнны, и значительны.

Въ самомъ дѣлѣ, какую бо́льшую услугу можно оказать народу, какъ неустанно, противъ теченія заблудившейся общественной мысли, разъяснять ему, что онъ сбился со своей прямой и кратчайшей дороги и, слѣдовательно, идетъ совсѣмъ не туда, куда ему слѣдуетъ идти? Какъ не питать признательности къ писателю, оздоровившему узкую этику односторонней публицистики слѣдующимъ воззрѣніемъ, которымъ самъ неизмѣнно руководствовался въ теченіе всей своей ученой дѣятельности: «Видѣть всю отвратительность злоупотребленій принципа и все-таки признать принципъ: это точно нравственный подвигъ» [1])?

Человѣчество, въ концѣ концовъ, управляется все-таки не штыками и пушками, а идеями и чувствами, или, лучше сказать, чѣмъ-то смѣшачнымъ— и д е я м и-ч у в с т в а м и.

Творческія идеи, какъ бы по наитію, постигаются одаренными, вдохновенными личностями, быстро пробѣгающими, подобно тѣнямъ, по всемірно-исторической аренѣ и одинъ другому, по очереди, передающими факелъ, которымъ они освѣщаютъ народамъ дорогу.

Этимъ великимъ, благодѣтельнымъ тѣнямъ, чрезвычайнымъ посланцамъ исторіи, или судьбы, обя-

---

[1]) Полное собраніе сочиненій А. С. Хомякова, Москва, 1900, т. VIII, стр. 254.

заны мы если не карлайлевскимъ «героепоклонничествомъ», то ужъ во всякомъ случаѣ внимательнымъ проникновеніемъ въ ихъ ученія, какъ для овладѣнія этимъ умственнымъ богатствомъ, такъ и для дальнѣйшаго его умноженія, а также приспособленія къ измѣняющимся условіямъ вѣчно движущейся впередъ и осложняющейся жизни народа.

Пользуюсь случаемъ, чтобы принести сердечную признательность уважаемому Димитрію Алексѣевичу Хомякову, котораго незамѣнимыя разъясненія, между прочимъ, освѣтили мнѣ истинное значеніе нѣкоторыхъ мѣстъ въ сочиненіяхъ его отца, писавшаго во времена цензурныхъ строгостей и потому слишкомъ осторожнымъ или замаскированнымъ выраженіемъ мыслей затемнявшаго иногда ихъ настоящее содержаніе.

Москва, 1904 г., февраль.

Оглавленіе.

Стр.

Глава третья.

Глава четвертая.

Глава пятая.

Глава шестая.

Глава седьмая.

Глава первая.

Характеръ государственныхъ ученій Хомякова.

§ I.

Авторъ завѣтовъ.

Хомяковъ — славянофилъ по насмѣшливому прозвищу, первоначально придуманному противниками для полемическаго выпада, а впослѣдствіи ставшему у насъ почетнымъ наименованіемъ для особаго толка писателей—горячей вѣры, прочнаго знанія и непоколебимаго убѣжденія; самодѣльный, глубокій мыслитель съ поэтическимъ чутьемъ сокровеннѣйшей сущности и художественной формы; христіанинъ пламенной вѣры, всецѣло душой и помыслами въ православной церкви жившій, съ трудами и заслугами учителя церкви и съ апостольскимъ рвеніемъ отстаивать ее предъ малымъ и великимъ; миссіонеръ непривозной мысли съ многообъемлющими знаніями и съ самородными пріемами въ розысканіи правды въ дѣяніяхъ человѣческихъ; словоискусный, своебытный изъяснитель русской души и вдохновенный пѣвецъ ея упованій; кустарь науки на свой страхъ, безъ заграничнаго ручательства и казеннаго клейма; самочинный, прямой до «дерзости», созидательный, коренной обыватель Москвы, «столицы общественнаго мышленія»,—Хомяковъ первый узрѣлъ фальшь во всякихъ нашихъ, взятыхъ на прокатъ, «прогрессахъ», сталъ безбоязненно,

съ чистотою помысловъ, раскидывать умомъ-разумомъ противъ указки выписной мудрости и въ сочиненіяхъ своихъ оставилъ Россіи великіе нравственные завѣты объ основахъ и верховныхъ началахъ государственнаго строительства, а также о правѣ и правосудіи. Немногочисленные, но многознаменательные завѣты эти, особливо цѣнные на перепутьи въ нынѣшнее время серьозныхъ колебаній, умственныхъ и нравственныхъ, залегають, часто еле замѣтными золотоносными жилами, въ глубокихъ пластахъ его писаній, нераскопанные и невыведенные пока на свѣтъ божій, потому-что не вполнѣ еще образовался у насъ тотъ наклонъ ума, при которомъ вѣрно можетъ быть оцѣнено руководящее, назидательное значеніе этихъ ученій для дальнѣйшихъ судебъ Россіи. А поняты и прочувствованы будутъ они, какъ слѣдуетъ, тогда, когда «умственное праздношатаніе» нашей подражательной «лѣнивой мысли» доплетется, наконецъ, до той степени для всѣхъ уже явнаго ничтожества, когда потерянный самъ, при всемъ своемъ слѣпотствѣ, начинаетъ постигать глубину раскрывшейся предъ нимъ бездны безсмыслія,—словомъ, когда школярская, книжная теорія жизни замѣнится живымъ пониманіемъ дѣйствительности, составляющей плодъ историческаго прошлаго.

§ II.

Завѣты тѣ по большей части не правовыя формулы.

Мы назвали ученія Хомякова о государствѣ и правѣ завѣтами этическаго свойства потому, что они, въ большинствѣ случаевъ, не представляютъ законченныхъ, выкованныхъ правовыхъ формулъ, въ которыя легко укладываются исчерпывающія требованія касательно внѣшнихъ человѣческихъ дѣяній. Завѣты эти суть высшія нравствен-

ныя чаянія, повелѣнія совѣсти, упованія, алканія души, жаждущей, и для дѣйствительной жизни, осуществленія истинной правды, алканія, всегда звучащія какими-то неопредѣленными словами въ мірѣ юридическихъ условностей, вычеканенной отчасти — правды, освященной отчасти — истины. Такія повелѣнія человѣческой совѣсти имѣютъ свой источникъ въ вѣрѣ, которая для Хомякова было «высшей точкой всѣхъ помысловъ», «тайнымъ условіемъ человѣческихъ желаній и дѣйствій», «крайней точкой человѣческаго знанія». Оставленные Хомяковымъ завѣты государству и правосудію хотя и коренятся, главнѣе и первѣе всего, въ его христіанской вѣрѣ, но, вслѣдствіе научнаго склада его ума, осторожно провѣрялись имъ его обширными наблюденіями надъ историческою жизнію народовъ и тѣмъ чувствомъ поэта и художника, которое онъ, въ наукѣ о человѣческомъ бытіи, считалъ «внутреннимъ чутьемъ истины человѣческой», что «ни обмануть, ни само обмануться не можетъ» [1]). При этомъ, нужно имѣть въ виду, что нѣкоторыя идеи Хомякова получали у него и правовую выковку, довольно опредѣленную и даже строгую.

§ III.

Свойство верховныхъ началъ наукъ общественныхъ.

Говоря вообще, верховныя начала общественныхъ наукъ суть нравственныя аксіомы, которыя обыкновенно не доказываются, потому-что имѣютъ за себя какъ бы внутреннюю очевидность. Однако, эта очевидность есть, въ сущности, не что иное, какъ усвоенное мыслителями основное вѣрованіе въ способность человѣчества къ безконечному нрав-

[1]) Соч. Хомякова, т. V, стр. 31.

ственному совершенствованію; но первоначальное, глубокое основаніе для такого вѣрованія, конечно, не есть пройденная уже исторія человѣчества: она открывается нарушеніемъ запрета и братоубійствомъ и въ дальнѣйшемъ непрестанномъ братоубійствѣ и христопродавничествѣ пока протекаетъ. Европейцы вѣруютъ въ свою способность къ безконечному нравственному совершенствованію, потому—что, по повѣствованію Священнаго Писанія, человѣкъ созданъ по образу божію, и потому, что Спаситель сказалъ: «будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ нашъ Небесный». Притомъ же необходимое условіе не только христіанской, но и всякой вообще религіозной морали опирается на вѣрованіе въ способность человѣчества къ безконечному нравственному совершенствованію. Безъ такого вѣрованія жизнь наша не имѣла бы никакой цѣны и намъ приходилось бы только горько оплакивать, какъ тяжелое и безцѣльное бремя, данную намъ способность различать, безъ всякой помощи утилитарной ариѳметики, добро и зло, въ ихъ повседневномъ смѣшенія въ дѣйствительной жизни. Малодушно же теряющимъ вѣру въ способность людей къ безконечному нравственному совершенствованію стоитъ, однако, только вспомнить, что есть Богъ въ человѣчествѣ, чтобы сами собою разсѣялись тучи тяжелаго сомнѣнія.

§ IV.

Поэтъ безъ страха и упрека.

Какъ въ пустынѣ паломникъ съ посохомъ и котомкою за спиною, твердо шествовалъ, среди равнодушія и пошлости современнаго ему общества, въ началѣ совсѣмъ почти одинокій Хомяковъ, съ крестомъ и евангеліемъ въ рукахъ, по стезямъ мысли, чувства и воли, скрывая внутреннія страданія, «смѣясь на людяхъ, и плача про себя»,

ни у кого не ища ни признанія, ни помощи, не имѣя въ поддержку ничего, кромѣ своей глубокой православной вѣры, открывшей ему многіе горизонты, которые доступны лишь тому, кто ищетъ человѣческую истину на землѣ, не отрывая при этомъ глазъ отъ неба. Равнодушный къ личному успѣху, онъ шелъ въ жизни и училъ, не боясь никого и ничего, ни порицанія общества, ни полицейскихъ подозрѣній въ «злоумышленности», ни даже самой смерти. Любовь къ родной землѣ не помѣшала ему,—а для него неправда была немыслима,—сказать ей горькую истину, за которую подвергался онъ тяжелымъ обвиненіямъ въ ту пору, когда не только между ревизскими были мертвыя души, но когда мертвыя души ходили, гуляли, ѣли, играли въ карты, разговаривали. Хомяковъ не дрогнулъ сказать Россіи:

«Но помни: быть орудьемъ Бога
Земнымъ созданьямъ тяжело;
Своихъ рабовъ Онъ судитъ строго,—
А на тебя, увы! какъ много
Грѣховъ ужасныхъ налегло!
    Въ судахъ черна неправдой черной
    И игомъ рабства клеймена;
    Безбожной лести, лжи тлетворной
    И лѣни мертвой и позорной,
    И всякой мерзости полна!»

Онъ совѣтуетъ своей родинѣ «покаяться и раны совѣсти растлѣнной елеемъ плача исцѣлить».

И такая горячая молитва о спасеніи родины—иначе мы не можемъ назвать это вдохновенное, предъ лицомъ Господа Бога, сознаніе въ преступности—навлекла на голову Хомякова обвиненіе чуть ли не въ измѣнѣ, а одинъ московскій патентованный ученый того времени, «безъ видимаго неудовольствія», передавалъ объ административныхъ мѣрахъ, обрушившихся на нашего поэта безъ страха и упрека. Въ настоящее же время для каждаго ясно, что Хомяковъ,

конечно, любилъ свою родину, но еще больше любилъ Бога и правду [1]).

Не страшился, конечно, этотъ поэтъ-мыслитель и смерти. Онъ просилъ Бога только объ одномъ: «Когда тобой опредѣленный настанетъ мой послѣднiй часъ, пошли мнѣ въ сердце предвѣщанье»; онъ встрѣтитъ «ангела-разрушителя, какъ гостя издавна жданнаго»:

«Мой взоръ измѣритъ великана,
Боязнью грудь не задрожитъ,
И духъ изъ дольняго тумана
Полетомъ смѣлымъ воспаритъ!»

И дѣйствительно: онъ умеръ такъ, какъ уповалъ: спокойно, безстрашно и непостыдно! Л. М. Муромцевъ, описавшiй послѣднiе часы Хомякова, погибшаго отъ холеры, отъ которой его не могло спасти имъ самимъ же придуманное лекарство, успѣшно помогавшее другимъ, разсказываетъ, что за полтора часа до кончины больному стало какъ будто лучше. «Все какъ будто пошло къ лучшему», говоритъ Муромцевъ: «я началъ надѣяться». Въ это время жена моя прислала узнать о здоровьи Алексѣя Степановича; я хотѣлъ отойти отъ постели, но онъ меня удержалъ и спросилъ, куда я иду. «Посылаю добрую вѣсточку. Слава Богу, вамъ лучше!» «Faites vous responsable de cette bonne nouvelle, je n'en prend pas la responsabilité», сказалъ Хомяковъ почти шутя.—«Право, хорошо, посмотрите, какъ вы согрѣлись, и глаза просвѣтлѣли». «А завтра какъ

1) Хомяковъ (Соч., т. VIII. стр. 383) писалъ И. С. Аксакову: «Странное наше, такъ сказать, островное положенiе въ русскомъ обществѣ. Чувствуешь, что мы, болѣе всѣхъ другихъ, люди русскiе и въ тоже время, что общество русское нисколько намъ не сочувствуетъ. Чувствуешь, что нельзя по совѣсти не стараться образумить это общество, а въ то же время это чисто внѣшнее дѣйствiе не можетъ быть нашимъ призванiемъ; насъ такъ мало, что никому нельзя отлучаться отъ своего дѣла: некѣмъ замѣнить».

будутъ свѣтлы!» Это были послѣднія его слова. Онъ яснѣе нашего видѣлъ, что всѣ эти признаки казавшагося выздоровленія были лишь послѣднія усилія жизни. Въ $7^1/_2$ часовъ дыханіе его стало тяжко; я не спускалъ съ него глазъ. Въ $7^3/_4$ часа вечера его не стало, а за нѣсколько секундъ до кончины онъ твердо и вполнѣ сознательно осѣнилъ себя крестнымъ знаменемъ» [1]).

§ V.

Господствующій мотивъ въ жизни Хомякова.

Изъ всего сказаннаго, мы думаемъ, совершенно ясно, что въ Хомяковѣ мы имѣемъ не ученаго, гордаго знаніемъ и особливо признаніемъ, не писателя, стремившагося попасть въ ладъ господствующимъ идеямъ, вкусамъ и настроеніямъ большой публики, не модного учителя жизни, красующагося, иногда даже безсознательно, предъ человѣческимъ стадомъ, въ самыхъ вычурныхъ обстановкахъ и одѣяніяхъ, а могучаго великороссіянина-плотника, неутомимаго строителя церквей, безстрашно и благоговѣйно укрѣпляющаго крестъ на поднебесной вышкѣ тяжелымъ трудомъ возведеннаго храма.

Водрузить духовно крестъ на государствѣ и на всѣхъ его учрежденіяхъ, влить въ мутные потоки человѣческой жизни очищающую струю живящей, евангельской вѣры и самоотверженія,—въ этомъ истинное стремленіе ученій Хомякова. Не народность свою инстинктивно, суетно и самолюбиво возвеличивать, а христіанство воплотить во всемъ народѣ, вотъ высшее алканіе души славянофила Хомякова [2]). На долю русскаго народа, по вѣрованію и

---

[1]) Соч. Хомякова, т. VIII, прилож. ст. 51–52.

[2]) Кошелевъ: «насъ прозвали славянофилами, хотя расположеніе и любовь къ славянамъ никогда не составляли самаго существеннаго основанія нашихъ убѣжденій». Хомяковъ, т. VIII, стр. 126.

историческому толкованію отцовъ славянофильства, выпало неизреченное счастіе воспринять чистое христіанство на первобытную почву, весьма мало пропитанную язычествомъ, и въ этомъ—причина, почему основаніе славянофильства есть православіе въ быту русскаго народа, т.-е. наиболѣе чистое и безпримѣсное христіанство на почвѣ народа юнаго и, сравнительно, нрава мягкаго, не успѣвшаго исказиться и извратиться отъ языческой жизни, не загрязнившей юной души. Вотъ это чистое православіе и должно быть воплощено въ самой жизни всего народа, въ его государствѣ и учрежденіяхъ, въ такой же цѣльности, въ какой оно живетъ, запросто безъ примѣсей и ухищреній, въ душѣ и быту богоискательнаго, простого русскаго человѣка.

Теперь понятно, почему мы назвали ученіе Хомякова о государствѣ и правосудіи нравственными завѣтами.

Нельзя выработать проэкта правовыхъ положеній о воплощеніи христіанства въ жизни и учрежденіяхъ такъ, какъ, напримѣръ, составляются вексельный уставъ или уставъ какой-нибудь акціонерной компаніи. Можно только дать законодательству высшія этическія, руководящія начала, основы, которыя, какъ почва, должны постоянно питать корни законовъ и учрежденій. И это было сдѣлано Хомяковымъ въ такое время, когда право, строго отчужденное отъ нравственности, представлялось людямъ съ поверхностнымъ умомъ храмомъ свободы,—когда еще не успѣли убѣдиться, что этотъ храмъ внѣшней правды можетъ превратиться въ разбойничій вертепъ, въ темницу, гдѣ люди безнадежно бьются въ паутинѣ фактическаго рабства на свободной экономической аренѣ. Тогда еще не понимали, что право, непитаемое въ подпочвѣ чистымъ христіанствомъ, есть, по истинѣ, юдоль плача и стенаній. Въ тѣ времена ученые думали, что высшая правовая цѣль государства—оградить личность отъ произвола власти. Но

прошло, съ точки зрѣнія исторіи, весьма немного времени, и люди поняли, что вѣдь произволъ всегда практиковался, только какъ преступленіе:—и произвольничавшій, и страдавшій всегда это живо сознавали. Произволъ все же всегда и всѣми понимался, какъ наглое отступленіе отъ того, что должно бы быть. Напротивъ, въ экономическомъ рабствѣ и угнетатель, и угнетаемый совсѣмъ въ другомъ состояніи пониманія: угнетатель сознаетъ свое полное право давить, а угнетаемый—лежащую на немъ обязанность терпѣть, какъ основанную на экономической наукѣ и законѣ. Конечно, идея права, сама по себѣ, есть пока еще незамѣнимая сила въ жизни. Прочность пріобрѣтенныхъ правъ даетъ спокойствіе въ грызущемся по-собачьи обществѣ. Но вся эта механика права благодѣтельна только тогда, когда само право не откололось отъ нравственности. Не шаткое право желательно, а, конечно, прочное право, но обуздываемое нравственностью и ею же питаемое.

§ VI.

Единое начало.

Если мы, на основаніи завѣтовъ Хомякова, усиліемъ воображенія, представимъ себѣ осуществленными его государство и учрежденія, то картина ихъ не будетъ чаровать внѣшнею красотою, блескомъ, наружною гармоніею. Но она будетъ просвѣтлена духомъ евангелія. Тамъ слышенъ будетъ гласъ божій, отвергающій блескъ и роскошь:

«Мнѣ нужно сердце чище злата
И воля крѣпкая въ трудѣ;
Мнѣ нуженъ братъ, любящій брата,
Нужна мнѣ правда на судѣ» [1]).

[1]) Стихотвореніе Хомякова: «По прочтеніи псалма».

Въ «посланіи изъ Москвы» [1]) Хомяковъ говоритъ сербамъ: «По истинѣ, Сербы, та земля велика, въ которой нѣтъ ни нищеты у бѣдныхъ, ни роскоши у богатыхъ, и въ которой все просто и безъ блеска, кромѣ храма Божія. Такая страна дѣйствительно сильна: она угодна Богу и честна у людей».

Всѣ ученія Хомякова, касающіяся государства и учрежденій, неизмѣнно вытекаютъ изъ единаго начала, а потому чрезвычайно послѣдовательны и прочны. Мы увидимъ впослѣдствіи, что то единое начало, которое составляло его исходную точку, раскрывало предъ его взорами такія стороны въ учрежденіяхъ, что почти мимоходомъ брошенныя имъ правовыя идеи поражаютъ юриста своею глубиною и самобытностью. Человѣкъ съ «двоящимися мыслями» такого результата достичь бы не могъ, ибо онъ «нетвердъ во всѣхъ путяхъ своихъ».

Глубокая христіанская вѣра была свѣточемъ въ жизни Хомякова: она сдѣлала его возвышеннымъ въ поэзіи, прозорливымъ въ области мысли, покорнымъ, безропотнымъ въ перенесеніи безпощадныхъ ударовъ судьбы, кроткимъ и снисходительнымъ въ оцѣнкѣ людей. Но и въ Хомяковѣ, въ этомъ цѣльномъ кускѣ благороднаго металла, находили люди матеріалъ для злобной критики. Въ его бесѣдахъ примѣчались-де противорѣчія, его обвиняли въ склонности къ софизмамъ. Но въ его этическихъ ученіяхъ, вытекающихъ изъ единаго начала его души, нѣтъ и, конечно, не можетъ быть противорѣчій: послѣднія являются тамъ, гдѣ въ основаніи нѣтъ верховнаго мотива, въ сочиненіяхъ дѣланныхъ, въ промысловомъ учено-литературномъ производствѣ. Что касается до софизмовъ, то у правдиваго Хомякова, человѣка глубокой вѣры, ихъ и не могло быть. Повременамъ прокидывалась у него рѣзкая,

[1]) Соч. Хомякова, т. I, стр. 400—1.

бьющая форма, но эти ораторскіе пріемы Хомяковъ объяснялъ такъ: «Наше общество», говорилъ онъ Кошелеву, «такъ апатично, такъ сонливо, и понятія его покоятся подъ такою толстою корою, что необходимо ошеломлять людей и молотомъ пробивать кору ихъ умственнаго бездѣйствія и безмыслія». Кромѣ того, не слѣдуетъ забывать, что въ необыкновенно богатой, даровитой и разносторонней натурѣ Хомякова было несомнѣнно много артистическаго, было также не мало ироніи, много блеска, который очень легко неправильно истолковать. Чѣмъ больше граней, тѣмъ больше игры свѣта.

Между прочимъ, издатель сочиненій А. Хомякова, Д. А. Хомяковъ (т. VIII, стр. 192), разсказываетъ слѣдующее, очень характеризующее Хомякова отношеніе его къ людямъ, могущимъ вліять: «Графъ Строгановъ такъ и оставилъ московское попечительство, не узнавъ ближе Хомякова и друзей его и предубѣжденный противъ нихъ не столько лично, какъ по навѣтамъ литературныхъ противниковъ хомяковскаго ученія. Весною 1849 г., находясь въ Москвѣ во время празднествъ по случаю освященія Кремлевскаго дворца (предъ венгерскою войной), онъ не скрывалъ своего неодобренія къ ихъ дѣятельности. Во дворцѣ, на вечерѣ у государя, за чаемъ, къ которому были приглашены немногіе, въ томъ числѣ графъ Д. Н. Блудовъ, императрица Александра Θеодоровна спросила: «Что это такое славянофилы? Я бы желала ихъ увидѣть». «Вашему Величеству не слѣдуетъ ихъ видѣть», замѣтилъ графъ Строгановъ, «это люди опасные». «Ну, опасность то не очень велика», возразилъ графъ Блудовъ, «такъ какъ всѣ они могли бы помѣститься на этомъ диванѣ». Разговоръ шелъ при государѣ. Позднѣе графъ Блудовъ спрашивалъ Хомякова, что за причина нерасположенія къ нему бывшаго попечителя. Хомяковъ, въ отвѣтъ на это, повинился въ невоздержности языка и разсказалъ, что однаж-

ды случилось ему поспорить съ графомъ Строгановымъ, который, на замѣчаніе, почему онъ не хочетъ чего-то сдѣлать, отвѣтилъ: «Noblesse oblige» (благородное происхожденіе обязуетъ). Хомяковъ возразилъ ему слѣдующимъ апологомъ. Въ Парижѣ воспитывались два друга островитянина съ Таити и очень усердно учились. Обстоятельства потребовали одного изъ нихъ домой, и на своемъ островѣ онъ сдѣлался виднымъ дѣятелемъ. Другой островитянинъ докончилъ ученіе и тоже возвратился домой. Бывшій парижскій пріятель очень ему обрадовался, но прервалъ первое же свиданіе, отозвавшись, что на этотъ разъ ему недосужно и что онъ непремѣнно долженъ отправиться на жертвоприношеніе, что будетъ заколото нѣсколько человѣкъ плѣнниковъ, и что его отсутствіе на этомъ торжествѣ невозможно.—«Помилуй!» говоритъ ему его другъ: «Ты ли это? Какъ же ты можешь участвовать въ людоѣдствѣ?»—«Что дѣлать, мой милый! Noblesse oblige!»—Впослѣдствіи графъ Строгановъ измѣнилъ свое мнѣніе о славянофилахъ, а о К. С. Аксаковѣ сказалъ: «это былъ святой человѣкъ».

На землѣ нѣтъ полнаго совершенства; въ личности Хомякова, по всей вѣроятности, тоже были какіе нибудь недочеты, по свѣтлому образу его также, должно быть, скользили иногда тѣни, отброшенныя его достоинствами. Но эти мелочи замѣтны лишь при жизни, на близкомъ разстояніи отъ картины, для глазъ недобрыхъ, завистливыхъ, злорадныхъ. Историкъ имѣетъ полное право сказать: «передаю сплетникамъ этотъ матеріалъ, пусть они его пережевываютъ. Мы же будемъ говорить не о пятнахъ, а о живительныхъ лучахъ». И мы скажемъ: Хомяковъ имѣетъ предъ Россіею безсмертную заслугу. Онъ первый ударилъ въ набатъ и крикнулъ русскому человѣку: «Берегись, ты на ложномъ пути! Ты обезьяна, ты кривляешься, возвратись къ своего уму, спасайся отъ безплоднаго подражанія!»

Мысль—была святымъ призваніемъ въ жизни Хомякова. Ужъ одно то обстоятельство, что онъ велъ обширныя ученыя записки, кропотливыя наблюденія надъ историческою жизнію народовъ, изданныя послѣ смерти, подъ именемъ «Записокъ по всеобщей исторіи»,—что онъ писалъ ихъ, положительно не имѣя въ виду печати, а только для себя, показываетъ, что на первомъ планѣ у него стояло исканіе истины, а не что другое. И если бы во всемірномъ пантеонѣ вождей духа пожелали поставить русскаго, то, конечно, слѣдовало бы взять Хомякова. Это былъ по истинѣ великій наставникъ земли родной: по чувству—поэтъ, по мысли—мудрецъ, по смиренію—богомолецъ, выбивающій тяжелымъ шагомъ трудный путь ко святымъ мѣстамъ и глубоко вѣрующій, что «все благо въ насъ творитъ Христосъ». Нужно ли добавлять, какъ дѣлаютъ нѣкоторые, что въ Хомяковѣ, между поэтомъ, мыслителемъ съ научнымъ складомъ ума и покорнымъ христіаниномъ, строго исполнявшимъ всѣ обязанности, было внутреннее, живое согласіе? Нѣтъ, не нужно добавлять, потому-что это вовсе было не согласіе, а единство: искренняя, глубоко-вѣрующая душа не можетъ не сдѣлать изъ даровитаго человѣка, въ одно и тоже время и поэта, и мыслителя, и смиреннаго. Всѣ эти свойства суть лишь разныя проявленія и дѣйствія одной и той же причины—состоянія души, чувствующей близость Бога. Эта близость окрыляетъ избранныхъ людей до поэзіи, просвѣтляетъ до мудрости и возвышаетъ до смиренія.

§ VII.

Въ подозрѣніи.

Хомяковъ является, въ исторіи русской мысли, первымъ представителемъ самостоятельнаго, а потому и своебытнаго мышленія. Его умственная дѣятельность была мощнымъ

отпоромъ холопству русскихъ умовъ, освященному подражательностью въ законодательствѣ, наукѣ и обычаяхъ. Подъ подражательностью здѣсь разумѣется заимствованіе, всегда болѣе легкое, и, конечно, болѣе поверхностное, чѣмъ творчество. Но нельзя жить чужимъ умомъ, чужимъ чувствомъ и чужою волею. Наступаетъ время, когда заимствованное оказывается лишеннымъ корней, плохо развивающимся, неплодотворнымъ и даже засоряющимъ. Нельзя думать чужою головой, какъ бы это ни было пріятно лѣнтяямъ. Въ потѣ лица долженъ создавать каждый народъ свой правовый бытъ, свою науку и свое искусство. Въ чемъ Россія была самостоятельна, въ томъ она и проявила свою мощь. Она создала государство, дала ему своеобразныя и прочныя основы. Въ этомъ она велика. Она стала подражать другимъ государствамъ въ устройствѣ и подробностяхъ управленія. Въ этихъ именно подробностяхъ она и оказалась позади. Она беззавѣтно подражала въ наукѣ. Она и создала больше обученныхъ школяровъ, чѣмъ истинныхъ ученыхъ. Въ литературѣ, отражающей жизнь, она не могла не быть самостоятельною, и потому, въ общемъ, пошла своимъ собственнымъ путемъ. И онъ оказался плодотворнымъ и даже поучительнымъ для другихъ народовъ. Русская женщина изъ равноправной хозяйки перешла, подъ силою гнетущихъ обстоятельствъ, къ общественной самостоятельности, въ этомъ она никому не подражала, а дѣйствовала по указаніямъ здраваго смысла и требованію жизни. И этотъ самобытный путь русской женщины оказался въ общемъ плодотворнымъ и поучительнымъ. Въ устройствѣ крестьянской общинной жизни, Россія никому не подражала. Нѣтъ сомнѣнія, экономически скудный бытъ русскаго мужика нынѣ требуетъ отъ государства помощи, или, лучше,—давно ожидаемаго акта государственной мудрости. Но все же этотъ бытъ русскаго крестьянина, въ правовомъ отношеніи, развивается само-

стоятельно, безъ подражанія, а потому и плодотворно. И мудрыя слова: «не подражайте, развивайте свое», эти отрезвляющія слова первый сказалъ Хомяковъ, а потому слѣдуетъ изучать жизнь и творенія этого смѣлаго вождя, съ тою любовною благодарностію, какой заслуживаетъ человѣкъ, указывающій путь слѣпымъ. Начертаніе же пути въ дѣлахъ государственныхъ и общественныхъ особенно цѣнно, ибо въ области общественныхъ наукъ много загадочнаго, неяснаго, произвольнаго, много блуждающихъ огней и миражей. Здѣсь дающимъ вѣрный путь можетъ быть только тотъ, кто, горя истинною любовью къ правдѣ и людямъ, можетъ орлинымъ окомъ оглянуть судьбы народа отъ начала его шествія и до настоящаго времени. Требуется прозорливость, а она дается только одареннымъ, хорошо подготовленнымъ, да и изъ нихъ немногимъ избраннымъ. Нуженъ великій умъ, но еще нужнѣе великое сердце.

Такимъ духовнымъ вождемъ былъ Хомяковъ. И этого человѣка, этого истиннаго христіанина и вѣрнаго сына своей земли, наша администрація прошлаго столѣтія держала «подъ подозрѣніемъ злоумышленности»! Но пусть самъ Хомяковъ разскажетъ намъ, какъ онъ относился къ этому заподозрѣванію. Въ письмѣ къ Ю. Самарину онъ говоритъ (Хомяковъ, т. VIII, стр. 283): «Посылаю вамъ 200 р. для бѣднаго Княжескаго. Объ миссіонерахъ Русской мысли грѣхъ сказать, чтобы они обогащались, какъ говорятъ объ англичанахъ. Въ барышахъ не будемъ съ нашею проповѣдью. Бѣдный Княжескій! Сколько лишеній, сколько заботъ, трудовъ и пожертвованій, а какая же награда? Ни сочувствія, ни уваженія. Много-много, если кто-нибудь взглянетъ на него съ тѣмъ сострадательнымъ почтеніемъ, которое внушаютъ юродивые. Впрочемъ, болѣе или менѣе мы всѣ въ этомъ похожи на Княжескаго, съ тою только разницею, что мы еще находимся подъ подозрѣніемъ зло-

умышленности. Признаться должно, что постороннему зрителю, неспособному понять ту неволю, въ которой убѣжденія держатъ душу человѣка, мы всѣ должны представлять характеръ довольно комическій. Иногда эта мысль приходитъ мнѣ въ голову и освѣжаетъ меня смѣхомъ, хоть разумѣется не совсѣмъ веселымъ. Аксаковъ, вѣроятно, нашелъ бы мало утѣшенія въ ней, но для меня она не совсѣмъ безполезна и способна придать мнѣ терпѣнія и крѣпости. Я вполнѣ понимаю того австрійскаго солдата-Словака, котораго колотили палками за то, что онъ высунулся изъ фрунта и который хохоталъ подъ палками. Били, били, наконецъ, утомившись, спросили, «чему же ты хохочешь»? «А какъ же не хохотать? Вѣдь изъ фрунта высунулся не я, а мой сосѣдъ». Въ дѣтствѣ меня забавляло незаслуженное наказаніе, и я часто не хотѣлъ оправдываться, чтобы не лишиться своего внутренняго смѣха. Сознаюсь, однако, что теперь во мнѣ менѣе противъ прежняго способности находить утѣшеніе въ комизмѣ и часто беретъ досада и нетерпѣніе. За то, можетъ быть, болѣе противъ прежняго чувствуется потребность идти впередъ неослабно, и увѣренность, что убѣжденіе истинное сдѣлается общимъ, и что скажутъ спасибо даже многіе изъ тѣхъ, которые по простому непониманію сгнетаютъ насъ, еще болѣе на зло себѣ, чѣмъ намъ» [1]).

Надежда Хомякова, высказанная въ этомъ письмѣ, что «убѣжденіе истинное сдѣлается общимъ», и что скажутъ спасибо даже многіе изъ тѣхъ, которые, по «простому непониманію, сгнетаютъ насъ», судя по многимъ даннымъ, близка къ осуществленію. Подъ словомъ «насъ» Хомяковъ,

---

[1]) Хомякову и прочимъ славянофиламъ одно время ставились большія препоны: имъ приказано было представлять свои сочиненія не въ мѣстныя цензуры, а въ высшій цензурный комитетъ и, кромѣ того, приказано было брить бороды.

какъ видно изъ этого же письма, имѣетъ въ виду «миссіонеровъ русской мысли», т. е. людей, которые полагали, что русскому народу слѣдуетъ развиваться самостоятельно изъ началъ собственной жизни, на своихъ историческихъ основахъ, не въ подражаніе западнымъ народамъ, а въ раскрытіе тѣхъ богатствъ, которыя содержатся въ глубинахъ собственной природы, собственнаго ума, собственнаго сердца. Плодотворна та только образованность, цѣнна та только мысль, которая была создана человѣкомъ изъ собственныхъ наблюденій, усиліями собственнаго ума. Перекроить всю свою жизнь на чужой ладъ,— такое предпріятіе показалось бы, въ настоящее время, прямо безумнымъ. Самъ Петръ Великій едва ли желалъ сдѣлать русскаго человѣка только подражательною обезьяною. По всей вѣроятности, сильнымъ толчкомъ онъ хотѣлъ разбудить Россію, какъ думаетъ Хомяковъ: «Онъ хотѣлъ потрясти вѣковой сонъ, онъ хотѣлъ пробудить спящую русскую мысль посредствомъ болѣзненнаго потрясенія». «Но безсонность ума», замѣчаетъ Хомяковъ (т. I, стр. 181), «есть его свобода и пріобрѣтается не вдругъ, и потому путь, избранный Петромъ, былъ отчасти ложно избранъ». Русская мысль въ дѣйствительности не проснулась, а только перевернулась на другой бокъ. Жизнь чужою наукою, чужою общественною и политическою мыслью сдѣлалась, у насъ, порядкомъ дня, и русскій человѣкъ дѣйствительно сталъ «бѣглецомъ душою и сердцемъ». Подражательность превратилась въ инстинктъ и въ мысли, и въ быту Россіи. Но есть изобличеніе въ человѣческой жизни. Исторія все раскрываетъ, ея судъ безстрастенъ, виновный въ нёмъ осуждается, а правый оправдывается. Притязанія миссіонеровъ русской мысли имѣли прочное основаніе: каждый народъ долженъ стоять на своихъ собственныхъ ногахъ, а не на чужихъ. Поклоняться другимъ народамъ безполезно и даже опасно; образецъ можетъ ока-

заться неподражаемымъ и притомъ вовсе не такимъ совершенствомъ, какъ это могло казаться лѣтъ двѣсти или триста тому назадъ. И если, строго и точно говоря, нельзя сказать, что Западъ оказался совершенно гнилымъ, то ужъ во-всякомъ случаѣ можно и должно замѣтить, что, въ нравственномъ отношеніи, онъ показалъ себя нѣсколько подгнившимъ. Подальше отъ такихъ учителей, какъ народы, занимающіеся сознательно грабежемъ болѣе слабыхъ племенъ! Культурные разбойники, культурные грабители, культурные истязатели беззащитныхъ, культурные республиканцы-инквизиторы и застѣночные палачи, вы показали предъ цѣлымъ міромъ, что вы такое въ сущности! Вы живете въ блестящей обстановкѣ, въ великолѣпныхъ городахъ, въ волшебныхъ садахъ, въ очаровательныхъ зданіяхъ, среди чарующихъ картинъ и статуй, подъ дивные звуки доведенной до совершенства музыки, летаете по воздуху. Но вы всѣмъ этимъ можете ослѣпить только наивнаго новичка. Тѣ, которые прошли уже чрезъ періодъ увлеченія вашимъ раемъ на землѣ, отлично знаютъ, что въ немъ живетъ душа корыстная, не имѣющая истинной жалости, а лишь слабонервность, что для этой души завѣтъ христіанской любви противное бремя. Чтобы избавиться отъ этого бремени, вы изобрѣли и восхищаетесь особою философіей, которая называется аморализмомъ и задача которой развязать руки грабителямъ и убійцамъ. Народы не столь культурные, какъ вы, тоже, конечно, совершаютъ дѣянія жестокости. Но эти дѣянія суть взрывы несдержанныхъ первобытныхъ страстей, у васъ же жестокость—старческая, обдуманная, культурная, сладострастная, тѣшащая вашу зашнурованную въ цивилизацію душу. Вы обладаете дѣйствительно многими выработанными качествами, весьма важными для утонченнаго общежитія и дѣльнаго веденія общественныхъ дѣлъ. Но эти конторскія добродѣтели могутъ украшать и волковъ, вышколенныхъ

для мирнаго общежитія. Подражать вамъ не въ чемъ и не для чего. Ваша вѣра не проникаетъ въ жизнь вашу глубже кожи, а ваши религіозныя церемоніи и паломничества театральны и холодны, когда вспомнишь нищенствующихъ, усталыхъ и упоенныхъ любовью къ Богу, русскихъ простецовъ. Не имъ у васъ, а вамъ у нихъ нужно учиться величайшей, спасительной наукѣ: христіанскому смиренію!—

Хомяковъ ясно сознавалъ, что ему не увидѣть успѣха его ученія. Онъ писалъ своему ученику Ю. Ф. Самарину въ 1845 г.: «Мы должны знать, что никто изъ насъ не доживетъ до жатвы, и что нашъ духовный и монашескій трудъ пашни, посѣва и полотья есть дѣло не только русское, но и всемірное. Эта мысль одна только и можетъ дать силу и постоянство». Въ другомъ письмѣ къ Ю. Ф. Самарину же (1849 г.) Хомяковъ такъ опредѣляетъ настоящую сущность славянофильства: «Вообще мы не можемъ ничего ожидать скораго, ибо всегда должны помнить, что борьба наша не къ крови и плоти. Тѣ, которые посвятили себя великому всемірному труду христіанскаго воспитанія (а внѣ этого труда мы и значенія никакого не имѣемъ), тѣ прежде всего должны быть терпѣливы» (Соч. Хомякова, т. VIII, стр. 277). Онъ полагалъ, что пока (т. е. въ его время) надо высказывать принципы, нужно показать, что они ни для кого не опасны, что «они не новое что нибудь, но безсознательно въ обществѣ живущее», и что они до сихъ поръ составляли лучшую часть нашей умственной жизни. Надобно показать, что эти принципы также далеки отъ консерватизма въ его нелѣпой односторонности, какъ и отъ революціонности въ ея безнравственной и страстной самоувѣренности, что они, наконецъ, составляютъ начало прогресса разумнаго, а не безтолковаго броженія» (Сочин. Хомякова, томъ VIII, стр. 251).

И въ статьѣ: «Письмо объ Англіи» [1]), въ которой описывается Англія, а имѣется постоянно въ виду Россія, Хомяковъ выразилъ сжато всю главную сущность своей той завѣтной мысли, которую онъ носилъ въ себѣ всю жизнь и которая казалась странною и дикою даже его близкимъ, его пріятелямъ. А между тѣмъ, теперь она не только не покажется странною, а, напротивъ, страннымъ покажется тотъ, кто нашелъ бы въ этой свѣтлой мысли хотя бы тѣнь странности. Хомяковъ всю жизнь посвятилъ тому, чтобы уяснить, «какъ гибельно вѣчное умничанье отдѣльныхъ личностей, гордыхъ своимъ мелкимъ просвѣщеніемъ, надъ общественною жизнію народовъ; какъ вредно уничтоженіе мѣстной жизни и мѣстныхъ центровъ; какъ страшно замѣнять историческія и естественныя связи связями условными, а совѣсть и духъ полицейскимъ матеріализмомъ формы и убивать живое растеніе подъ мертвыми надстройками».

Глава вторая.

Цѣль государства.

§ I.

Цѣль жизни.

Государство есть высшая форма человѣческаго общежитія, по крайней мѣрѣ, для людей переживаемой нами исторической эпохи. Цѣль государства, съ логическою необходимостью развивающагося изъ человѣческой при-

---

[1]) Соч. Хомякова, т. I, стр. 138.

роды не искусственно и не по предначертанному людьми плану, а по естественнымъ законамъ постепеннаго раскрытія задатковъ человѣческой природы, можетъ быть лишь жизненнымъ воплощеніемъ высшей цѣли всего человѣческаго бытія вообще. Въ вѣрѣ человѣчества отражаются конечныя стремленія его духовной природы, и обратно: вѣра человѣчества ставитъ ему верховныя цѣли жизни. Высшая цѣль человѣчества въ цѣломъ не можетъ быть разслѣдуема, исключительно на основаніи данныхъ общественныхъ наукъ; потому-что факты не всегда имѣются и, наконецъ,—они часто могутъ имѣть различный смыслъ, смотря потому, какъ мы и ихъ будемъ, съ своей точки зрѣнія, истолковывать. Къ счастью, есть то, что Хомяковъ такъ мѣтко назвалъ «всеобщею логикой души» [1]). Эта логика души говоритъ намъ отъ имени всѣхъ народовъ,—что ихъ высшія цѣли воплощаются въ ихъ вѣрѣ. Слѣдовательно, когда заходитъ рѣчь о высшей цѣли человѣчества въ христіанскомъ мірѣ, то необходимо руководствоваться вѣрою христіанскою. «Будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ Небесный», сказалъ Спаситель и этимъ выразилъ высшую, какая только возможна, цѣль человѣческаго бытія. И понятно, что такая цѣль поставлена людямъ не только для внутренней ихъ сферы, не только для побужденій и помысловъ, но для всей вообще жизни, включая сюда всѣ возможныя ея стороны, со всѣми отношеніями, къ какимъ только человѣкъ подвигается матеріальными и духовными потребностями.

§ II.

Цѣль государства.

Въ чемъ же заключается цѣль государства? Цѣль государства не можетъ быть иною, какъ и цѣль человѣ-

---

[1]) Хомяковъ, т. V, стр. 163.

чества. Вести народъ всѣми способами къ тому, чтобы онъ всегда и неизмѣнно стремился къ безконечному нравственному совершенствованію, создавать для такого совершенствованія матеріальныя и духовныя условія, побѣждать пороки людей и укрѣплятъ, защищать добродѣтели, выяснять народу высшія идеалы и всячески бороться изъ за этихъ идеаловъ,—такова конечная задача государства. Порядокъ, свобода, общее довольство, благосостояніе, мирное сожитіе, все это—второстепенныя условія, которыхъ постепенное пріобрѣтаніе нужно для того, чтобы подвигаться къ высшему идеалу человѣчества—устроенію Царства Божія на землѣ, для чего человѣкъ долженъ нравственно возвыситься. «Нравственное возрожденіе человѣка», вотъ, слѣдовательно, та ближайшая цѣль, которая должна быть себѣ поставлена государствомъ, желающимъ выполнять свое основное призваніе. Но, понятно, разъ государствомъ усвоена будетъ такая цѣль, должно, конечно, измѣниться и воззрѣніе государства на многіе вопросы, повидимому, вполнѣ разрѣшенные въ настоящее время. Должна измѣниться граница, проведенная наукою и законодательствомъ между правомъ и нравственностью; должно измѣниться основное воззрѣніе на предѣлы дѣятельности государства, и должно измѣниться самое отношеніе государства къ отдѣльному человѣку. Но на это намъ могутъ отвѣчать: «вы ставите государству не только отвлеченныя задачи, но даже просто мистическія. Задача государства должна быть отчетливая, ясная до осязательности!» Не отрицая, что обычныя задачи ясны до осязательности, можемъ только отвѣтить одно: государство дѣйствительно представляетъ существо, котораго высшія цѣли отвлеченны, даже неясны для близорукихъ современниковъ эпохи. Го-

сударство часто дѣйствуетъ и стремится къ цѣлямъ, которыя практически невполнѣ понятны, такъ какъ онѣ остаются въ значительной степени въ сферѣ несознаваемаго. Есть въ государствѣ тайная сила, которая его толкаетъ къ дѣйствію, во исполненіе какихъ-то отдаленныхъ велѣній судьбы, или исторіи, и мы не понимаемъ проявленій этой силы. Эту тайную силу чувствуетъ Шекспиръ, когда устами Улисса говоритъ:

There is a mystery (whith whom relation
Durst never meddle) in the soul of state;
Which has an operation more divine,
Than breath, or pen can give expressure to.

(Troilus and Cressida, act III, 3).

(Есть таинственная сила въ душѣ государства, въ орудованія которой никогда не дерзай вмѣшиваться,— сила, проявленія которой настолько божественны, что ихъ нельзя изобразить ни словомъ, ни перомъ).

Вышеизложенныя идеи о цѣли государства, конечно, покажутся многимъ отвлеченными и потому нежизненными. Но что же выставляютъ цѣлью государства новѣйшіе писатели? Менгеръ, въ своемъ послѣднемъ трудѣ [1]) «Новое государственное ученіе», прямо выдвигаетъ положеніе, что государство не есть нѣчто цѣлое, вродѣ государственной личности (eine selbstständige Staatspersönlichkeit), а соединеніе людей, имѣющихъ свои жизненныя цѣли. По его мнѣнію, только сравнивая цѣли государства съ цѣлями большихъ народныхъ массъ, можно достичь правильнаго обсужденія дѣятельности государства и ея послѣдствій. Поддержаніе себя и поддержаніе рода— вотъ-де основныя задачи массъ народа. Въ этомъ, по его мнѣнію, и содержится цѣль государства. Но эти цѣли—

---

[1]) Menger, Neue Staatslehre, 1903, § 207.

не задачи людей, а необходимыя лишь условія существованія вообще, всѣми, конечно, признаваемыя. Но развѣ онѣ— высшая цѣль жизни и государства? Вѣдь высшая цѣль неизмѣнно должна быть идеальна и неисчерпаема! Понятно, что для движенія къ идеальной цѣли нужно существовать, т.-е. поддерживать существованіе и размноженіе.

§ III.

Современная бездна между правомъ и нравственностью.

Современная бездна между правомъ и нравственностью, которую видитъ и безпощадно критикуетъ каждый, даже мало просвѣщенный, и которая наибольше подрываетъ довѣріе къ существующему укладу жизни, есть произведеніе нѣсколькихъ причинъ. Прежде всего, нужно устранить существующее мнѣніе, будто бездна эта образовалась оттого, что право не можетъ вторгаться въ недоступную ему область внутреннихъ побужденій, которыхъ нравственнаго характера нельзя вынудить силою. Конечно, вынуждать силою у человѣка любовь, уваженіе, благодарность невозможно; но оцѣнивать, для цѣлей права, и внутреннія побужденія человѣка, вполнѣ возможно, возможно также давать мѣсто такой оцѣнкѣ въ опредѣленіяхъ права. Невозможность вынуждать извѣстныя нравственныя побужденія не образовала, однако, той пучины, о которой здѣсь идетъ рѣчь. Раскрывшаяся, въ жизни, бездна между правомъ и нравственностью, есть результатъ нѣсколькихъ причинъ.

Во-первыхъ, многія дѣянія, явно безнравственныя, терпятся, дозволяются. Это старинная болѣзнь правовой жизни: non omne, quodlicet, honestum est. Не все, что дозволяется, честно, нравственно. Микробъ этой старинной болѣзни—въ существующемъ убѣж-

деніи или, лучше, предразсудкѣ, будто отъ члена общества, путемъ права, нельзя требовать того, что, по нынѣшнимъ воззрѣніямъ, относится къ области благотворительности. По господствующимъ же воззрѣніямъ, отъ члена общества можно требовать выполненія всевозможныхъ повинностей по отношенію къ государству, но по отношенію къ ближнему можно въ законѣ требовать лишь выполненія одной обязанности:—«не вреди, не вторгайся въ чужую сферу законной свободы!» Все, что вытекаетъ изъ обязанности любви къ ближнему, есть, будто-бы, лишь произвольное дѣло человѣка, дѣло его совѣсти, его благотворительности. Но это придуманное слово: благотворительность не содержитъ въ себѣ ничего рѣшающаго, ставящаго границу законодателю. Что сегодня считается лишь благотворительнымъ дѣломъ человѣка, можетъ завтра стать его правовою обязанностью. Нужно твердо помнить, что законодательство—дѣло государства, а для государства есть одна только граница, которой оно перешагнуть не можетъ: божьи повелѣнія, выраженныя въ вѣрѣ. Можно себѣ представить безнравственное постановленіе цѣлаго народа, цѣлаго государства. Оно не перестанетъ быть безнравственнымъ оттого, что сдѣлано цѣлымъ государствомъ, цѣлымъ народомъ. Надъ законодателемъ земнымъ стоитъ вѣра, а она въ точности опредѣлила правила, по которымъ люди обязаны жить, и правила эти должны быть руководящими началами законодательства.

Во-вторыхъ, бездна между правомъ и нравственностью образуется во многихъ случаяхъ оттого, что разумное и нравственное начало, выраженное въ какомъ либо законѣ, превращается въ неразумное и даже безнравственное, при примѣненіи его къ случаямъ жизни,—вслѣдствіе того, что ученіе о толкованіи закона признаетъ все дозволеннымъ, что, по юридической логикѣ, можетъ быть выжато изъ закона. Предполагается, что все, что, по юри-

дической логикѣ, можетъ быть выдавлено изъ закона, содержалось и въ волѣ законодателя, хотя бы выводъ явно противорѣчилъ нравственности. При этомъ не обращаютъ вниманія на то, что человѣческое слово, которымъ пользуется законодатель, несовершенно, и что не всегда возможно было законодателю, обладающему лишь человѣческою прозорливостью, предусмотрѣть все то, что можетъ случиться въ жизни, и что можетъ быть придумано безсовѣстнымъ толкованіемъ. Толкованіе закона никогда не можетъ противорѣчить тому, что составляетъ очевидное требованіе нравственности. Толкованіе закона должно производиться нравственно, не только по юридическому смыслу словъ, но и по благонамѣренію законодателя, и по христіанской совѣсти. Должно быть создано и разработано, въ наукѣ права, ученіе о безнравственномъ толкованіи закона, и высшая судебная инстанція въ государствѣ должна быть не только судомъ по закону, но и по совѣсти. Но высшимъ защитникомъ нравственности въ примѣненіи закона является глава государства: онъ, стоя внѣ человѣческихъ интересовъ и страстей, способнѣе оберегать нравственный законъ, въ борьбѣ между людьми.

Въ-третьихъ, наконецъ, бездна, образовавшаяся между правомъ и нравственностью, обусловлена и тѣмъ, что нерѣдко, въ особыхъ случаяхъ, между обязанностями, налагаемыми правомъ на человѣка, и прямыми, очевидными требованіями нравственности происходитъ столкновеніе. Вмѣсто казуистическаго разрѣшенія вопроса о томъ, какъ поступить человѣку, попавшему между двумя противорѣчащими велѣніями — закона и нравственности, гораздо ближе къ цѣли принять за руководящее начало, — что законъ никогда ни въ чемъ и ни подъ какою личиной не долженъ противорѣчить нравственному требованію, если послѣднее не есть лишь плодъ совѣсти отдѣльного

человѣка, могущей и заблуждаться, а очевидное и непререкаемое повелѣніе нравственности, освященное исповѣдуемою вѣрою, все равно—признанною въ государствѣ господствующею, или же только терпимою.

Бездна между правомъ и нравственностью, столь вредная для авторитета государства въ настоящее время, тѣмъ больше будетъ съужаться и близиться къ исчезновенію, чѣмъ больше законодательство будетъ класть въ своемъ основаніи начала нравственности, а не пользы, могущей и противорѣчить нравственности. Между тѣмъ какъ нравственность никогда не будетъ противорѣчить пользѣ, правильно понимаемой, польза ей можетъ противорѣчить, ибо подъ пользою, въ государственномъ управленіи, часто понимаютъ и то, что вытекаетъ изъ предразсудковъ, ложныхъ толкованій интереса государственнаго, доктринъ, безотчетныхъ и враждебныхъ настроеній. Польза можетъ давать дурные совѣты; нравственность же есть настоящій свѣточъ для законодателя, ибо ея повелѣнія ясны и не допускаютъ кривыхъ толкованій. Божественный Законодатель нравственности—единственно непогрѣшимый руководитель для права [1]).

---

[1]) Menger, Neue Staatslehre, 1903, S. 72 и слѣд., полагаетъ, что современной нравственности, вслѣдствіе ослабленія религіозныхъ вѣрованій, угрожаетъ такая же гибель, какая постигла ее въ древности вслѣдствіе паденія языческихъ религій. Онъ полагаетъ, что достаточною санкціею нравственности можетъ служить усиленіе значенія общественнаго мнѣнія, съ его орудіями: корпораціями, кружками и прессою. Но вѣдь эти санкціи - внѣшнія. Нравственность и въ настоящее время охраняется общественнымъ мнѣніемъ. Но какъ могутъ общество, корпораціи и пресса быть стражами нравственности, когда имъ всегда можно отвѣтить: «врачъ, исцѣлися самъ». На первомъ планѣ въ огражденіи нравственности стоитъ вѣра.

§ IV.

Предѣлы дѣятельности государства.

Предѣлы дѣятельности государства то расширяются, то съужаются, смотря по тому, какъ понимаетъ государство свое отношеніе къ обществу, къ личности. Гдѣ государство понимаетъ себя, какъ учрежденіе, имѣющее единственною цѣлью—безопасность внѣшнюю и внутреннюю, тамъ предѣлы его дѣятельности съужаются; гдѣ, напротивъ, государство имѣетъ цѣлью—создавать матеріальныя и духовныя условія для безконечнаго нравственнаго совершенствованія людей, тамъ эти предѣлы расширяются все больше и больше. Воззрѣніе, что цѣль государства—дать внутреннюю и внѣшнюю безопасность обществу, предоставляя заботы обо всемъ остальномъ послѣднему, на практикѣ, не выдерживаетъ никакой критики и падаетъ подъ ударами дѣйствительной жизни. Государство имѣетъ, въ настоящее время, призваніемъ—заботиться объ всемъ, что необходимо для преуспѣянія общества, и трудно, въ нынѣшнюю эпоху, даже указать, насколько широко раздвинутся предѣлы государственной дѣятельности. То, что когда-то было предметомъ заботы отдѣльнаго лица, въ настоящее время, сдѣлалось предметомъ заботы государственной: освѣщеніе, водоснабженіе, передвиженіе и тому подобныя потребности, прежде относившіяся къ сферѣ заботъ частнаго лица, стали теперь предметами общественнаго устройства, находящагося или подъ контролемъ государства, или даже въ непосредственномъ его завѣдываніи (желѣзныя дороги). Удовлетвореніе частной потребности переходитъ въ общественное учрежденіе, а это общественное учрежденіе начинаетъ проявлять стремленіе передѣлаться въ государственное учрежденіе.

Предѣлы государственной дѣятельности раздвигаются шире и шире съ каждымъ днемъ, и это расширеніе совершается подъ давленіемъ могучихъ толчковъ жизни. Укажемъ примѣры. Казалось бы, что положеніе: «государство не должно вмѣшиваться въ договоры частныхъ лицъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію. И доктринерскіе учебники полагаютъ, что высказываютъ истину святую, когда учатъ, что государство не должно вмѣшиваться въ область договоровъ, что вторженіе государства въ эту область уничтожаетъ свободу лица, что это есть водвореніе деспотизма, равно противорѣчащее и существу государства, и существу гражданскаго общества: что единственное основаніе для вмѣшательства государства въ договоры фабрикъ съ рабочими, это—огражденіе слабыхъ, безпомощныхъ женщинъ и дѣтей отъ непосильнаго труда. Взрослые же рабочіе предаются всецѣло и безконтрольно капиталистамъ, для свободнаго съ ними соглашенія. Но можетъ ли христіанское государство не вмѣшиваться въ отношенія между капиталистомъ, утопающимъ въ роскоши, и свободнымъ рабочимъ, которому съ семьею по временамъ едва хватаетъ на кровъ и хлѣбъ насущный,—когда капиталистъ всячески истощаетъ рабочаго? Да и есть ли судьба сотенъ тысячъ рабочихъ, главнымъ образомъ обусловленная ихъ договорами съ капиталистами, одно лишь «свободное соглашеніе частныхъ лицъ», въ *которомъ государству принадлежитъ только установленіе формальныхъ условій, ограждающихъ свободную волю лицъ отъ насилія и обмана?* Вырожденіе сотенъ тысячъ подданныхъ отъ бѣдности и непомѣрной работы, отъ жизни вьючной скотины, есть ли вопросъ частный, или публичный, государственный? Не нужна юриспруденція для рѣшенія этого вопроса; нужна для этого только самая элементарная нравственность, нужна для этого только совѣсть.

Оставляя эти частности въ сторонѣ, скажемъ, что тамъ, гдѣ **государство имѣетъ цѣлью безконечное нравственное совершенствованіе людей, предѣлы государственной дѣтельности раздвигаются настолько широко, насколько это нужно для достиганія той всеобъемлющей цѣли.**

§ V.

Отношеніе государства къ отдѣльному человѣку.

Цѣль государства, состоящая въ безконечномъ нравственномъ совершенствованіи людей, понятно, вліяетъ существеннымъ образомъ на **отношеніе государства къ личности.** Конечно, при такой возвышенной цѣли государства не можетъ быть рѣчи о подавленіи свободы личности,—дѣло идетъ, совсѣмъ напротивъ, о всестороннемъ ея развитіи, и притомъ, во всѣхъ отношеніяхъ. Необходимо не только заботиться о ея физическомъ, умственномъ и нравственомъ развитіи вообще путемъ школы. Государство само должно открывать широкія поприща для развитія самодѣятельности личности. Должны быть учреждены способы, при помощи которыхъ государство помогало бы личности въ борьбѣ ея съ собственными пороками, проистекающими или отъ невоспитанности, или отъ слабаго развитія. Государство должно опекать посредственно или непосредственно не только слабыхъ физически, вслѣдствіе малолѣтства, или немощныхъ, вслѣдствіе старости, но и нравственно слабыхъ, и порочныхъ. Государственная опека должна получить самое широкое развитіе. Весьма часто эта опека будетъ производиться посредственно, при помощи свободныхъ общественныхъ союзовъ или учрежденій, но часто и непосредственно, гдѣ частный починъ окажется слабымъ. Но съ чьей бы

стороны ни шелъ починъ въ этомъ направленіи, чьи бы средства, матеріальныя и духовныя, ни шли на это дѣло, государственный высшій контроль долженъ дѣятельно проявляться. Государство есть установленіе, стоящее надъ всѣми учрежденіями, безъ различія ихъ происхожденія и матеріальныхъ средствъ.

§ VI.

Ученіе Хомякова о цѣли государства.

Если къ заголовку этого параграфа отнестись съ требованіями, обыкновенно предъявляемыми къ учебнику государственнаго права, то можно съ приватъ-доцентскою рѣшительностью сказать, что у Хомякова никакого ученія о цѣли государства нѣтъ; что если и попадаются отдѣльныя мысли объ этомъ, то онѣ не имѣютъ значенія выработанной теоріи. Съ внѣшней стороны, со стороны школьной, такое замѣчаніе будетъ имѣть видъ правды; но по существу это будетъ неправда. Подъ вліяніемъ обстоятельствъ своей эпохи, славянофилы, быть можетъ, не такъ прямо и откровенно обсуждали вопросы государственнаго права, какъ это дѣлается въ настоящее время; но они ихъ обсуждали, и Хомяковъ, какъ глубокій мыслитель, не могъ, конечно, не думать о вопросахъ государственнаго права, по крайней мѣрѣ, крупнѣйшихъ и наиболѣе жизненныхъ.

Прежде всего мы у него встрѣчаемъ важныя идеи о характерѣ государственныхъ учрежденій, зависящемъ оттого, какое въ нихъ вкладывается общее руководящее начало. Это ученіе настолько глубоко и существенно, что превосходитъ, по своему значенію, всякія систематическія теоріи въ учебникахъ государственнаго права. Въ статьѣ своей, посвященной юридическимъ вопросамъ, выдающейся по глубинѣ идей, особенно если вспомнить, что Хомяковъ,

по образованію, вѣдь не былъ юристомъ, онъ даетъ слѣдующую общую теорію построенія государственныхъ учрежденій. По мнѣнію его, «важно не учрежденіе, какое бы оно ни было, а важно начало, которое имъ вносится въ жизнь, или имъ развивается въ жизни. Важно не то, скоръ, удобенъ и дешевъ ли путь, по которому учрежденіе достигаетъ своей прямой, видимой цѣли (хотя, безъ сомнѣнія, это заслуживаетъ также вниманія), но важно то, куда этотъ путь, достигнувъ своей ближайшей цѣли, ведетъ общество. Всякій путь ведетъ дальше своей цѣли; ибо всякое частное учрежденіе (т. е. отдѣльное) не только разрѣшаетъ какую-нибудь задачу, но непремѣнно ставитъ опять новыя задачи и указываетъ на дальнѣйшій ходъ общественной жизни. Наконецъ, важно то, какъ частное учрежденіе воздѣйствуетъ на всю цѣльность общей нравственности». Для доказательства этой идеи, Хомяковъ ссылается на то благодѣтельное вліяніе, еще, по его мнѣнію, не вполнѣ оцѣненное историками, какое имѣлъ судъ присяжныхъ въ Англіи (а не его «выродокъ» во Франціи) на исторію народа. «Да самая вѣра въ голодъ, которымъ вымучивается единогласіе, есть явленіе великаго нравственнаго чутья. Гдѣ нѣтъ личностей (онѣ устранены самымъ правиломъ суда присяжныхъ), тамъ спасающій невиннаго втрое претерпитъ противъ того, кому хочется казни виноватаго» [1]). Трудно не восхищаться этими тремя строчками о судѣ присяжныхъ: это настоящіе перлы, которымъ позавидуетъ самый глубокій процессуалистъ-моралистъ. Различеніе, дѣлаемое Хомяковымъ въ каж-

---

[1]) Соч. Хомякова, т. III стр, 334.

домъ учрежденіи, между внутреннимъ его движущимъ нравственнымъ началомъ и практическимъ его назначеніемъ, само по себѣ, чрезвычайно поучительно для законодательства. Каждое учрежденіе оказываетъ свою долю вліянія на народную нравственность, поэтому, независимо отъ правоваго его устройства для надобностей жизни, необходимо оцѣнить нравственное его значеніе для всего народа. На эту сторону дѣла мало обращаютъ вниманія въ настоящій періодъ часто весьма спѣшной законодательной работы, вызываемой давленіемъ экономическихъ обстоятельствъ и ходомъ борьбы разныхъ сталкивающихся группъ, входящихъ въ составъ современныхъ сложныхъ государствъ.

§ VII.

Ученіе Хомякова о цѣли государства.

(продолженіе).

Мы знаемъ, что весьма часто, въ исторіи, встрѣчается фактъ, что законодательство вырабатываетъ законы подъ давленіемъ не только борьбы разныхъ слоевъ и составныхъ элементовъ населенія государства, но и личныхъ убѣжденій, невѣрныхъ ученій, предразсудковъ, сочувствій и ненавистей. При этомъ совершенно упускаютъ изъ виду, что то или другое учрежденіе, угодное намъ по какому-нибудь предразсудку, сочувствію или враждѣ, можетъ оказаться весьма вреднымъ, ибо не содержитъ въ себѣ нравственной идеи, которая одна только, въ качествѣ движущаго начала въ учрежденіи, можетъ оказать дѣйствительно благодѣтельное вліяніе на моральную жизнь народа. Исторія преслѣдованій, путемъ законодательствованія, неповинныхъ людей и дѣяній, и притомъ всегда съ самымъ, повидимому, дѣловымъ обоснованіемъ

этихъ возмутительныхъ нарушеній евангельскаго завѣта о любви къ ближнему, такъ переполняетъ исторію, что едва ли нужно приводить здѣсь примѣры. При этомъ чрезвычайно любопытенъ слѣдующій фактъ: самыя возмутительныя, самыя жестокія и безумныя преслѣдованія всегда искали нравственнаго оправданія. Въ преслѣдуемыхъ искренно находили нравственные пороки, искорененіе которыхъ и ставилось задачею жестокостей, или же самое преслѣдованіе выставлялось, какъ вынужденная самооборона большинства отъ пороковъ преслѣдуемаго слабаго меньшинства. Но несправедливость бьетъ назадъ: преслѣдователь всегда оподляется, а преслѣдуемый, въ школѣ страданій, находитъ всегда новый источникъ для закаленія своей воли и заостренія умственныхъ способностей. Было бы большой ошибкой думать, что всяческія преслѣдованія, въ томъ числѣ и религіозныя, имѣли всегда своими побудительными причинами корыстолюбивые или другіе личные виды. Старательное, строго безпристрастное изслѣдованіе жизни многихъ преслѣдователей, особенно въ области религіи, показало, что самыя жестокія мѣры исходили отъ людей вполнѣ безкорыстныхъ, отъ людей, горячо преданныхъ вѣрѣ или идеѣ. Убѣжденіе было руководящимъ побужденіемъ даже въ тѣхъ преслѣдованіяхъ, которыя, въ сущности, основывались на почти безотчетной враждѣ. Единственное спасеніе отъ подобныхъ «жестокихъ» убѣжденій, это—слѣдованіе, при законодательныхъ работахъ, тѣмъ незыблемымъ правиламъ нравственности, которыя, освящены вѣрою,—незыблемымъ и неискаженнымъ изувѣрскими, безбожными толкованіями. Идея же, убѣжденіе же, даже «самое горячее», можетъ завести въ дебри и привести къ законодательству, извращающему нравственное чувство народа. Идея и убѣжденіе не должны попадать въ противорѣчія съ нравственностью. Бываютъ эпохи борьбы страстей, когда че-

ловѣческая мысль легко можетъ стать на ложную дорогу, и при томъ на много десятилѣтій, и когда особенно твердо слѣдуетъ помнить, что надежнымъ свѣточемъ въ обращеніи съ людьми является лишь одна нравственность, преподанная человѣчеству вѣрою. Въ учрежденія, конечно, всегда имѣющія практическое назначеніе, должны вкладываться идеи, но идеи, провѣренныя при свѣтѣ нравственности. Вотъ почему мысль Хомякова, что при созданіи учрежденія нужно думать о вліяніи идеи этого учрежденія на «общую нравственность» народа, является драгоцѣннымъ, святымъ завѣтомъ для Россіи.

§ VIII.

Ученіе Хомякова о цѣли государства.

(продолженіе).

Въ чемъ же цѣль государства, по ученію Хомякова? На это Хомяковъ даетъ, въ той же статьѣ, такой отвѣтъ; «Наша такая земля, которая никогда не пристрастится къ такъ называемой практикѣ гражданскихъ учрежденій. Она вѣритъ высшимъ началамъ, она вѣритъ человѣку и его совѣсти; она не вѣритъ и никогда не повѣритъ мудрости человѣческихъ расчетовъ и человѣческихъ постановленій. Отъ этого-то и исторія ея представляетъ такую, повидимому, неопредѣленность и часто такое неразумѣніе формъ; а въ то же время, вслѣдствіе той же причины, отъ начала этой исторіи, постоянно слышатся такіе человѣческіе голоса, выражаются такія глубоко-человѣческія мысли и чувства, которыхъ не встрѣчаемъ въ исторіи другихъ, болѣе блестящихъ и, повидимому, болѣе разумныхъ общественныхъ развитій. Для Россіи возможна одна только задача: быть обществомъ, основаннымъ на самыхъ высшихъ нравственныхъ началахъ; или иначе... Все

что благородно и вызвышенно; все, что исполнено любви и сочувствія къ ближнему; все, что основывается на самоотреченіи и самопожертвованіи,—все это заключается въ одномъ словѣ: христіанство. Для Россіи возможна одна только задача: сдѣлаться самымъ христіанскимъ изъ человѣческихъ обществъ. Отъ этого, къ мелкому, условному, случайному она была и будетъ всегда равнодушною; годно оно,—она приметъ; негодно, поболитъ да перебудетъ, а все-таки къ цѣли пойдетъ. Эта цѣль ею сознана и высказана сначала; она высказывалась всегда, даже въ самыя дикія эпохи ея историческихъ смутъ. Если когда нибудь позже и переставали ее выражать, внутренній духъ народа никогда не переставалъ ее сознавать. Отчего дана намъ такая задача? Можетъ быть, отчасти вслѣдствіе особаго характера нашего племени; но безъ сомнѣнія отъ того, что намъ, по милости Божьей, дано было христіанство во всей его чистотѣ, въ его братолюбивой сущности. Всякій частный вопросъ сводится къ нашей общей задачѣ... Такова причина, почему мы не можемъ удовлетвориться иноземнымъ, почему почти всѣ вопросы жизни и мысли требуютъ у насъ своего рѣшенія, почему мы не можемъ дома прилагать европейской мѣрки къ своимъ понятіямъ...»

Таково точное опредѣленіе цѣли государства у Хомякова. Осуществленіе, въ жизни, христіанской нравственности, такова задача государства, которое есть человѣческое общество, а послѣднее, по опредѣленію Хомякова, «есть не что иное, какъ видимое проявленіе нашихъ внутреннихъ отношеній къ другимъ людямъ и нашего союза съ ними». Христіанская вѣра для Хомякова была не только областью человѣческаго духа, но и «высшимъ общественнымъ началомъ». И нравственность, выраженная въ христіанствѣ, ставится высшею задачею русской земли, русскаго

государства. Ибо живое русское государство, а не сводозаконное, отвлеченное есть одно и то же, что и русская земля,—объ этомъ едва ли даже нужно и упоминать.

Хомяковъ нечуждъ былъ и вопроса о происхожденіи государства, какъ и вопроса о цѣли государства. По этому вопросу онъ высказалъ мысль, что взаимная идея любви между людьми можетъ явиться какъ основаніемъ въ процессѣ общественнаго развитія, такъ и окончательною его нормою.

Основою для возникновенія государства можетъ быть та симпатія, которая вызывается необходимостью заботы родителей о дѣтяхъ, какъ показалъ Сэдерландъ [1]), а окончательно нормою государства можетъ быть христіанская любовь. «Главное дѣло у насъ», пишетъ Хомяковъ [2]) Ю. Ф. Самарину (1849 г.), «не вводить и не предлагать прямо и практически полезное, но пробуждать, уяснять или вводить нормы, согласныя съ правдою и истиннымъ христіанствомъ» [3]).

Какъ счастливъ былъ бы Хомяковъ —смѣемъ такъ думать—если бы онъ могъ прочесть Высочайшій Манифестъ отъ 26 февраля 1903, освящающій, съ высоты престола, основныя идеи, высказанныя Хомяковымъ въ то время, когда его ученіе считалось, по меньшей мѣрѣ, подозрительнымъ. Хомяковъ училъ, что цѣлью русскаго государ-

---

1) Sutherland, The origine of moral instinct, 2 vols, 1898.

2) Соч. Хомякова, т. VIII, стр. 277.

3) Коротко расправляется проф. Еллинекъ (Das Recht des modernen Staatès, 1900, § 220) съ тѣми, кто ставитъ государству этическія цѣли: «Произволъ правительства и уничтоженіе духовной свободы личности—вотъ практическій результатъ этой (т. е. этической) теоріи во всѣхъ ея формахъ», говоритъ нѣмецкій профессоръ безапелляціонно, внушительно, авторитетно. Но почему? Неужели и этическая цѣль будетъ благодѣтельнѣе вліять на дѣятельность государства?

ства должно быть осуществленіе, въ жизни, высшихъ нравственныхъ началъ. Манифестъ 26 февраля призываетъ «всѣхъ вѣрноподданныхъ содѣйствовать» Государю «къ утвержденію въ семьѣ, школѣ и общественной жизни нравственныхъ началъ, при которыхъ, подъ сѣнью Самодержавія, только и могутъ развиваться народное благосостояніе и увѣренность каждаго въ прочиссти его правъ». Манифестъ освящаетъ вѣротерпимость, признанную законами Имперіи; въ основу всѣхъ трудовъ по пересмотру законодательства о сельскомъ состояніи кладетъ «неприкосновенность общиннаго устройства», при чемъ повелѣваетъ изыскать способы для облегченія отдѣльнымъ крестьянамъ выхода изъ общины и къ отмѣнѣ стѣснительной для крестьянъ круговой поруки. Мы указали не всѣ существенные пункты манифеста, а тѣ только изъ нихъ, за которые въ свое время боролся Хомяковъ и за которые нѣкоторые и въ настоящее время считаютъ его ученіе отвлеченнымъ или, какъ они выражаются, «идеологическимъ».

§ IX.

Ученіе Хомякова о цѣли государства.

(окончаніе).

Не слѣдуетъ, однако, думать, что Хомяковъ, обращавшій вниманіе преимущественно на религіозно-нравственныя стороны человѣческой жизни, не сознавалъ, какъ юристъ, что нравственныя начала христіанства, проводимыя въ дѣйствительной жизни государствомъ, должны, по необходимости, принять форму и условный характеръ правовыхъ велѣній, оберегаемыхъ принудительною государственною санкціей. Напротивъ, онъ это даже прямо высказалъ; но это нисколько не подрываетъ, для жизни государства, практической силы и значенія христіанскаго

идеала, какъ высшаго и послѣдняго критерія,—контроля и защиты [1]) противъ человѣческаго произвола, какъ въ монархіяхъ, такъ и въ республикахъ.

Эти христіанскіе идеалы должны быть осуществляемы въ ихъ неприкосновенной евангельской чистотѣ, а не въ ложно истолкованной, даже извращенной передѣлкѣ, превращающей, цѣпью іезуитскихъ умствованій, христіанскую любовь въ «культурную» ненависть. Тѣмъ не менѣе, совершенно ясно, что примѣненіе христіанскихъ началъ, особливо въ законодательствѣ, не можетъ избѣгнуть нѣкоторой условности, нѣкоторыхъ типичныхъ чертъ правовыхъ велѣній вообще. «Жизнь государства», говоритъ Хомяковъ, «есть жизнь, по преимуществу, практическая, постоянно тревожимая и измѣняемая волненіемъ и измѣніемъ обстоятельствъ случайныхъ. Характеръ ея заключаетъ въ себѣ, по необходимости, преобладаніе условности, вещественности и принудительности».

Этому праву государственному онъ противополагаетъ право общественное, свободную дѣятельность общества.

---

[1]) Если цивилизованное въ духѣ Ницше государство (все равно—какой формы) придетъ къ окончательному заключенію, что лучше всего, для рѣшенія соціальнаго вопроса, періодически вырѣзывать слабыхъ, для очищенія арены сверхъ-человѣкамъ, то гдѣ найти противъ такой мѣры авторитетный критерій? Въ разумѣ? Но разумъ можетъ ничего не имѣть противъ такой соціальной хирургіи. Тогда человѣчество вспомнило бы о христіанствѣ. Вспомнимъ, что право государства идетъ-де настолько далеко, насколько хватаетъ у него силы (virtus—Спинозы). Конечно, Спиноза старался ограничить свое положеніе объ абсолютномъ правѣ государства на все другимъ положеніемъ, - что государство не можетъ идти противъ предписанія разума. Но вѣдь разумъ можетъ, какъ показываетъ исторія, вести къ самымъ ужаснымъ, съ точки зрѣнія религіи и морали, выводамъ и мѣрамъ. Разумъ можетъ получать исходныя точки и отъ ненависти, и отъ эгоизма. Разумъ людей, въ соціальной борьбѣ, легко можетъ потерять свою ясность и проницательность.

Хомяковъ совершенно ясно, не хуже лучшихъ юристовъ, понималъ значеніе правоваго элемента въ жизни европейскихъ народовъ. Онъ очень вѣрно говоритъ [1]): «Идея права лежала въ основѣ римской жизни, и римская жизнь, передающая новое начало просвѣщенія германскимъ завоевателямъ, передала имъ идею строго-логическаго права, не только въ бытѣ государственномъ, условномъ и, слѣдовательно, невозможномъ безъ подчиненія праву логическому, но и въ жизни духовной и религіозной». Несмотря на то, что всякое начало, вводимое въ законодательство, непремѣнно принимаетъ характеръ условности, было бы преувеличеніемъ, если бы мы думали, что въ законодательство невозможно ввести нравственное начало, не исказивъ его предварительно. Правовое повелѣніе, конечно, условно и подлежитъ логическому развитію, причемъ можетъ быть нарушена и самая нравственная сущность правоваго велѣнія. Но, при примѣненіи права, живой государственный судъ можетъ и долженъ стоять на стражѣ нравственнаго смысла права. Разбойничье толкованіе, умерщвляющее логикою правду закона, есть низшая форма отправленія правосудія въ историческомъ развитіи послѣдняго. Нравственно-чистое толкованіе закона не подрываетъ, а, напротивъ, укрѣпляетъ права людей.

---

[1]) Соч. Хомякова, т. VIII, стр. 43.

Глава третья.

Право и его этика.

§ I.

Обязанность, какъ единственно-живой источникъ права.

Когда находимся въ области государственнаго права, то должны помнить, что мы вращаемся не въ сферѣ частныхъ правъ лица, правъ, въ которыхъ оно является, по крайней мѣрѣ, въ переживаемую нами историческую эпоху, представителемъ самаго широкаго и возможнаго, въ государствѣ, полновластія личности. Только въ частной сферѣ личности мы имѣемъ дѣло съ настоящимъ правомъ, какъ законною возможностью что либо дѣлать, или не дѣлать (jus disponendi). Въ области же государственной жизни собственно нѣтъ правъ, есть только обязанности, или если и есть нѣчто, напоминающее право, то это «нѣчто, напоминающее право» все же вытекаетъ изъ обязанности, или есть право, дающее только возможность исполнять обязанности. Это понятіе обязанности, какъ настоящаго источника права въ области государственной жизни, было совершенно ясно сознаваемо Хомяковымъ и было имъ превосходно выражено, сильно освѣщено въ «посланіи изъ Москвы къ сербамъ» [1]), которое можно было бы съ такимъ же правомъ назвать «посланіемъ къ русскимъ». «Не говорите», завѣщаетъ Хомяковъ сербамъ, «много о правѣ и правахъ и не очень слушайте тѣхъ, которые говорятъ о нихъ, но слушайте охотно тѣхъ, которые говорятъ объ обязанности, потому-что обязанность есть единственно-живой источникъ права. Знаніе собственнаго права

[1]) Соч. Хомякова, т. I, стр. 406.

въ сильномъ ничего не значитъ, освящая только его волю, а въ безсильномъ оно ничтожно, по самому его безсилію. Знаніе же обязанности связываетъ сильнаго, созидая и освящая права слабыхъ. Себялюбіе говоритъ о правѣ, братолюбіе говоритъ объ обязанности». Эта мысль Хомякова, что себялюбіе говоритъ о правахъ, а братолюбіе говоритъ объ обязанности, имѣющая значеніе наблюденія, сдѣланнаго надъ исторіею и жизнію народовъ, представляетъ важное правило для этики права, если позволено ввести такой терминъ. Пусть прислушиваются у насъ къ этому завѣту Хомякова, пусть сдѣлаютъ его руководнымъ началомъ для государственной жизни и для общественнаго мнѣнія. Совершенно иначе освѣщается весь государственный бытъ народа, если мы на него будемъ смотрѣть, какъ на область нравственныхъ обязанностей, воплотившихся въ правовую форму. Современная просвѣщенная мысль ученыхъ на континентѣ Европы стоитъ уже на этой точкѣ зрѣнія; въ Англіи же это воззрѣніе исторически воплощено въ государственномъ быту. Просвѣщенные люди знаютъ, что дѣятельность, въ области государственной жизни, вся основана на повинности, серьезной, тяжелой, но необходимой для того, чтобы жизнь народа шла логическимъ путемъ. Все эта вѣрно для тѣхъ, у которыхъ мысль просвѣщена истиннымъ христіанствомъ,—вѣдь они знаютъ, что рѣшать соціальные вопросы можно лишь однимъ путемъ: носить бремена другъ друга. Но переживаемая эпоха больше всего получаетъ окраску отъ «интеллигентныхъ» людей, отъ умныхъ дураковъ безъ просвѣщенной мысли. Общественный сходъ, если можно такъ фигурально выразиться, заполоненъ горланами совершенно необразованными. Имъ слѣдуетъ усвоить, что государственная жизнь есть область повинности, для которой лишь годны люди съ просвѣщенною мыслью, воспитаннымъ чув-

ствомъ и упражненною волею. Поэтому и получающіе власть въ государственномъ быту должны помнить, что ихъ право есть лишь обязанность. Понятіе о правѣ, какъ о полновластіи лица, даже и въ сферѣ частнаго права, подлежитъ большимъ ограниченіямъ. Гдѣ нѣтъ полновластію ограниченія юридическаго, тамъ можетъ возникнуть ограниченіе нравственное. Я могу купить драгоцѣннѣйшую картину, предметъ гордости искусства и уничтожить ее. Это будетъ проявленіе права распоряженія, jus disponendi, но проявленіе безнравственное. Я могу, оказавшись собственникомъ драгоцѣннѣйшаго цѣлебнаго источника, запереть его для страждущихъ. Это будетъ безнравственно. Но развитіе этики права идетъ впередъ. Что вчера было только безнравственно, можетъ быть завтра закономъ воспрещено по соображеніямъ государственной пользы.

§ II.

Этика права.

Вотъ эту-то «этику права», которую до сихъ поръ не могутъ, какъ слѣдуетъ, понять юристы, одичавшіе въ часто безнравственной юридической логикѣ, давнымъ-давно понялъ Хомяковъ, никогда не бывшій заправскимъ правовѣдомъ, но глубоко понимавшій право и чуявшій его будущее. Говоря о юридическихъ началахъ, лежащихъ въ русской мірской сходкѣ, Хомяковъ замѣчаетъ: «Есть въ старыхъ обычаяхъ, есть въ стародавней сходкѣ свои юридическія начала (т. е. торжество нравственной справедливости, какъ видно изъ приведеннаго Хомяковымъ случая на сходкѣ). Правда, они разнятся отъ юридическихъ началъ, принятыхъ за норму въ другихъ земляхъ; но вспомнимъ, что Болонскій юристъ въ среднихъ вѣкахъ смѣялся надъ мѣстнымъ правомъ, принятымъ въ Англіи, и что этому праву во многомъ подражаютъ теперь въ

Европѣ. Но дѣло еще некончено. Совѣсть овладѣла разбирательствомъ факта только въ отношеніи къ его существованію. Очевидно, ей же подлежитъ, и будетъ подлежать, фактъ въ отношеніи къ его нравственности. Такимъ образомъ, все усовершенствованіе получитъ свое начало отъ обычая и быта славянскихъ. Часть дѣла совершена, дальнѣйшая впереди. Но скажутъ мнѣ: «такія начала слишкомъ неопредѣленны, не имѣютъ юридической строгости» и т. д. Я считаю подобныя возраженія довольно ничтожными. Въ первыхъ формулахъ закона является дѣйствительно самый строгій юридическій формализмъ; напр.: «кто убилъ, да будетъ убитъ»; но слѣдуютъ другіе возрасты права: начинается разборъ, совершено ли убійство вольно, или невольно, въ полномъ ли разумѣ убившаго, или въ безуміи, нападая, или въ своей собственной защитѣ, съ преднамѣріемъ, или въ мгновенной вспышкѣ, вслѣдствіе злости, или отъ мѣры терпѣнія, переполненной оскорбленіями и т. д. Формализмъ исчезаетъ все болѣе. Пожимай плечами, Болонскій юристъ! Право перестаетъ быть достояніемъ школяра и дѣлается достояніемъ человѣка»[1]. О, великій чуятель правды, Хомяковъ! Право все еще въ рукахъ школяра, еще болѣе тупаго школяра, чѣмъ въ то время, когда ты писалъ свои великіе завѣты! Школяръ этотъ заполонилъ литературу, ежедневную печать, кафедры и собранія. Онъ горланитъ на всѣхъ углахъ и перепутьяхъ, что нравственность—одно дѣло, а право—совсѣмъ другое, десятое дѣло; что смѣшеніе ихъ есть уже давно оставленная наукою точка зрѣнія; что отщепенцы, требующіе началъ справедливости во всѣхъ областяхъ права, даже въ правѣ гражданскомъ, сами не понимаютъ, какіе жалкіе

---

[1]) Соч. Хомякова, т. I, стр. 168.

парадоксы они проводятъ; что лѣсъ толкованій закона, изъ-за которыхъ уже не видать самаго закона, есть не что иное, какъ «органическое» послѣдствіе разработки права судомъ и наукою; что этотъ лѣсъ прецедентовъ вырабатываетъ, для обслуживанія общества, славное сословіе юристовъ, которыхъ высшая задача примѣнять право къ фактамъ въ самомъ кипяткѣ жизни. «И», продолжаетъ школяръ, «если лепечетъ голосъ невѣжественнаго народа, что сословіе это плодитъ безконечныя тяжбы, мѣшаетъ примиренію сторонъ и беретъ свою толику отъ всякаго наслѣдства, отъ всякаго недоразумѣнія, всякаго начинанія и всякаго юридическаго приключенія, то, въ этомъ, конечно, много правды; но, въ концѣ концовъ, виноваты вѣдь не люди, а учрежденія: инструментъ дастъ тотъ звукъ, который изъ него извлекаютъ!».

Когда же будетъ изъята, наконецъ, наука права изъ рукъ школяра? Хомяковъ на это отвѣчаетъ: «такой возрастъ права возможенъ только въ единствѣ обычнаго и внутренняго начала общества». Это значитъ: намъ слѣдуетъ довѣрять тому праву, которое живетъ въ совѣсти человѣческой, а не въ диссертаціяхъ школяра. Вырвите же изготовленіе законовъ изъ рукъ теоретиковъ, черпайте право изъ соборной совѣсти народа, прислушивающагося къ стонамъ жизни и получающаго внушенія изъ христіанской вѣры,—своего единаго, истиннаго оплота и спасенія! Пусть «болонскій» юристъ будетъ тѣмъ, чѣмъ онъ способенъ быть: редакторомъ, или юридическимъ словопроизводителемъ, пусть онъ одѣваетъ въ короткія «дефиниціи» тѣ внушенія.

§ III.

Соборная совѣсть..

Было время, когда споря съ ученымъ школяромъ, держащимъ науку права въ своихъ рукахъ, можно было, по-

крайней мѣрѣ, ссылаться на нравственность, какъ на внѣ всякаго сомнѣнія стоящій авторитетъ. Но теперь времена перемѣнились. Появилась особая группа школяровъ, которые, вдохновленные больнымъ апостоломъ жестокости для улучшенія типа людей до возведенія послѣдняго на степень сверхчеловѣческаго совершенства, утверждаютъ, что самая нравственность подлежитъ пересмотру, что всѣ, такъ называемыя, нравственныя блага должны быть вновь переоцѣнены. Сумасшедшій апостолъ поставилъ себѣ, по словамъ философа Фуиллье [1]), совершенно серьезно изслѣдующаго бредни Ницше, слѣдующіе вопросы: «Существуетъ ли въ самомъ дѣлѣ мораль? Да и желательно ли, чтобы она вообще существовала? Мораль, существовавшая до сихъ поръ, не причинила ли человѣчеству гораздо больше зла, чѣмъ добра?». До сихъ поръ подобные нелѣпые вопросы въ нравственности философіи неставились. Искали основаній нравственности; опредѣляли высшее благо (summum bonum); искали рѣшающаго признака для добра и зла. Но всѣ были согласны въ томъ, что признанныя всѣмъ человѣчествомъ и во всѣ вѣка нравственныя блага суть несомнѣнныя блага, а не зло. Никто не сомнѣвался ни въ томъ, что нельзя убивать, ни въ томъ, что слѣдуетъ любить ближняго. Какъ утилитарная, такъ и независимая (или интуитивная) школа морали признавали однѣ и тѣ же добродѣтели; онѣ расходились только въ опредѣленіи того, какъ человѣчество дошло до признанія этихъ добродѣтелей: путемъ ли наитія (интуиціи), или путемъ наблюденія фактовъ жизни,—путемъ индукціи, путемъ утилитарнаго вычисленія пользы и вреда [2]); но онѣ не расходились, напримѣръ,—въ вопросѣ о томъ, должна ли быть терпима жалость, какъ нравственное чувство, и не слѣдуетъ ли

---

[1]) A. Fouillée, Nietzsche et l'immoralisme, Paris, 1902, p. 1 и слѣд.
[2]) J. S. Mill, Utilitarianism, 1871, p. 3.

вообще ее упразднить и замѣнить безпощадностью къ слабому подчеловѣку, для того, чтобы выработался сверхчеловѣкъ? Если нравственность, освященная вѣками и никогда не подвергавшаяся сомнѣнію со стороны ея благодѣтельнаго вліянія на человѣческую жизнь, отдана на разанализированіе или разгромленіе школярамъ, встрѣчающимъ сочувствіе полуобразованнаго, тупаго стада, то, понятно, что она можетъ быть также и осуждена, признана негодною. Это обстоятельство показываетъ, что нравственность, если она не поддерживается христіанскою вѣрою людей, есть не что иное, какъ общественная теорія, которую люди могутъ и забросить. Но если умственно развитая часть общества можетъ еще иногда соблюдать нравственную дисциплинированность, охраняемую у нихъ правильно понятымъ коммерческимъ личнымъ интересомъ, повелѣвающимъ извѣстный способъ поведенія,—то что можетъ воздерживать отъ безнравственности ту массу полуобразованнаго люда, который не обладаетъ никакою дисциплинированностью, основанною на личномъ интересѣ, и обуреваемъ всѣми низкими и дурными страстями? Вѣдь нравственное поведеніе, обезпеченное жалостью, большинству людей, хищниковъ, вовсе незнакомо. Для нихъ нуженъ авторитетъ закона, воплощеннаго въ силѣ государства, или, что выше, просвѣщеніе души въ вѣрѣ, питаемой церковью. Какая же будетъ санкція для той морали, которая можетъ быть названа общественною, т.-е. для прикладной? Конечно, общая санкція нравственности, и, кромѣ того, авторитетъ соборной совѣсти, т. е. единой мірской совѣсти, основанной на истинномъ понятіи и искреннемъ чувствѣ братства, воспитываемыхъ православною церковью [1]). Только въ соборной совѣсти людей,

[1]) Хомяковъ, соч. т. I, 386: «православный, сохраняя свою свободу, но смиренно сознавая свою слабость, покоряетъ ее единогласному рѣшенію соборной совѣсти».

соединенныхъ воедино въ церкви и государствѣ, мы можемъ найти охрану нравственности. Эта соборная совѣсть является высшею охраною общественной нравственности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, источникомъ права вообще, конечно, дѣйствующимъ по историческимъ законамъ, въ обстановкѣ тѣхъ общихъ физическихъ и бытовыхъ условій, среди которыхъ развертывается исторія даннаго народа. Само собою разумѣется, что мы здѣсь говоримъ не о судящей совѣсти, а о совѣсти законодающей[1]),—упоминаемъ объ этомъ для избѣжанія недоразумѣвій, хотя граница между этими двумя видами совѣсти не всегда рѣзка. Совѣсть иногда намъ указываетъ, что мы рѣшили правильно или неправильно дѣло по такому-то правилу права или нравственности, это судящая совѣсть. Но когда мы рѣшаемъ какой-нибудь вопросъ не по правилу, по его неимѣнію, наша совѣсть создаетъ это правило. Это—законодающая совѣсть.

§ IV.

Воплощеніе соборной совѣсти.

Но соборная совѣсть народа нуждается въ воплощеніи, въ которомъ, въ болѣе просвѣтленномъ[2]) и возвышенномъ видѣ, онъ могъ бы получить обратно свои собственные помыслы и упованія, провѣренные на высотѣ, съ которой все виднѣе изъ своей настоящей бытовой обстановки. Это

---

1) Elshans, Wesen des Gewissens, 1894 S. 186—187.

2) Совѣсть просвѣтляется и возвышается подъ вліяніемъ болѣе совершеннаго чувства отвѣтственности передъ однимъ только Богомъ. Хомяковъ (т. VIII, стр. 142) говоритъ: «не только чужая но и своя душа потемки. Это, отчасти, кажется, выражаетъ Апостолъ, говоря: «совѣсть моя меня не обвиняетъ, но Богъ больше моей совѣсти».

олицетвореніе соборной совѣсти, по моему, совершается въ одной монархіи, ибо въ республикахъ нѣтъ и не можетъ быть истиннаго воплощенія совѣсти народной, а есть только уполномочіе исполнять волю народа чрезъ представителей, или повѣренныхъ его,—не лучшихъ, а наиболѣе ловкихъ, рѣчистыхъ и оборотистыхъ людей страны. Въ монархіи же есть совѣсть народа — государь. Какъ человѣкъ, онъ можетъ впасть въ ошибку, но, какъ государь, онъ не можетъ сдѣлать зла сознательно. The king can do no wrong, говоритъ англійская монархическая формула. Его могутъ обмануть нечестные совѣтники, предъ нимъ могутъ извратить перспективу. Но онъ неспособенъ сдѣлать зло умышленно, по своей волѣ. Его личная, ничѣмъ не стѣсняемая, совѣсть въ томъ порукою. Получая власть не путемъ голосованія и неизбѣжныхъ происковъ, изъ не всегда чистыхъ рукъ людей, а отъ логики судебъ историческихъ, призванный, а не только избранный для нея, вѣруя въ ея высшее логическое, нравственно-необходимое и божественное происхожденіе, отпрыскъ породы, вѣками подобранной и воспитанной для управленія народами, государь, а не отошедшій въ исторію тиранъ, о которомъ здѣсь не можетъ быть и рѣчи, не принадлежитъ и не можетъ принадлежать ни къ какой партіи, стоитъ превыше всякаго пустого племеннаго тщеславія, внѣ мелкихъ человѣческихъ дѣлишекъ и расчетовъ, и способенъ питать лишь одну возвышенную страсть — страсть къ добру, къ правдѣ, къ милосердію. Его душа, его личная отвѣтственность предъ своею же совѣстью—обезпеченіе для народа. Гамлетъ не потому колеблется и не рѣшается на убійство короля, что у него слаба воля, а потому, что онъ невполнѣ убѣжденъ въ виновности [1]) и боится, подъ вліяніемъ злого духа, совер-

[1]) Гамлетъ говоритъ: «I'll have grounds more relative than this», т. е. «я желаю имѣть доказательства, болѣе относящіяся къ дѣлу, чѣмъ это (т. е. разсказъ тѣни)».

шить неправосудность. Сынъ своего доблестнаго отца, онъ, прежде всего, невольно слѣдуетъ наслѣдственному побужденію своей расы—правосудности. Послѣдняя мысль на эшафотѣ убитаго Людовика XVI была посвящена потрясающему заявленію о неправосудности наложенной на него кары.

Намъ кажется, что Блунчли (Staatslehre, B. I, 440) не совсѣмъ исчерпываетъ понятіе, когда даетъ монарху опредѣленіе, что онъ только олицетвореніе верховенства и государственной власти. Конечно, каждый монархъ есть олицетвореніе верховной власти въ государствѣ, какъ каждый отецъ семьи есть олицетвореніе семейной власти. Но не въ правовомъ лишь воплощеніи власти—особая нравственная сущность монархіи. И въ республикѣ имѣется, сроковое, правда, олицетвореніе верховной власти: — представители народа и президентъ. Настоящая, особая, нигдѣ больше не встрѣчающаяся, нравственная сущность европейской монархіи одна: монархъ есть просвѣтленная совѣсть народа. Отвлеченная верховная власть, принадлежащая наслѣдственному монарху, превращается въ живую личность монарха, дѣйствующаго по совѣсти, въ чемъ онъ и даетъ отвѣтъ предъ цѣлымъ міромъ. И если бы вмѣсто властнаго и неосуществимаго утвержденія: «государство, это—я», брошено было въ оборотъ жизни другое, нравственное, болѣе глубокое и вполнѣ осуществимое положеніе короля: «совѣсть народа, это—я», ходъ развитія политическихъ идей въ Европѣ принялъ бы, легко можетъ статься, совсѣмъ другое направленіе. Служить воплощеніемъ государственной власти можно, имѣя пороковъ больше, чѣмъ добродѣтелей; но быть, предъ небомъ и землею, совѣстью народа можно только будучи чистымъ, милосерднымъ, христіански-смиреннымъ, то-есть обладателемъ тѣхъ добродѣтелей, при которыхъ только и возможно столь нужное монарху по-

знаванiе правды въ запутанныхъ дѣлахъ человѣческихъ: ибо вся правда открывается лишь чистымъ сердцемъ [1]).

Наблюдая, въ послѣднее десятилѣтiе, за бурными событiями жизни французской и американскихъ республикъ, за моментами ожесточенной борьбы партiй, когда истина нисколько не уважалась, старательно затемнялась и прямо унижалась, а не выяснялась, когда всѣмъ очевидная правда погибала въ тискахъ партiонной борьбы, сторонній свидѣтель попиранія истины, въ горести, спрашивалъ: «но есть же совѣсть, скажемъ, у французскаго народа,—почему же она молчитъ?» Совѣсть у французовъ есть, конечно; но нѣтъ воплощенія этой совѣсти—нѣтъ монарха. Президентъ же есть непремѣнно человѣкъ партiи, и если бы онъ даже заявилъ притязанiе на роль воплощенія совѣсти народа, то ему отвѣтили бы: «Ты искренній, честный республиканецъ, но ты не болѣе, какъ нашъ уполномоченный». Въ настоящее время, во Францiи, есть отдѣльныя совѣсти, но единой, отвѣтственной совѣсти французскаго народа нѣтъ. Народныя собранія, парламенты не имѣютъ и не могутъ имѣть совѣсти. Она можетъ быть только у отдѣльнаго члена. Голосующiя, многоголовыя государственныя существа руководствуются интересами, изобилуютъ знаніями научными и бытовыми, а также богатствомъ мыслей;

[1]) Много лѣтъ тому назадъ, въ Брюсселѣ, случайно попалъ я на публичную лекцiю по государственному праву, и одна фраза лектора поразила меня, вѣровавшаго тогда больше всего въ разумъ. Профессоръ сказалъ: «Европейскому монарху не нужно быть мудрымъ, для счастiя народа совершенно достаточно, если онъ будетъ только честенъ». Впослѣдствiи, въ жизни, я часто вспоминалъ эту мысль,—многому я отъ нея научился. Она исходила отъ человѣка, который принадлежалъ къ народу, умудренному политическимъ опытомъ. Опытъ же этотъ ясно показываетъ, что для счастiя народовъ не столько нужны генiальные, сколько справедливые и честные правители. Золотые блестки таланта разсыпаны въ жизни довольно щедро, алмазъ же, чуткая совѣсть, попадается довольно рѣдко: онъ и дороже,

но у нихъ нѣтъ и не можетъ быть ни «слова монарха», ни сердца его, и этотъ недостатокъ вопіетъ. Партіи могутъ нагло провозглашать чорное бѣлымъ, и обратно, и нѣтъ монарха, стоящаго выше всѣхъ, который могъ бы на весь міръ воскликнуть: «Вы затемняете правду; но я вамъ говорю: вотъ она гдѣ, эта правда!»

Мысль Блунчли, приведенная нами выше, уже потому невѣрна, что фактически и даже юридически не всегда власть европейскаго монарха вся у него въ рукахъ. По силѣ вещей, въ жизни, въ осуществленіи—а вѣдь на практикѣ послѣднее и есть самое важное—власть государственная только по фикціи сосредоточена въ рукахъ монарха. Она осуществляется другими—отъ его имени; фактически ея выполнители держатъ въ своихъ рукахъ права, а нравственная отвѣтственность падаетъ на монарха. Но въ качествѣ совѣсти народа монархъ всегда и вездѣ дѣйствуетъ самолично. Здѣсь солнце свѣтитъ непосредственно, безъ прохожденія чрезъ разныя средины, отъ которыхъ лучи тускнѣютъ. Теоретики монархическаго начала всегда имѣютъ, главнымъ образомъ, въ виду часто, de facto, очень слабую, власть европейскаго монарха и не принимаютъ во вниманіе, что власть есть только возможность осуществить что-нибудь, а побужденія, слѣдовательно, и помыслы подсказываются совѣстью. Совѣсть монарха [1]) и является великимъ, правосуднымъ третейскимъ судьею въ разгарѣ страстей въ государственной жизни. Сущность

---

[1]) И если справедливо, что Наполеонъ на остр. Св. Елены сказалъ что государь долженъ руководствоваться не совѣстью, а славолюбіемъ, и что только такимъ способомъ можно стать великимъ человѣкомъ, то это показываетъ, насколько этотъ «сверхчеловѣкъ», титанъ во злѣ и ничтожество въ добрѣ, далекъ былъ мыслію и чувствомъ отъ пониманія истиннаго значенія государя въ государствѣ (Jacobowsky, Der christliche Staat, 1894, S. 66, приводитъ сказанное Наполеономъ).

величайшаго соціальнаго вопроса современной европейской жизни такова, что, для правильнаго его повершенія, не столько нужны знанія и проницательность, сколько чуткая совѣсть монарха, нестѣсненнаго въ своихъ дѣйствіяхъ ни юридическими осложняющими механизмами, ни классовыми предразсудками, ни пережившими себя традиціями. Какъ при совершеніи прыжка слѣдуетъ довѣряться моментальному, почти инстинктивному глазомѣру, такъ и въ современныхъ соціальныхъ вопросахъ нужно, безъ всякихъ сомнѣній, слѣдовать повелительному голосу совѣсти. Малѣйшее колебаніе, малѣйшая тѣнь недовѣрія къ этому безошибочному внутреннему руководительству, и человѣческій умъ безнадежно увязаетъ въ тинѣ непрочныхъ, двухсмысленныхъ данныхъ, шаткихъ мнѣній, партіонныхъ ненавистей и, подобно миражу, обманывающихъ историческихъ справокъ и изображеній.

§ V.

Проповѣдникъ in partibus infidelium.

Изложенное мною ученіе о правѣ и о соборной совѣсти, какъ конечномъ источникѣ права, содержится посредственно и непосредственно въ разныхъ идеяхъ Хомякова, разбросанныхъ въ его сочиненіяхъ. Понятно, что при такихъ понятіяхъ о правѣ, Хомяковъ могъ и даже долженъ былъ сказать, что Россія такая земля, которая «никогда не пристрастится къ такъ называемой практикѣ гражданскихъ учрежденій»; что Россія «не вѣритъ и никогда не повѣритъ мудрости человѣческихъ расчетовъ и человѣческихъ постановленій»; что «она вѣритъ высшимъ началамъ, она вѣритъ человѣку и его совѣсти». Она вѣритъ человѣку и его совѣсти! Въ этомъ положеніи—

объясненіе многихъ сторонъ и въ русскомъ законодательствѣ, и въ русской жизни. Преданность главѣ государства, по нашему закону, повелѣвается не токмо за страхъ, но и за совѣсть. Отвѣтственность правовая, конечно, существуетъ; но повиновеніе главѣ государства ограждается совѣстью. Такъ, совѣсть является высшею гарантіею въ жизни и государствѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если вглядѣться въ человѣческія отношенія, въ юридическіе окопы одного человѣка отъ возможныхъ злодѣяній другого человѣка, то мы, въ концѣ концовъ, придемъ къ общему выводу, что наиболѣе крѣпкою фортеціей нашею является только совѣсть людей. Есть цѣлая масса отношеній, гдѣ одинъ человѣкъ можетъ причинять другому всяческое зло безпрепятственно и при томъ совершенно безнаказанно. Единственная и самая прочная сдержка для него—совѣсть, не позволяющая, въ большинствѣ случаевъ, дѣлать то зло, которое причинить было вполнѣ возможно.

Мы не дерзаемъ, слѣдуя за Самаринымъ, называть Хомякова учителемъ православной церкви за его великую ей службу,—мы не считаемъ себя для того призванными ни познаніями, ни авторитетностью. Много сдѣлалъ Хомяковъ для того, чтобы представить въ ясности все неизмѣримое, животворящее, спасительное значеніе православія для русскаго народа. Онъ былъ величайшимъ свѣтскимъ и, въ этомъ смыслѣ, чуть ли не единственнымъ проповѣдникомъ православія въ русскомъ образованномъ классѣ, вообще равнодушномъ къ высшимъ вопросамъ бытія. Въ этомъ отношеніи онъ былъ дѣйствительно чѣмъ-то въ родѣ просвѣтителя in partibus infidelium. Но можно ли за эти заслуги считать его учителемъ церкви, мы не знаемъ,—пусть рѣшаютъ это болѣе, чѣмъ мы, для того призванные. Но что за его глубокія, вѣрныя и просвѣтительныя понятія о правѣ, его можно признать великимъ наставникомъ въ томъ, что римляне называли ars boni et aequi,—это мы

дерзаемъ сказать. Онъ первый у насъ далъ идеи для того, что мы назвали этикой права. Въ немъ русская молодежь имѣетъ неисчерпаемый источникъ для ученій объ этикѣ права, этой незнакомой еще, но грядущей уже науки, которая, судя по душевнымъ запросамъ народа, будетъ въ Россіи имѣть серьезный успѣхъ. Для этой науки Хомяковъ, морализаторъ права по преимуществу, положилъ первые камни. Съ высоты Альпъ, съ которыхъ, предъ лицомъ Творца, любовно, какъ философъ и поэтъ, обозрѣвалъ онъ міръ, усмотрѣлъ онъ на горизонтѣ много такихъ образовъ, которые теперь только мы еле начинаемъ различать сквозь туманъ политическихъ теорій и таблицъ соціологіи.

Природа была для него міромъ, полнымъ чудныхъ картинъ, мелодій и идей; въ философскомъ созерцаніи, незамѣтно переходившемъ у него въ поэтическое вдохновеніе, онъ, зачарованный, вслушивался въ доносившійся изъ безконечныхъ пространствъ хоръ голосовъ мірозданія, пѣвшій славу творенію. Сухія математическія или астрономическія данныя, въ рукахъ этого на диво талантливаго славянскаго человѣка, превращались въ поэтическія картины, подхватывающія воодушевленнаго читателя и уносящія его на высоту поднебеснаго полета. Въ одномъ изъ своихъ философскихъ писемъ (1860 г.) къ Ю. Самарину [1]) онъ описываетъ одну ночь: «она была необыкновенно ясна; далекая и глубокая даль отрѣзывалась отчетливо противъ ночного неба; почти полный мѣсяцъ, уже на ущербѣ, плылъ тихо, не слишкомъ высоко надъ землею; недалеко отъ него алмазнымъ огнемъ горѣла планета, кажется, Юпитеръ; въ сторонѣ сверкалъ и мигалъ красноватый Сиріусъ, и безчисленное множество звѣздъ покрывало все небо серебряною насыпью». Чтожь, ночь хороша, обыкновенному

---

1) Соч. Хомякова, т. I, стр. 322.

смертному остается только полюбоваться, сладко зѣвнуть и пойти въ постель. Но Хомяковъ поэтъ и философъ, и вотъ «ему приходитъ мысль», по его же словамъ, нѣсколько странная, но математически совершенно вѣрная «что вся эта красота, которою онъ любуется, есть уже прошедшее, а не настоящее». Въ самомъ дѣлѣ: «Сиріусъ, который мигалъ въ эту минуту предъ глазами жителя села Богучарова, былъ не теперешній, а тотъ, который былъ тому года два или болѣе назадъ; а тѣ мелкія, безчисленныя звѣзды, которыя искрились по всему небу, это были звѣзды, которыя были тому десять, пятнадцать, сто или тысячу лѣтъ назадъ». И онъ представляетъ себѣ «Плеяды съ усовершенствованною оптикою, и зрѣнію ихъ жителей будетъ современенъ не Гарибальди *или* рѣзня въ Сиріи, а Домиціанъ и христіанскіе мученики или, можетъ быть, Авраамъ, ведущій свои большія стада по (тогда еще зеленой) Палестинѣ, невыжженной Божіимъ огнемъ». И затѣмъ поэтъ, превращаясь въ философа, ставитъ слѣдующее положеніе: «Собственно современность существуетъ только въ отвлеченіи; предметъ же современный не существуетъ для другого предмета; другой для каждаго есть уже прошедшее». И какъ за «ближайшими звѣздами» на небесахъ онъ, впившись въ нихъ очами, видѣлъ «тьмы звѣздъ, ушедшихъ въ ночь», такъ въ «объемомъ тѣсномъ» писаніи галилейскихъ рыбаковъ онъ видѣлъ чудную картину:

«И въ объемомъ книгѣ тѣсной
Развернется предъ тобою
Безконечный сводъ небесный
Съ лучезарною красой.
  Узришь: звѣзды мыслей водятъ
  Тайный хоръ свой вкругъ земли;
  Вновь вглядись — другія всходятъ;
  Вновь вглядись, и тамъ, вдали,

Звѣзды мыслей, тьмы за тьмами,
Всходятъ, всходятъ безъ числа,
И зажжется ихъ огнями
Сердца дремлющая мгла» [1]).

И только небольшая книжка галилейскихъ рыбаковъ, содержащая въ себѣ все безграничное будущее блаженство Царства Божія, можетъ дать миръ на землѣ и благоволеніе въ людяхъ. Участь же всѣхъ многотомныхъ писаній нетвердыхъ моралистовъ и по существу лицемѣрныхъ правовѣдовъ—быть лишь шаткими, плохо скрѣпленными, жалкими и часто душегубными лѣсами созидающагося Храма Правды. И чтобы чувствовать настоящую правду, какъ чувствовалъ ее Хомяковъ, нужно всѣми помыслами, всею душою пребывать въ вѣрѣ, надеждѣ и любви.

Заканчивая главу объ этикѣ права, отъ души скажемъ: не ошибутся тѣ, которые, сознавъ свою безпомощность, возьмутъ своимъ руководителемъ Хомякова. Притомъ же онъ вѣрилъ, что древней русской землѣ была чужда какая бы то ни была идея отвлеченной правды, неистекающей изъ правды христіанской, или идея правды, противорѣчащей любви къ ближнему. Руководителемъ его уже потому можно смѣло выбрать, что онъ никогда не былъ человѣкомъ партіи. Политическія партіи не могутъ имѣть совѣсти, она у нихъ замѣняется платформою, программою. Отъ этой программы нельзя отступать ни ради истины, ни ради человѣколюбія. Хомяковъ былъ человѣкомъ соборной совѣсти, общаго съ другими вѣрованія; его задача была христіанская, а не политическая, онъ имѣлъ дѣло съ душами, а не съ тѣлами. Между славянофилами почиталась душевная дружба первыхъ христіанъ, а не компромиссъ, т. е. дѣловое соглашеніе съ уступками противъ совѣсти. Они проповѣдывали совѣсть истую, а

---

[1]) Стихотвореніе Хомякова: «Звѣзды».

не программную, порожденную политическою теоріею. Политическія партіи современной Европы, по своей безчеловѣчной нетерпимости, вполнѣ могутъ замѣнить изувѣрство сектантовъ. Не успѣла Европа нѣсколько оправиться отъ сектантскаго безумія, какъ на смѣну пришла хищническая страстность политическихъ партій.

Глава четвертая.

Государство и общество.

§ I.

Отношеніе Хомякова къ вопросамъ политическимъ.

Отношеніе свое къ вопросамъ политическимъ высказалъ Хомяковъ въ чрезвычайно выразительномъ положеніи, заимствуемомъ нами изъ его письма къ графинѣ А. Д. Блудовой [1]): «Вопросы политическіе», пишетъ онъ ей въ 1848 г., «не имѣютъ для меня никакого интереса; одно только важно, это вопросы общественные. Напр., у насъ правительство самодержавно, это прекрасно; но у насъ общество деспотическое, это ужъ никуда не годится». Въ томъ же году онъ писалъ Ю. Ѳ. Самарину о задачахъ истиннаго просвѣщенія въ Россіи: «Перевоспитать общество, оторвать его совершенно отъ вопроса политическаго и заставить его заняться самимъ собою, понять свою пустоту, свой эгоизмъ и свою слабость: вотъ дѣло истиннаго

---

[1]) Соч. Хомякова, т. VIII, стр. 391.

просвѣщенія, которымъ наша русская земля можетъ и должна стать впереди другихъ народовъ. Корень и начало—религія, и только явное, сознательное и полное торжество православія откроетъ возможность всякаго другого развитія... Поле чисто, да его надобно вспахать анализомъ науки и засѣять сѣменемъ живымъ». Въ выписанныхъ мысляхъ глубокій смыслъ. Хомяковъ былъ равнодушенъ къ вопросу политическому по совершенно простой причинѣ: неизсякаемый источникъ истинно правильнаго развитія народа вовсе не въ политической области, а въ жизни общества. Если общество, по истинѣ, христіанствомъ просвѣщено, обладаетъ нравственными качествами и волею, работаетъ; если оно человѣколюбиво, не глухо къ высшимъ вопросамъ бытія, то, понятно, что и управленіе, и дѣятели его, въ своемъ качествѣ, будутъ, вмѣстѣ съ обществомъ, повышаться. Простой примѣръ разъясняетъ эту азбучную истину лучше всякихъ разсужденій. Посмотрите, съ какою публикой имѣетъ дѣло англійскій полисменъ: люди настолько воспитанны и порядковы, что полисмену почти всегда остается только помогать имъ, оказывать имъ и крупныя, и мелкія услуги, какъ-то: проводить даму съ дѣтьми между во всѣ стороны снующими экипажами, поддержать старушку, шепнуть молодому человѣку дружеское предостереженіе противъ уличной красавицы-мошенницы, умѣло завлекающей юношу глазками, чтобы ограбить его въ какомъ-нибудь притонѣ и т. п. Посмотрите теперь на горемычнаго городоваго въ толпѣ: тутъ нужно подобрать пьянаго, тамъ убѣдить «хорошаго господина здѣсь не останавливаться, такъ какъ не приказано пущать»; онъ проситъ, молитъ; наконецъ, терпѣніе его истощается, и онъ переходитъ къ грубостямъ, даже брани и толчкамъ. Конечно, это очень «некультурно»! Но городовой вѣдь далеко не ангелъ, а человѣкъ, и притомъ человѣкъ не изъ лучшаго общества.

Такъ у насъ и во всемъ: рожа крива, потому зеркало даетъ скверное изображенiе. Вышеприведенный примѣръ, кажется, объясняетъ мысль, что внѣшняя жизнь государства развивается подъ влiянiемъ умственнаго и нравственнаго состоянiя народа. У общества, имѣющаго прочное религiозное, нравственное просвѣщенiе, дисциплинированнаго и привычнаго къ труду, сама собою разовьется соотвѣтственная политическая жизнь. Тѣмъ, которые полагаютъ, что политическая жизнь, сама по себѣ, есть главное творческое начало въ жизни народа, можно отвѣтить, что политическая жизнь собственно въ себѣ именно ничего творческаго не заключаетъ, а совсѣмъ обратно: настоящiй источникъ живой воды — въ обществѣ, въ общественной жизни, просвѣщенiи и трудѣ. Сербiя стоитъ, по школярской мѣркѣ, на «европейской» ступени государственнаго развитiя. Но можно ли серьезно считать просвѣщенною страну, гдѣ кровавая бойня во дворцѣ, на глазахъ у всѣхъ, безчеловѣчно, грязно и низко произведенная, нисколько не возмущаетъ чувства справедливости у народа, взирающаго равнодушно на гнуснѣйшее преступленiе.

Вышеизложенныя соображенiя приведены нами для того, чтобы показать, что Хомяковъ относился равнодушно къ политической жизни, потому-что нельзя ее считать первостепенною, по важности своей, для возвышенiя народнаго быта. Хомяковъ, безъ всякаго сомнѣнiя, безусловно считалъ самодержавiе началомъ, самобытно выработаннымъ русскою исторiею, имѣющимъ великое прошлое. Будущее самодержавiя—есть полное основанiе думать такъ—будетъ еще болѣе велико, чѣмъ прошлое. Но, понятно, при всемъ этомъ, источникомъ всего развитiя въ исторiи народа Хомяковъ считалъ, конечно, самую жизнь общества въ ея религiозно-нравственномъ смыслѣ. Тѣ, которые установили табель о рангахъ для формъ правленiя, или выдаютъ имъ дипломы первой, второй и третьей степеней,

должны были бы обратить, наконецъ, свое вниманіе на нравственную разслабленность, которая проявляется у современныхъ дипломистовъ первой и второй степеней. Никогда еще книжная политическая теорія не терпѣла такихъ пораженій, какъ въ настоящее время: Франція, давно добивавшаяся республики, какъ атестата cum eximia laude, въ настоящее время, представляетъ какую-то клинику нравственныхъ болѣзней: ея знаменательная извращенность тѣмъ болѣе серьезна, что она вполнѣ сознательна. Въ государствахъ съ дипломомъ первой и второй степеней соціальный вопросъ, т. е. вѣковая петиція бѣднаго къ государству, остается въ одномъ и томъ же положеніи безнадежной мольбы. И та форма правленія, которая школою поставлена на самую послѣднюю ступеньку, по самому своему существу, подаетъ гораздо больше надеждъ на осуществленіе соціальныхъ идеаловъ, чѣмъ тѣ, которыя красуются на первыхъ двухъ ступенькахъ. Политическая область и не могла представлять большаго интереса для человѣка такого ума, какъ Хомяковъ. Онъ, конечно, прекрасно понималъ, что, для осуществленія давнишней мечты человѣчества, чтобы массамъ народа было обезпечено существованіе не вьючной скотины, а сносное существованіе человѣческое, прежде всего, нужно, чтобы государство дѣйствительно прониклось христіанскими чувствами. Христіанскія чувства требуютъ вѣры, а вѣра, конечно, можетъ быть только результатомъ развитія личности и общества. Христіанское общество, конечно, сдѣлаетъ и государство христіанскимъ. Между тѣмъ, какъ мы надѣемся достичь улучшенія и возвышенія человѣческой жизни путемъ христіанизированія человѣческой личности, апостолы новаго государственнаго ученія, ученія о народномъ трудовомъ государствѣ (Vokstümliche Arbeitsstaat Менгера), надѣются достичь той же цѣли скорѣе «разумнымъ согласованіемъ интересовъ», чѣмъ посред-

ствомъ самопожертвованія и братства[1]). И въ этомъ пунктѣ апостолы эти раскрываютъ свою грудь для ударовъ: волковъ едва ли можно подвинуть на разумное ограниченіе эгоизма; людей, выросшихъ въ грубыхъ матеріалистическихъ идеяхъ, едва ли можно сдѣлать умѣренными согласованіемъ аппетитовъ. При томъ же, вѣдь и до настоящей эпохи, когда провозглашается возможность «трудоваго государства», бывало же согласованіе идей,—отчего же они не привели къ практикѣ альтруизма? Политическая жизнь народа есть средняя равнодѣйствующая его нравственныхъ качествъ, общественныхъ чертъ его характера и своеобразныхъ историческихъ судебъ, составляющихъ результатъ совокупности всѣхъ условій его жизни, съ надбавкою и того, чего мы не знаемъ, и потому называемъ—случаемъ. Наконецъ, формы правленія не составляютъ степеней, высшихъ и низшихъ. Сама по себѣ, форма правленія въ Европѣ даже не рисуетъ намъ, у кого дѣйствительно находится верховная власть въ рукахъ,—у народа, или у наружнаго держателя власти. Верховная власть, пожалуй, у того въ рукахъ, кто можетъ сдѣлать то, что пожелаетъ [2]), какъ говоритъ Менгеръ. Это рѣшается соотношеніемъ силъ, а не законами, уставами, повелѣніями, въ средѣ народа, раздираемаго борьбою честолюбцевъ, желающихъ раздѣлить между собою остатокъ власти, еще остающійся неуничтоженнымъ отъ процесса разложенія, вызваннаго происками тѣхъ, которыхъ Бисмаркъ когда-то мѣтко обозвалъ: *„катилиноподобными существованіями"*, т. е. существованіями, ищущими поправленія своихъ разстроенныхъ дѣлъ—посредствомъ политическихъ заговоровъ для захвата власти, находящейся всегда въ близкомъ сосѣдствѣ съ казною и дающей возможность надѣяться на осуще-

---

[1]) Menger, Neue Staatslehre, 1903, S. 70.

[2]) Ibid. S. 213.

ствленіе фантастическихъ политическихъ, въ сущности, нелѣпыхъ химеръ.

§ II.

Ученіе Хомякова о взаимныхъ отношеніяхъ государства и общества.

По этому вопросу мы имѣемъ рѣчь Хомякова, произнесенную въ публичномъ засѣданіи Общества Любителей Словесности въ Москвѣ, 26 апрѣля 1859 г. [1]), слѣдовательно, за годъ до смерти Хомякова, происшедшую 23 сентября 1860 г. Такимъ образомъ, эта рѣчь, съ одной стороны, представляетъ дѣйствительно послѣднее слово автора а, съ другой стороны, она — результатъ, строго продуманный и провѣренный теоретическими и практическими наблюденіями цѣлой жизни. Притомъ же, начала, изложенныя въ этой рѣчи, не суть общія теоретическія положенія, примѣнимыя всюду и нигдѣ; а положенія, выработанныя въ русской жизни, положенія своеобразныя,— результатъ историческаго развитія Россіи. «Наши мыслительные сосѣди, нѣмцы», говоритъ Хомяковъ, «уже замѣтили и внесли въ науку, какъ несомнѣнное, дѣленіе права на право личное, право общественное и право государственное. Это дѣленіе недавно еще болѣе уяснилъ въ его теоріи и приложеніи къ праву Русскому ученый профессоръ Московскаго Университета, г. Лешковъ, заслужившій своимъ прекраснымъ трудомъ одинаковую благодарность юристовъ и историковъ. Дѣленіе права соотвѣтствуетъ безъ сомнѣнія дѣленію самихъ жизненныхъ отправленій, тремъ областямъ дѣятельности: частной, общественной и государственной». По мнѣнію Хомякова, сфера дѣятельности частной во всемъ мірѣ одинакова: для нея совершенно все равно, какое государство ее охра-

---

[1]) Соч. Хомякова, т. III, стр. 429.

няетъ и обезпечиваетъ, лишь бы только охраняло и обезпечивало. Совсѣмъ не то дѣятельность общественная. Она «выражаетъ всѣ оттѣнки, всѣ особенности земли и народа и обусловливаетъ самое государство, дѣлая его такимъ, а не инымъ; она даетъ ему право, она налагаетъ на него обязанность быть самостоятельнымъ, выдѣлиться изъ другихъ государствъ». Если въ государствѣ нѣтъ общественной дѣятельности, человѣкъ долженъ примкнуть къ другому государству, потому—что государство, гдѣ нѣтъ общественной жизни, должно пасть, «ибо, въ своей частной дѣятельности, человѣкъ есть только лицо опекаемое или оберегаемое, въ жизни же общественной онъ—зиждитель и въ извѣстной мѣрѣ дѣятель и творецъ историческихъ судебъ».

Государство оберегаетъ, общество созидаетъ; государство повелѣваетъ, общество подготовляетъ идеи и пути для дальнѣйшаго движенія народа. «Область общественной дѣятельности», говоритъ Хомяковъ, «по своему коренному характеру, есть только область мысли, мира и добровольнаго согласія». Государство получаетъ питаніе отъ общественной жизни. «Какъ живой органическій покровъ» охватываетъ государство общество, «укрѣпляя и защищая отъ всякой внѣшней невзгоды, растетъ съ нимъ, видоизмѣняясь, расширяясь и прилаживаясь къ росту его и къ его внутреннимъ видоизмѣненіямъ. «Чѣмъ болѣе», продолжаетъ Хомяковъ, «въ немъ (въ государствѣ) мудрости и знанія своихъ собственныхъ выгодъ и своего собственнаго значенія, съ тѣмъ большею чуткостью слышитъ оно, съ тѣмъ большею ясностью видитъ оно все разнообразіе жизни общественной, съ тѣмъ большею гибкостью прилаживается оно къ ея формамъ и къ ея историческому росту, охватывая ее какъ бы живою бронею и постоянно укрѣпляясь ея живыми силами». Жизнь государственная, по Хомякову, есть «жизнь по преимуществу практиче-

ская, постоянно тревожимая и измѣняемая волненіемъ или измѣненіемъ обстоятельствъ случайныхъ; характеръ ея заключаетъ въ себѣ по необходимости преобладаніе условности, вещественности и принудительности». «Жизнь общественная», говоритъ Хомяковъ, «напротивъ, есть жизнь мысли, общественнаго самовоспитанія, свободной совѣщательности». Москву Хомяковъ считалъ историческимъ центромъ земскаго сосредоточенія, столицею общественнаго мышленія, совѣщательности. Такъ сложилась исторія Россіи, что Москва сдѣлалась центромъ земскаго сосредоточенія и совѣщательности». «Недаромъ», говоритъ Хомяковъ, «рядъ земскихъ соборовъ обозначилъ эпоху Московскаго единодержавія». Этотъ городъ «мысленнаго собора» исторіею былъ выбранъ быть столицею общественнаго мышленія, питающаго государственную жизнь. Петербургъ, по Хомякову, является у насъ столицею государственной власти, Москва,—столицею мысленнаго собора, мысленнаго сосредоточенія русской земли.

Если мы возьмемъ во вниманіе, что Хомяковъ вполнѣ былъ за отдѣленіе общественнаго права отъ государственнаго, то будетъ вполнѣ понятно, какая роль отводилась имъ обществу въ государствѣ. Правительство, по мысли Хомякова [1]), только направляетъ употребленіе силъ, а не создаетъ силы. «Безнаказанно», продолжаетъ онъ дальше, «нельзя смѣшивать общественную задачу съ политическою; на это можетъ рѣшиться только революціонная Франція и, разумѣется, она пожнетъ плоды своего безумія. Германія склонна къ той же ошибкѣ... Со временъ революціи торжествуетъ (хотя, разумѣется, существуетъ издавна) нелѣпое ученіе, смѣшивающее жизнь

1) Соч. Хомякова т. VIII стр. 177 и слѣд.

общества государственнаго съ его формальнымъ образомъ. Это ученіе такъ пустило глубоко корни, что оно служитъ основаніемъ самому протестантству политическому (соціализму и коммунизму), разрѣшающему задачу общества только новою формою, враждебною прежнимъ формамъ, но въ сущности тождественною съ ними», Хомяковъ ставилъ свое ученіе выше всякой политики, и онъ правъ, какъ это видно изъ слѣдующаго его письма къ А. Попову [1]): «Глупо съ нашей стороны давать себѣ видъ политическихъ дѣйствователей. По сущности мысли нашей мы не только выше политики, но даже выше соціализма, который есть ничто иное, какъ выводъ, и выводъ односторонній, изъ общаго воспитанія человѣческаго духа».

Это строгое отдѣленіе сферы общественности отъ государственной жизни есть собственно главное орудіе противодѣйствія соціалистическому ученію о государствѣ, но, однако, не всѣхъ группъ соціалистовъ. Между тѣмъ, какъ одни соціалисты полагаютъ, что «свободными общественными союзами» нельзя создать «трудового государства», такъ какъ при такихъ общественныхъ союзахъ немыслима та близкая совмѣстная жизнь (die innige Lebensgemeinschaft), которая должна связывать членовъ «трудового государства»; другіе соціалисты (Фурье, Оуэнъ и др.) полагаютъ, что новое государство можетъ быть введено путемъ свободныхъ общественныхъ союзовъ. Новѣйшіе соціалисты, какъ Луи Бланъ и Лассаль, хотѣли преобразовать весь нынѣшній строй, рѣшить «соціальный вопросъ» основаніемъ ассоціацій. Менгеръ, соединившій всѣ подробности соціалистическихъ ученій въ одно ученіе

---

[1]) Ibid., стр. 168.

о «трудовомъ государствѣ»[1]), говоритъ, что свободными ассоціаціями нельзя подорвать капитала и землевладѣнія, какъ и вообще наше современное «частное право не можетъ быть побѣждено силами, въ немъ самомъ коренящимися». Хомяковъ глубоко понималъ соціализмъ и потому считалъ свое ученіе выше всякаго соціализма. Не соціализмъ исправитъ міръ, а христіанское воспитаніе людей, сущность котораго въ томъ, чтобы носить бремена другъ друга. И когда это правило начнетъ морализовать право, взойдетъ солнце, котораго ждутъ не дождутся работающіе и неполитиканствующіе, смиренные труженики. Но до солнца далеко, пока не видно еще даже розоватыхъ перстовъ Авроры.

§ III.

„Историческій свищъ“.

Описанное, на основаніи идей Хомякова, отношеніе государства къ общественной жизни есть отношеніе «въ нормальномъ и здоровомъ состояніи государства». «Исторія учитъ насъ», говоритъ Хомяковъ въ той же своей рѣчи, «что въ болѣзненныхъ явленіяхъ, предшествующихъ паденію народовъ, эта дѣятельность государства извращается и ищетъ какого-то развитія отдѣльнаго, враждебнаго народной жизни и, слѣдовательно, невозможнаго. Живой покровъ обращается въ какую-то сухую скорлупу, толстѣетъ и, повидимому, крѣпнетъ отъ оскудѣнія и засыханія внутренняго живого ядра; но въ то же время онъ дѣйствительно засыхаетъ, дряхлѣетъ и, наконецъ, разсыпается при малѣйшемъ ударѣ. Это какой-то историческій свищъ, наполненный прахомъ сгнившаго народа».

[1]) Menger, Neu Staatslehre, 1903, S. 153.

Съ развитіемъ современной жизни въ размѣрахъ, которые, конечно, и не ожидались мыслителями, скажемъ, начала прошлаго вѣка, предѣлы дѣятельности государства необычайно расширились. Нами было указано уже раньше, что одно то, что когда-то стоявшее на почвѣ частныхъ договоровъ единичное удовлетвореніе многихъ потребностей человѣка, въ разныхъ направленіяхъ, сдѣлалось нынѣ общественнымъ дѣломъ, вызываетъ небывалое прежде развитіе законодательствованія и государственнаго управленія. Водоснабженіе, освѣщеніе, транспортированіе людей и кладей, поклажа имущества и т. п., все это когда-то было предметомъ заботы отдѣльнаго человѣка для себя. Въ настоящее время удовлетвореніе всѣхъ этихъ потребностей превратилось въ рядъ обширныхъ учрежденій, вызывающихъ соотвѣтствующее законодательство и управленіе. Куда отнести всѣ эти отрасли управленія? Къ общественной жизни, или къ государству? Въ послѣднія десятилѣтія замѣчается стремленіе государства, одобряемое и наукою, и народомъ, принять всѣ эти отрасли управленія въ свое вѣдѣніе. Отъ этого перехода, конечно, еще не можетъ заглохнуть общественная жизнь: она имѣетъ слишкомъ много другого обширнаго и сложнаго дѣла. Современная общественная дѣятельность усложняется еще въ большей степени помощью государству въ его дѣятельности. Однѣ силы общественныя уходятъ на помощь правосудію; другія направляются на сложное дѣло мѣстнаго и городского самоуправленія, къ которому призываетъ государство мѣстныхъ людей, не находя возможнымъ обременять непосредственно себя земскими дѣлами и держать для этого еще лишнюю армію чиновниковъ, не говоря уже о томъ, что качество работы земскихъ освѣдомленныхъ лицъ ничѣмъ незамѣнимо. Если не обманываться внѣшнею оболочкою и фразами, а обращать вниманіе на сущность дѣла, то приходится серьезно

задумываться надъ вопросомъ объ усиливающейся массѣ личныхъ повинностей общественныхъ, требуемыхъ государствомъ въ дѣлѣ управленія. Эти личныя повинности будутъ все болѣе и болѣе умножаться, и общество европейское, которое когда-то алкало, какъ манны небесной въ видѣ права, участія въ управленіи государственномъ въ той или иной формѣ, скоро, пожалуй завопитъ, что нельзя же въ самомъ дѣлѣ отдавать всю свою жизнь государству, что у людей есть и своя собственная, личная жизнь. Но не эти повинности личныя, требуемыя государствомъ, имѣлъ въ виду Хомяковъ, когда говорилъ объ общественной жизни. Онъ имѣлъ въ виду область «мысли, мира, добровольнаго согласія». Онъ имѣлъ въ виду постоянную «общественную совѣщательность». Онъ имѣлъ въ виду общественную жизнь, вырабатывающую для государства идеи, умственныя направленія, новые пути. Когда эта жизнь глохнетъ, то государство превращается въ «свищъ». При самой усиленной общественной дѣятельности, направленной на многостороннее обслуживаніе государства и общества, общество все-таки можетъ представлять собою тѣло, живущее одними растительными процессами. Общество должно имѣть возможность проявлять свою умственную дѣятельность, свою свободную совѣщательность, въ высшихъ вопросахъ нравственнаго и матеріальнаго бытія. Общество даетъ умственную пищу государству. Въ какой формѣ удобнѣе получать государству эту умственную пищу, вырабатываемую для него обществомъ, не можетъ быть опредѣлено, a priori, для всѣхъ народовъ. Есть въ исторіи два пути развитія государственнаго: путь бунтарства, воспѣтаго предсмертными стонами массовыхъ жертвъ большой французской революціи и представляющагося глухимъ душамъ и прямолинейнымъ умамъ какою-то неизбѣжною въ исторіи разбойничьею ступенью, и путь

развитія мирнаго, — путь соборной совѣсти, угадывающей правду безошибочнымъ чутьемъ. Русскій человѣкъ, человѣкъ «міра», «мірскаго» авторитета, никогда серьезно не былъ сбитъ съ толку бунтарской теоріею: въ подпочвѣ всего своего міросозерцанія, въ своей чистой христіанской вѣрѣ, онъ имѣетъ такое руководительное правило, которое ограждаетъ его отъ обмана. Соборная совѣсть, въ самыя важныя минуты, находитъ свои правые пути для того, чтобы открыть правду, или свое средство — важное дѣло «поставить на мѣрѣ», какъ выражаются земскія сказки XVII вѣка. Она всегда находила эти пути и способы—въ единеніи, въ дружбѣ власти съ народомъ [1]), а не въ разобщеніи,—въ сердечномъ согласіи и взаимномъ довѣріи, а не въ разсудочной и безсильной взаимной сдѣлкѣ между великими историческими силами, производящими самое право, а потому и не могущими заключать контрактовъ, для скрѣпленія коихъ нѣтъ нотаріусовъ, а для защиты нѣтъ судей. Впрочемъ, такіе контракты, въ лучшемъ случаѣ, суть просто памятныя записки, ненужныя сильному, безполезныя слабому.

Въ тяжкую эпоху смутнаго времени, Россія показала, что устроеніе государства вовсе не есть какое-то искусство, или ремесло, а что это есть дѣло людей «лучшихъ, крѣпкихъ, разумныхъ», что таковыми не дѣлаются отъ упражненія въ словоизверженіи и интригахъ въ государственныхъ говорильняхъ, а оказываются въ самой жизни, если въ ней есть прочная религіозно-нравственная основа, дающая людямъ крѣпость, правила и разумное воззрѣніе. Не смотря на то, что въ земскомъ соборѣ 1613 г., созванномъ для избранія царя, поставлены были жизнію, для рѣшенія, наитруд-

[1]) Хомяковъ, Сочиненія, т. III, стр. 14, говоритъ: «дружба власти съ народомъ запечатлѣна въ старомъ обычаѣ, сохранившемся при Алексѣѣ Михайловичѣ, собирать депутатовъ всѣхъ сословій для обсужденія важнѣйшихъ вопросовъ государственныхъ».

нѣйшіе вопросы, не взирая на то, что, по самому существу этихъ вопросовъ, выборные должны были раздѣлиться на враждебные лагери, что «много было волненія всякимъ людямъ, кійждо бо хотяще по своей мысли дѣяти», соборъ вышелъ изъ трудностей побѣдоносно и мудро рѣшилъ свою задачу. Но если трудно предопредѣлить форму, въ которой общество подаетъ государству плоды своей мысли, то вполнѣ возможно, установить условія, при которыхъ не глохнетъ умственная жизнь общества. Эти условія суть: свобода науки, свобода печати, свобода мнѣнія. Эти неизбѣжныя условія развитія общества такъ блистательно доказали свою пользу въ жизни народовъ, что обосновывать ихъ нѣтъ серьезной надобности. Всѣ эти великіе виды свободы отбрасываютъ, конечно, свою тѣнь,— есть и темныя стороны въ этихъ условіяхъ общественной жизни. Но ненужно терять терпѣніе, необходимо, ради великой пользы, переносить стоически и отклоненія научной мысли, и злоупотребленія печати, и разнузданность мнѣнія. Нужно вѣрить въ цѣлительное свойство свободы въ дѣлѣ человѣческаго мышленія и его выраженія. Хомяковъ глубоко вѣрилъ въ пользу свободы. Въ своемъ «посланіи къ сербамъ», [1]) начертанномъ имъ незадолго до смерти, онъ говоритъ: «Вы создали у себя власть. Повинуйтесь ей и укрѣпляйте ее, дабы не впасть въ безначаліе и безсиліе; но охраняйте также у себя свободу, и особенно свободу мнѣнія, какъ словеснаго, такъ и письменнаго. Она созидаетъ силу духа, царство правды и жизнь разума въ народѣ. Безъ нея глохнутъ и умираютъ всѣ добрыя начала, какъ видно изъ опыта многихъ народовъ и отчасти изъ нашего собственнаго. Она нужна гражданамъ и, можетъ быть, еще болѣе нужна самой власти, которая безъ нея впадаетъ въ неисцѣлимую слѣпоту и готовитъ

---

[1]) Сочиненіе Хомякова, т. I, стр. 405.

гибель самой себѣ. Мы говоримъ: охраняйте свободу мнѣній и охраняйте ее не только отъ власти, но и отъ самихъ себя. Пусть высказывается всякое сужденіе, какъ бы оно ни было противно вамъ самимъ. Если оно справедливо, оно распространится ко благо общему; если оно ложно, оно обличится также ко благу общему, ибо правда всегда разумнѣе лжи. Что же бываетъ тамъ, гдѣ мнѣнія не высказываются изъ страха? Справедливыя пропадаютъ, потому-что они любятъ свѣтъ, а ложныя, которыя любятъ тьму, не будучи обличены, разрастаются, какъ скрытая язва, и заражаютъ собою самые источники жизни. Выслушивайте все, обличайте неправду, и вы побѣдите ее своею вѣрою въ силу истины, которая есть отъ Бога». Такимъ образомъ, ясно, что историческимъ свищомъ Хомяковъ называетъ такое государство, въ которомъ народъ дошелъ до полнаго упадка умственной дѣятельности, когда онъ состоитъ изъ «мертвыхъ душъ». Ни одно разумное государство, въ настоящее время, не можетъ и желать имѣть, для управленія, такой людъ. Такой народъ, въ концѣ концовъ, съ умственнымъ оскудѣніемъ, впадетъ и въ матеріальную нищету. Государству, при нищетѣ, нечѣмъ будетъ орудовать, и оно должно будетъ превратиться въ добычу сосѣдей. Къ счастію, въ настоящее время, умственное, а, слѣд., и полное матеріальное обнищаніе возможно развѣ лишь въ деспотіи, въ которой, по Монтескье [1]), движущимъ принципомъ является страхъ, и которую сжато и сильно онъ такъ рисуетъ: «Когда дикари Луизіаны хотятъ достать плодъ, они срубаютъ дерево у корня и срываютъ съ него плоды. Вотъ это есть деспотическое правительство».

---

[1]) De l'esprit des lois, livre III, chap. IX и слѣд.

§ IV.

Общественное мнѣніе.

Нужно различать общественные толки; далѣе, шумъ газетъ и завыванія крикуновъ въ клубахъ, трактирахъ и на перекресткахъ; наконецъ, подлинное общественное мнѣніе, медленно слагающееся и никогда нервущееся на показъ. Разсмотримъ по порядку всѣ эти оттѣнки «гласа народа».

Общественные толки можно уподобить тому пересмотру доводовъ за и противъ, который совершается въ умѣ каждаго человѣка прежде, чѣмъ онъ себѣ составитъ опредѣленное рѣшеніе. Понятно, что здѣсь идетъ рѣчь о мнѣніи, а не о фактѣ, достовѣрность котораго только иногда въ точности можетъ быть найдена помощью общественнаго мнѣнія. Достовѣрность факта можетъ быть установлена лишь или полнымъ изслѣдованіемъ, или иногда и общественнымъ мнѣніемъ, но сложившимся несомнительно въ теченіе очень продолжительнаго времени и при томъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ люди, живя въ большой близости и зная все и вся наперечетъ другъ о другѣ, въ концѣ концовъ, цѣлымъ рядомъ обстоятельствъ и неуловимыхъ впечатлѣній, приходятъ къ внутреннему убѣжденію въ достовѣрности сдѣланнаго предположенія. Въ обыкновенныхъ же толкахъ, немедленно признающихъ достовѣрность какого-нибудь факта, волнующаго общества, нужно иногда видѣть спѣшность заключеній со стороны людей, неспособныхъ умѣрять свою наклонность къ быстрымъ выводамъ, зачастую—страстность и злую волю, подсказывающія то или другое предположеніе, а еще чаще—ненависть, мстительность, глупость, невоспитанность ума и чувствъ, равнодушіе къ интересамъ ближняго,

безпощадность, злорадство и, наконецъ, жестокость, для которой рѣшительно все равно, гдѣ бы и когда бы ни заставить кого-нибудь мучиться. Что же касается до общественныхъ толковъ, перебирающихъ доводы за и противъ какого-нибудь мнѣнія, то ихъ цѣнность, какъ разносторонняго обсужденія вопроса, очень велика. Только нужно остерегаться принимать толки за общественное мнѣніе, для понятія котораго требуется уже состоявшееся заключеніе, нѣчто вродѣ вердикта по вопросу. Чѣмъ ближе предметъ толковъ извѣстенъ обществу, тѣмъ больше, конечно, толки эти имѣютъ значеніе мнѣній свѣдущихъ людей, чѣмъ дальше предметъ отъ непосредственнаго знанія людей, тѣмъ меньше цѣны имѣютъ ихъ разговоры. Въ дѣлѣ фактовъ имѣетъ значеніе свидѣтельство, для установленія ихъ. Итакъ, когда земледѣлецъ говоритъ о жизни въ деревнѣ, о посѣвахъ, о скотоводствѣ, мы готовы его слушать, какъ свидѣтеля. Когда онъ начинаетъ говорить объ общихъ условіяхъ, при которыхъ страна можетъ идти по пути развитія, мы уже имѣемъ предъ собою не свидѣтеля, а человѣка, высказывающаго мнѣнія. Но для образованія правильныхъ мнѣній, нужны извѣстныя условія: или человѣкъ самъ долженъ знать предметъ, или онъ долженъ опираться на авторитетъ. Слѣдовательно, та часть общественныхъ толковъ, которая наполняется мнѣніями людей, настолько цѣнна, насколько люди эти представляютъ благопріятныя условія для производства правильныхъ мнѣній. Мнѣнія, выражающіяся въ общественныхъ толкахъ, никогда не должны быть принимаемы за общественное мнѣніе. Общественное мнѣніе есть уже окончательное заключеніе, послѣ того, какъ въ обществѣ пересмотрѣны всѣ данныя за и противъ. Въ немъ сказывается то, къ чему приходятъ по пересмотрѣ всѣхъ обстоятельствъ дѣла и взглядовъ свѣдущихъ лицъ. Очень опасно придавать толкамъ общее значеніе и можно, при поспѣш-

ности, принять черновыя заключенія, недостаточно обдуманныя и провѣренныя, за общественное мнѣніе. Въ общественныхъ толкахъ, въ ихъ характерѣ и, я бы сказалъ, методѣ, сказывается степень образованности людей, воспитанность ихъ ума и чувствъ. Чѣмъ менѣе образованъ и воспитанъ человѣкъ, тѣмъ меньше цѣны имѣетъ его мнѣніе, о предметахъ выходящихъ изъ предѣловъ его бытового знанія. Мы на каждомъ шагу видимъ, что въ общественныхъ толкахъ часто высказываются мнѣнія, способныя привести въ отчаяніе своею неизмѣримою глупостью и пошлостью. Но и въ образованномъ обществѣ, вслѣдствіе умственной лѣни, могутъ повторять по привычкѣ мнѣнія, недостойныя просвѣщенныхъ и воспитанныхъ людей. Между людьми, конечно, немало разумныхъ, но еще больше людей ограниченыхъ, пошлыхъ и безпробудно уснувшихъ умомъ.

§ V.

Общественное мнѣніе.

(Продолженіе).

Что касается до шума газетъ и до криковъ горлановъ въ трактирахъ и на перекресткахъ, то и эти проявленія не составляютъ подлиннаго общественнаго мнѣнія, это—верхне-слоевое теченіе, могущее конечно, иногда ввести въ заблужденіе. Газетныя статьи составляютъ часто даже поддѣлку общественнаго мнѣнія, въ лучшемъ случаѣ онѣ—мнѣнія сравнительно небольшихъ общественныхъ круговъ, или кружковъ, имѣющихъ свои «направленія». Но если мы можемъ относиться довольно равнодушно къ мнѣніямъ газетъ, то къ фактамъ, ими сообщаемымъ, слѣдуетъ относиться съ большимъ вниманіемъ. Освѣщая факты жизни, всѣ ея стороны, особенно туго поддающіяся общественному контролю, пресса исполь-

няетъ свое прямое и полезное назначеніе. Нѣтъ надзора болѣе многоглазаго и болѣе дѣятельнаго, какъ надзоръ прессы. Пресса, это—фонарь, освѣщающій всѣ закоулки, приспособленіе, самое дешевое для казны и, вмѣстѣ, съ тѣмъ самое полезное для государства. За неоцѣненныя услуги, оказываемыя прессою въ освѣщеніи подробностей жизни, ей можно простить ея великія прегрѣшенія, настолько всѣмъ извѣстныя, что о нихъ почти не стоитъ и распространяться. Въ обществѣ образованномъ, освѣдомленномъ, темныя стороны прессы не могутъ причинить много бѣды. Слабыя ея стороны дѣлаются опасными тамъ, гдѣ гнилые плоды прессы, безразличные для образованныхъ людей, попадаютъ, какъ у насъ, въ обширные круги полуобразованной и совсѣмъ необразованной массы. То, что для насъ составляетъ въ газетѣ пошлость, отъ которой мы съ отвращеніемъ отворачиваемся, въ кругу полуобразованномъ можетъ разыграть роль очень привлекательной мысли или очень блестящаго остроумія Успѣхъ многихъ, чрезвычайно пошлыхъ и плоскихъ литературныхъ твореній, въ послѣдніе годы, объясняется только тѣмъ, что на книжный рынокъ ринулся полуобразованный или даже полуграмотный покупатель, жаждущій развитія. Этотъ, прожорливый потребитель теперь—большинство, онъ даетъ теперь писателю и деньги, и крикливую извѣстность. По Сенькѣ—шапка. На спросъ капусты не отвѣчаютъ, въ обжорномъ ряду, ананасами. Газета мельчаетъ и пошлѣетъ надъ вліяніемъ своего вульгарнаго потребителя.

Всѣ эти замѣчанія имѣли въ виду освѣтить только нѣкоторыя темныя стороны прессы при извѣстномъ состояніи образованности въ обществѣ. Но если пресса не есть выраженіе подлиннаго общественнаго мнѣнія, то зато она сама способна многое привить обществу своимъ ежечаснымъ и совершенно незамѣтнымъ внушеніемъ. Однако, если не самое общественное мнѣ-

ніе, то призракъ его во всякомъ случаѣ прессою можетъ быть созданъ. А этою тѣнью во внѣшней да и во внутренней политикѣ пользуются очень ловко и государственные люди, и политическія партіи. Прессѣ должна быть предоставлена самая широкая свобода въ фактическомъ освѣщеніи жизни. Много, при этой свободѣ, будетъ въ газетахъ и невиновной неправды, и умышленной, злостной клеветы, и всяческихъ ошибокъ. Но нужно помнить, что если не все въ газетахъ правда, то вѣдь многое—вѣрно. Что касается до вліянія мнѣній прессы, то и въ этомъ отношеніи лучшая политика всетаки свобода. Проповѣди прессы самою жизнію очень ослабляются: публика требуетъ свѣдѣній, забавы, щекотки, но серьезной газетной проповѣди она не желаетъ и просто избѣгаетъ. Дѣльные же органы печати, разсчитанные на образованную читающую публику, своею проповѣдью вообще мало вліяютъ. Въ лучшемъ случаѣ,—они только скорѣе и разбитнѣе выражаютъ то, что читатели ихъ сами думаютъ или склонны думать. Они сокращаютъ своимъ читателямъ ежедневный трудъ обдумыванія и выраженія мыслей по извѣстному вопросу. Чѣмъ больше будетъ свободы прессы, тѣмъ болѣе печатная строка будетъ терять въ своемъ обаяніи въ глазахъ полуобразованныхъ людей. «Всѣ газеты врутъ», эта формула, привычная въ устахъ публики, превращается въ лучшую гарантію противъ неограниченной власти печатнаго листка. «Er lügt wie gedruckt», «онъ вретъ, какъ по печатному», вотъ другая формула, ставящая естественныя препоны нравственной власти слова. Жизнь по-своему обороняется отъ опасныхъ вліяній: она опошляетъ ихъ! Пресса, какъ все въ человѣческой жизни, не безъ значительной подмѣси грязи. Но вѣдь все въ дѣйствительности или перемѣшано съ грязью, или помѣщается въ сосѣдствѣ съ

грязью. Даже для того, чтобы сдѣлать мать-землю болѣе плодородною, ее приходится пачкать грязными отбросами, говаривалъ одинъ безстрастный наблюдатель. Несомнѣнно одно: чтобы государственная и общественная жизнь народа не засорялась, не застаивалась, нужна свободная пресса. Лѣкарство это—горькое, его приходится часто принимать съ отвращеніемъ: болѣзнь нужно лѣчить. И между работниками прессы много, даже очень много хорошихъ, истинно добросовѣстныхъ людей. Но доля ихъ горькая, работа тяжелая, и публика, этотъ безжалостный звѣрь, подталкиваетъ на дурное, требуя, чтобы газета была грязненькимъ микрокозмомъ, въ которомъ пошлякамъ по душѣ и уютно. Полуобразованный обыватель вѣдь большой поклонникъ «гущи жизни». Вставши утромъ, онъ за чаемъ любитъ почитать свой сплетническій и даже шантажный листокъ; а вечеромъ, въ театрѣ, любитъ опять-таки смотрѣть свою пошлую жизнь. Только бы не было разныхъ *«идеальностей»*!

§ VI.

Общественное мнѣніе.

(Окончаніе).

Подлинное общественное мнѣніе народа есть результатъ народнаго ума, а еще болѣе—чувства, развившагося подъ вліяніемъ религіозныхъ, политическихъ и соціальныхъ условій исторической жизни. Это подлинное общественно мнѣніе не можетъ быть наблюдаемо на поверхности житейскаго моря: оно зарождается и шевелится въ нижне-слоевомъ теченіи, въ самыхъ глубинахъ народной жизни, и выражается въ самой простой и понятной формѣ. Выстукать и выслушать народную жизнь, чтобы уловить это общественное мнѣніе, понять его и вызвать его на поверхность,

вотъ великая задача, вотъ въ чемъ сказывается дарованіе государственнаго человѣка. Такъ думалъ Бисмаркъ:—съ этимъ подлиннымъ общественнымъ мнѣніемъ онъ только и считался. И нельзя отрицать, что Бисмарку удавалось всегда понять, чего хочетъ Германія. Бисмаркъ неоднократно говаривалъ, что онъ никогда не придавалъ серьезнаго значенія парламентскимъ крикунамъ и именно потому ему выпадало счастье пользоваться расположеніемъ народа, имѣть на своей сторонѣ подлинное мнѣніе послѣдняго. При изученіи общественнаго мнѣнія, какъ творческой силы въ государствѣ, слѣдуетъ, подъ опасеніемъ совершенія большой ошибки, строго отличать общественное чувство и общественную мысль. Общественная мысль нерѣдко отличается шаткостью, нерѣшительностью. Въ задачи мысли входитъ часто заключеніе о фактахъ, которые могутъ быть и двусмысленны, а также заключеніе о томъ, что можетъ случиться въ будущемъ, нѣкоторымъ образомъ—угадываніе. Государственный человѣкъ, разошедшійся съ общественною мыслію, еще не сбился съ пути: его личная мысль можетъ быть и свѣтлѣе, и вѣрнѣе, его угадываніе можетъ даже быть удачнѣе, чѣмъ догадки народа. Отдѣльный человѣкъ, въ дѣлѣ мысли, можетъ стоять выше народа цѣлою головою: онъ можетъ явиться поводатаремъ слѣпого, особенно въ сложныхъ техническихъ вопросахъ нынѣшней государственной жизни. Но ошибиться въ чувствахъ человѣка, составляющихъ отправную точку мышленія, особливо у сложной личности—народа, вотъ страшная ошибка для государственнаго человѣка! Можно понять и подладиться къ мышленію народа, можно, при тонкой наблюдательности, усвоить и воспроизвести самые незамѣтные изгибы его мысли, но никогда никому не удастся узнать мыслію оттѣнки чувства народа. Для этого нужно быть плотью отъ его плоти, костью отъ его костей. Можно стоять, по чувству, выше народа, ниже его, но

вы не будете чувствовать, какъ онъ, если вы не отъ плоти его. Но здѣсь есть одно исключеніе. Это исключеніе— русскій народъ. Чтобы проникнуть въ его душу, почувствовать біеніе его сердца, жить его чувствомъ—нужно быть христіаниномъ, но настоящимъ, не богословомъ, а христіаниномъ въ жизненомъ значеніи этого великаго слова. Это ключъ къ душѣ русскаго человѣка, для распознанія лучшихъ его чувствъ; что до дурныхъ его чувствъ, то, безъ сомнѣнія, они такія же, какъ и у всѣхъ другихъ народовъ: низки и жестоки. Проникнитесь истиннымъ евангельскимъ ученіемъ, самоотреченіемъ, будьте смиренны, полюбите Христа всею душою, и вы всегда будете, безъ труда и искусства, безошибочно знать, какъ чувствуетъ, въ данномъ случаѣ, русскій народъ. Это широкое, христіанское всеобъемлющее чувство русскаго человѣка и подало поводъ говорить о немъ: «онъ совсѣмъ не народъ, онъ—міръ», «русскій человѣкъ—всечеловѣкъ». А секретъ заключается въ одномъ, именно въ томъ, что русскій народъ—народъ христіанскій по преимушеству. Изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что онъ идеально хорошъ, что онъ—совершенство. Напротивъ, онъ переполненъ слабостями и пороками. Но чувство его—христіанское, идеалъ его—христіанскій, смиреніе его—христіанское. Онъ христолюбъ по преимуществу. И кто хочетъ съ нимъ сочувствовать, долженъ съ нимъ возлюбить Христа. Другого пути нѣтъ. Для него не существуетъ военной славы, прельщенія французовъ; для него не существуетъ идеи высочайшаго усовершенствованія своей расы,—высшаго самолюбія англичанъ; для него не существуетъ выспренной задачи—дать своей мысли значеніе всемірное,—конечной цѣли германскаго народа. Для него одно только «послушаніе» велико и свято: омыть и очистить свою душу въ безпредѣльной любви къ Христу, работать и страдать для одной этой цѣли. Всѣ другія задачи въ глазахъ его

ничтожны. Глубоко убѣжденный въ виновности и грѣховности всѣхъ людей, русскій человѣкъ живетъ, работаетъ, страдаетъ, веселится, какъ и всѣ, но все это онъ совершаетъ какъ-то мимоходомъ, не придавая ничему этому большого значенія. Всегда и вездѣ глаза его устремлены въ небо, вездѣ и всегда онъ думаетъ объ одномъ,—о спасеніи своей души. Подводящіе все и вся подъ одинъ уровень однообразнаго историческаго развитія, по указкѣ самодовольныхъ профессорскихъ записокъ, конечно, скажутъ, что такое состояніе русской души есть извѣстная «стадія культуры». Но тайники народной души не измѣняются подъ вліяніемъ культуры, какъ никогда не измѣняется, въ своемъ существѣ, характеръ отдѣльнаго человѣка. Характеръ этотъ улучшается въ своихъ проявленіяхъ, закаляется расширившимся кругозоромъ, отшлифовывается житейскимъ опытомъ, но въ существѣ своемъ никогда не измѣняется. Волкъ отъ дрессировки не превратится въ лань, но, пожалуй, передѣланъ будетъ на пса обузданнаго.

§ VII.

Хомяковъ объ общественномъ мнѣніи.

Онъ требовалъ, чтобы это общественное мнѣніе было строго въ своемъ судѣ. «Будьте строги въ судѣ общественнаго мнѣнія», говоритъ онъ въ «посланіи къ сербамъ», «безъ этого не убережетесь отъ постепенной порчи нравовъ. Но не давайте воли неразумнымъ подозрѣніямъ и недовѣрію, а исправляющихся не отталкивайте и не оскорбляйте». Вообще Хомяковъ былъ такого взгляда, что въ томъ неформальномъ судѣ, который держитъ общество надъ отдѣльною личностью, нужно быть строгимъ. Это яснѣе еще выступаетъ изъ одного его письма къ И. С.

Аксакову [1]), въ которомъ говорится объ обвиненіи И. Аксаковымъ К. Аксакова, «не совсѣмъ миновавшемъ и голову Хомякова». Въ письмѣ этомъ Хомяковъ говоритъ: «Обвиненіе (ваше)—въ обвиненіи ближняго, съ успокоеніемъ совѣсти разными, не совсѣмъ добросовѣстными оговорками. Мнѣ кажется, вы не правы, можетъ быть даже болѣе въ отношеніи къ брату, чѣмъ въ отношеніи ко мнѣ; потому-что онъ обвиняетъ вообще не такъ легко, какъ я, и какъ будто всегда съ принужденіемъ или насиліемъ надъ собою. Но лица въ сторону; вопросъ о самомъ обвиненіи. Можно ли какому-нибудь обществу существовать безъ общественнаго мнѣнія? Назовите это общество церковью, или какъ угодно. Гдѣ стихія общественнаго мнѣнія? Не въ откровенномъ ли мнѣніи частномъ? Христіанское начало не вводитъ въ жизнь новыхъ началъ вещественныхъ или формальныхъ; оно только измѣняетъ ихъ внутренній смыслъ. Осужденіе, которое было дѣломъ гордости, самоуслажденія и такъ далѣе, является, какъ дѣло необходимости и, въ весьма хорошихъ натурахъ, необходимости тяжелой. Палачъ-волонтеръ является палачемъ отъ общины (предполагаю необходимость казни. Кстати: какъ это люди, пишущіе объ уголовныхъ законахъ, еще не догадались, что тюремщикъ и часовой при тюрьмѣ тѣ же палачи?). Я тутъ не говорю о другомъ отличіи обвиненія христіанскаго отъ всякаго другого, именно о томъ, что оно допускаетъ признаніе осуждаемаго лучшимъ въ общечеловѣческомъ смыслѣ, хотя и преступникомъ въ частномъ значеніи,— такимъ, что ему нужно привязать ярлыкъ, какъ у римлянъ, сѣно бодливой скотинѣ на рога. Но это остается, разумѣется, между Богомъ и совѣстью человѣка, произносящаго судъ надъ ближнимъ своимъ, и поэтому неподвѣдомо никому: самый же фактъ осужденія есть дѣло обще-

[1]) Соч. Хомякова, т. VIII, стр. 274.

ственнаго служенія, отъ котораго, по моему мнѣнію, даже нельзя отказываться. Развѣ бои и вѣхи, и маяки не ставятся на отмеляхъ и камняхъ, и не дѣло ли человѣколюбія ихъ ставить? Молодежь, которая вступаетъ въ жизнь, да и мужъ совершенный въ обществѣ, мало ему извѣстномъ, не нуждаются ли въ этихъ вѣхахъ и бояхъ, которые выражаются такими словами, какъ: подлецъ, негодяй и т. д. Вотъ мнѣ кажется, полное оправданіе осужденія въ смыслѣ христіанскомъ, и какъ бы мы ни исправляли эту службу (вы улыбаетесь), я и Константинъ Сергѣевичъ, мы попреку не подвергаемся». К. Аксаковъ, о которомъ въ этомъ письмѣ идетъ рѣчь и который тоже стоялъ за строгій судъ общественнаго мнѣнія надъ личностью, въ своемъ посмертномъ сочиненіи: «О современномъ человѣкѣ» [1]) подробно развилъ свое воззрѣніе. Мы убѣждены, что такое же обоснованіе сдѣлалъ бы и Хомяковъ, если бы къ тому представился подходящій поводъ. К. Аксаковъ исходитъ изъ слѣдующихъ положеній: «Общественная нравственность есть соблюденіе самой нравственной основы общества, самаго исповѣданія, а поэтому и соблюденіе самаго общества чрезъ очищеніе, чрезъ исключеніе изъ него—нарушающихъ нравственную основу общественнаго союза. Здѣсь является общественный судъ. Этотъ судъ есть приниманіе въ общество или изгнаніе изъ него. Этотъ судъ, какъ сказано, не есть личное осужденіе человѣка. «Ты не признаешь нравственнымъ того, что мы признаемъ: ты не нашъ, не можешь быть въ нашемъ обществѣ, основанномъ на томъ, чего ты не признаешь», вотъ что говорятъ человѣку и удаляютъ его изъ среды своей». Для К. Аксакова, который въ обществѣ видѣлъ «согласіе», изгнаніе «несогласнаго» есть

---

[1]) Вновь перепечатано въ «Русскомъ Архивѣ» П. Бартенева, 1903 № 7, съ послѣсловіемъ издателя.

простой логическій выводъ. Но есть ли общество—«согласіе»? Вѣдь въ него попадаютъ не по договору, а по рожденію, обыкновенно же не по сознательной волѣ. Извергать никого не нужно: исправлять—обязательно. Такъ смотритъ, впрочемъ, и К. Аксаковъ на заблуждающагося. «Какое же мое отношеніе», спрашиваетъ онъ, «къ отступнику, исключенному изъ общества? Я разрываю съ нимъ общеніе жизни; я поступаю нравственно. Но тогда поступокъ мой получаетъ всю свою цѣну, когда я это дѣлаю не съ ненавистью и даже не увлекаясь законнымъ восторгомъ справедливаго суда, чувствомъ торжества и крѣпости истины; нѣтъ, но когда, совершая, скорблю объ осужденномъ, люблю его, надѣюсь и стремлюсь возвратить его къ истинѣ». К. Аксаковъ сильно порицаетъ тѣхъ, которые, признавая кого-нибудь безнравственнымъ, продолжаютъ съ нимъ общеніе. Едва ли, однако, порицаніе это справедливо. Въ такомъ общеніи часто скрывается не безразличіе нравственное, а снисхожденіе къ слабостямъ и боязнь принять на себя роль карающаго судьи и палача. Притомъ же, въ настоящее время, ревностно стараемся исправлять людей, сознавая, что мы сами во многомъ виновны, если живущій между нами запущенъ и поступаетъ несогласно съ требованіями нравственности. Въ одномъ правъ К. Аксаковъ: общеніе наше съ человѣкомъ, явно нарушающимъ нравственность, должно бы имѣть одну лишь цѣль:—исправительную, и при томъ поведеніе наше должно отчетливо показывать обществу, что наше общеніе съ тѣмъ, кто нарушаетъ нравственность, не есть сочувствіе, или безразличіе къ его поведенію, а лишь христіанская попытка—направить его на путь истины мягкостью обращенія и вразумленіемъ, для него неоскорбительнымъ. Но энергичное требованіе Хомякова и К. Аксакова сказать злу: «ты—зло, и мы съ тобою общенія не желаемъ имѣть, кромѣ развѣ для испра-

вленія», есть требованіе здоровое, трезвое въ дѣйствительной жизни: уклончивость преступна, если она отъ хитрости, и постыдна, если она отъ слабости.

§ VIII.

Хомяковъ объ общественномъ мнѣніи.

(Окончаніе).

Что касается до взглядовъ Хомякова на общественное мнѣніе не въ вопросахъ о поведенiи личности, а въ вопросахъ политическихъ и общественныхъ, то мы должны сказать, что онъ придавалъ такому мнѣнію важное значеніе въ жизни государства. Государство должно прислушиваться къ этому мнѣнію, ибо послѣднее даетъ идеи, направленія умственныя. Но въ процессѣ образованія этого общественнаго мнѣнія Хомяковъ, какъ проницательный наблюдатель, конечно, придавалъ большое значеніе чувству. «Жизнь народовъ», писалъ онъ граф. Блудовой [1]), «какъ и жизнь людей, строится не только не одними расчетами, но даже и не преимущественно расчетами. Чувства идутъ съ ними, по крайней мѣрѣ, наравнѣ, хотя, разумѣется, ихъ дѣйствія гораздо неуловимѣе». Придавая важное значеніе общественному мнѣнію въ государствѣ, Хомяковъ и требовалъ, чтобы были надлежащіе провода для общественнаго мнѣнія. «Совѣщательность», этотъ источникъ идей, питающихъ государство, требуетъ свободы личнаго мнѣнія и свободы книгопечатанія въ обширномъ смыслѣ слова. Не обращая никакого почти вниманія на политическіе вопросы, Хомяковъ заботился лишь объ одномъ,—чтобы общественность, этотъ источникъ жизни въ государствѣ, былъ сво-

---

[1]) Сочиненія Хомякова, т. VIII, стр. 399

боднымъ поприщемъ для производства идей. Мы, конечно, не привнесемъ ничего лишняго въ идеи Хомякова, если скажемъ, что свобода общественнаго мнѣнія, въ дѣлѣ установленія фактовъ и выраженія мыслей, была креугольнымъ камнемъ всего его общественнаго міросозерцанія. И свободы этой онъ требовалъ, не какъ политическаго права, а какъ обязанности, какъ возможности исполненія долга совѣсти, повелѣвающей работать для ближнихъ, для ихъ душевнаго блага. Онъ просилъ довѣрія къ Россіи, указывая, что, кромѣ мундирной, оффиціальной Россіи, есть еще не менѣе преданная, не менѣе любящая Россія—народъ. «Пусть только вѣрятъ Россіи: она никогда не выдавала, никогда не выдастъ своего государя». Какъ бы ни были широки права, предоставляемыя русскому народу, онъ никогда не ставитъ впереди свое право; а выдвигаетъ на первый планъ обязанность дѣлать потребное, полезное. Вотъ почему мы замѣчаемъ въ Россіи, въ исторіи народа, слабую вѣру въ письменныя гарантіи. Онъ сознаетъ, что на вершинахъ государственной жизни, гдѣ уже нѣтъ судей, и гдѣ бумага въ исторіи теряла смыслъ и въ глазахъ власти, и въ глазахъ народа, есть одинъ лишь настоящій крѣпостной актъ: совѣсть, и что эта совѣсть черпаетъ свою твердость, вѣрность, непоколебимость только изъ вѣры. И вотъ русскій народъ придаетъ значеніе лишь тому, есть ли въ душѣ человѣка вѣра. И въ самомъ дѣлѣ: есть два рычага, управляющіе міромъ,— сила и совѣсть Въ той исторической лабораторіи, гдѣ вырабатываются право и самое государство, все опредѣляется или соотношеніемъ силъ, или вмѣшательствомъ человѣческой совѣсти. Изъ смутнаго времени Россія вынесла одинъ важный историческій завѣтъ: совѣсть человѣческая есть наилучшая охрана права. Безъ участія совѣсти едва ли повершится и соціальный вопросъ, который, какъ это уже ясно всѣмъ и каждому, есть да-

леко не вопросъ желудочный, а нравственный вопросъ, въ высшемъ смыслѣ этого слова. Что же другое можетъ внести правду въ жизнь, какъ не совѣсть? Развѣ неправъ Канцлеръ, который, во второй части гетевскаго «Фауста», говоритъ слѣдующее въ засѣданіи государственнаго совѣта [1]): «взгляните на обширное царство съ той высоты, гдѣ стоитъ тронъ, и вы увидите зрѣлище, которое похоже скорѣе на тяжелый, страшный сонъ: уродство верховодитъ среди уродствъ, беззаконіе побѣдоносно на законномъ основаніи, и цѣлая бездна лжи и заблужденій разверзается. Одинъ угналъ стадо, другой крадетъ жену, крестъ, подсвѣчникъ и чашу съ алтаря и вполнѣ благополучно потомъ живетъ много лѣтъ, здравъ и цѣлъ». Поставить общество въ наилучшія условія для развитія чистой и чуткой совѣсти,—вотъ лучшее, что можетъ сдѣлать человѣчество, для охраны закона и нравственности.

Глава пятая.

Государство и духовный складъ личности.

§ I.

Вступительныя замѣчанія.

Если будемъ справляться не съ pia desideria государственныхъ романовъ или утопій, а съ дѣйствительною жизнію, то найдемъ, что источникъ современнаго государственнаго недомоганія у европейскихъ народовъ слѣдуетъ искать въ постановкѣ отношенія государства къ

---

[1]) Faust, 2 Th., erster Act.

духовному складу отдѣльной личности, а, слѣдовательно, и цѣлаго общества. Источникъ этотъ несомнѣнно—въ подпочвѣ всѣхъ нынѣшнихъ, явно ненормальныхъ проявленій мысли, чувства и воли отдѣльнаго человѣка, считающаго себя, по безусловно авторитетпому для него, личному его убѣжденію, ничѣмъ и никѣмъ неограниченнымъ въ развитіи во всю ширь—своего міропониманія Отдѣльная личность, опираясь на собственное убѣжденіе, признанное ею высшимъ для себя закономъ, считаетъ себя вправѣ, всѣми доступными ей физическими и нравственными средствами, налагать на общество ярмо своей личной мысли, своего личнаго ученія, своей воли.—«На какомъ основаніи ты меня насилуешь?» спрашиваетъ его общество.—«На основаніи своего искрепняго убѣжденія», отвѣчаетъ незванный перекройщикъ.—«Не всякое свое искреннее убѣжденіе ты имѣешь право навязывать мнѣ!» вопитъ общество.—«Я дѣлаю это для твоей же пользы, для твоего же блага!» отвѣчаетъ перекройщикъ.—«Перекрой сначала себя, перестрой сначала свой душевный міръ, избавься сначала отъ своихъ собственныхъ пороковъ, отъ своей наклонности къ насилію, къ фанатизму! Покажи, какъ ты работаешь на пользу другихъ, какъ ты умѣешь отрекаться отъ дурныхъ чувствъ, какъ ты справляешься съ соблазнами міра, тогда я съ тобою буду говорить!», отвѣчаетъ общество, знающее, чего стоитъ вообще непрошенный преобразователь.

Въ концѣ XVIII в. обожали народъ, и ему отдано было верховенство писателями, проповѣдывавшими, въ замаскированной формѣ, право грубой, вещественной силы; XIX в. проповѣдывалъ верховенство отдѣльной личности, и ученіе это есть тоже замаскированная проповѣдь силы, потому-что отдѣльный человѣкъ, при современныхъ средствахъ разрушенія, можетъ сдѣлать то, что, столѣтіе тому назадъ, не было подъ силу даже массѣ людей. Послѣд-

ствіемъ ученія о верховенствѣ личности получилась, въ безсознательной области мысли и на практикѣ, разнузданность отдѣльнаго человѣка, считающаго свою личную совѣсть законодательницею для народа. Но можетъ ли совѣсть отдѣльнаго человѣка стоять, по своему содержанію, выше соборной совѣсти народа? Можетъ,—это случается въ исторіи; но тогда избранность этой отдѣльной совѣсти ясна для всѣхъ: она въ себѣ, какъ въ фокусѣ, сосредоточиваетъ все доброе, разсѣянное въ людяхъ и въ ихъ природѣ, и этимъ усиленнымъ свѣтомъ освѣщаетъ путь для дальнѣйшаго движенія человѣчества. И всегда, и вездѣ такая избранная совѣсть давала людямъ добро въ видѣ плодотворной любви. И такою любовью покорялся міръ, побѣждалось зло, улучшались люди. Цѣна же насильственныхъ передѣлывателей, пользующихся часто для своихъ цѣлей зломъ и преступленіемъ, въ исторіи еще не выяснена, такъ какъ мѣрки историческихъ оцѣнокъ еще не установлены окончательно. Кто знаетъ, какъ будетъ судить этихъ преобразователей человѣчество въ будущемъ, когда его взгляды одухотворятся? Быть можетъ, тѣ, которые въ современномъ историческомъ пантеонѣ занимаютъ первыя мѣста, займутъ послѣднія, а занимающіе послѣднія мѣста станутъ въ первыхъ рядахъ. Одинъ только отколъ отдѣльной совѣсти отъ соборной можно признать разумнымъ—когда отдѣльный человѣкъ шире, чѣмъ прежде, понимаетъ любовь къ ближнему, строже, чѣмъ другіе, оцѣниваетъ свои пороки, послѣдовательнѣе другихъ въ смиреніи, т. е. въ сознаніи маловажности человѣка въ великомъ мірозданіи. Бытовое пониманіе нравственности, стоящее всегда ниже идеала, можетъ питать въ обществѣ подобный благодѣтельный отколъ единичной совѣсти человѣка отъ соборной. Но, понятно, въ видѣ общаго правила, должно быть высказано начало, что соборная совѣсть есть авторитетъ для единичной совѣсти, и несомнѣнно, что

общество имѣетъ право желать, чтобы отдѣльная совѣсть была воспитываема и ведома по путямъ, проложеннымъ совѣстью соборною. Хомяковъ, въ «посланіи къ сербамъ» говоря о томъ, что только православіе воспитываетъ и укрѣпляетъ истинное чувство братства, замѣчаетъ: «Не даромъ община и святость мірского приговора, и безпрекословная покорность каждаго передъ единогласнымъ рѣшеніемъ братьевъ—сохранились только въ земляхъ православныхъ. Ученіе вѣры воспитываетъ душу безъ общественнаго быта. Папистъ ищетъ власти посторонней и личной, какъ онъ привыкъ ей покоряться въ дѣлахъ вѣры; реформатъ доводитъ личную свободу до слѣпой самоувѣренности, также какъ и въ своемъ мнимомъ богопознаніи. Таковъ духъ ихъ ученія. Одинъ только православный, сохраняя свою свободу, но смиренно сознавая свою слабость, покоряетъ ее *единогласному рѣшенію соборной совѣсти*. Оттого то и не могла земская община сохранить свои права внѣ земель православныхъ; оттого и славянинъ вполнѣ славяниномъ внѣ православія быть не можетъ».

Въ затронутомъ нами выше ученіи о видахъ возможныхъ отношеній государства къ духовной формировкѣ, или къ духовному складу личности вопросъ сводится къ тому: *должны ли мысль и воля личности быть оставлены на произволъ, изъ нея самой исходящаго и государствомъ ненаправляемаго, развитія, или онѣ должны быть приспособляемы государствомъ къ его высшей цѣли, а, слѣдовательно, и къ постояннымъ, а также къ временнымъ средствамъ, которыми та высшая цѣль можетъ быть достигаема?* Отдѣльныя вѣтви этого разросшагося, раскидистаго вопроса всегда занимали мыслителей и законодателей. Но никогда еще онъ не ставился такъ основополагательно, съ такою полнотою

и въ такой цѣлости, какъ у Хомякова и его учениковъ, и эта крупная заслуга ихъ прошла у насъ незамѣченною. Можно сказать, что все славянофильское ученіе въ начальную свою пору есть не что иное, какъ ученіе, въ разныхъ формахъ, о духовномъ складѣ личности, хотя сами славянофилы нигдѣ прямо не высказываютъ, что они именно этимъ вопросомъ заняты. Славянофилы прекрасно понимали, что все въ жизни, въ концѣ концовъ, сводится къ содержанію, характеру и закалу личности. Насколько славянофилы, въ этомъ отношеніи, смотрѣли дѣйствительно въ корень вещей, видно изъ того, что К. Аксаковъ долго работалъ надъ упомянутымъ уже выше сочиненіемъ, появившимся послѣ его смерти, обслѣдующимъ «современнаго человѣка» [1]. Въ этой самобытной работѣ, устарѣвшей въ подробностяхъ, но животрепещущей въ основныхъ идеяхъ, онъ говоритъ: «Въ наши времена, при столькихъ открытіяхъ, при невѣроятныхъ матеріальныхъ усовершенствованіяхъ, при необъятномъ богатствѣ способовъ и средствъ для жизни, чувствуется и слышится повсюду страшная бѣдность души, оскудѣніе внутренняго родника жизни, для котораго только и можно трудиться и работать, при которомъ только и имѣютъ цѣну всѣ открытія и успѣхи. Къ чему всѣ эти богатства и удобства, если потеряетъ душу человѣкъ, одно, что даетъ всему цѣну? Къ чему, напримѣръ, книгопечатаніе, если потерянъ разумъ?... Средства, добытыя человѣкомъ, огромны, а самъ онъ не лучше, но еще хуже прежняго. Что же станетъ онъ дѣлать съ этими средствами? Смѣшно, если на коврѣ-самолетѣ будутъ перевозить устрицы, вновь выдуманные пирожки, булавочки и т. д. А между тѣмъ современное совершенство человѣка представляетъ почти эту картину. Онъ

---

[1]) „Русскій Архивъ" П. Бартенева, 1903, № 7.

добылъ средства, но, направивъ все вниманіе свое, всю дѣятельность своего духа, всю любовь свою на средства, онъ потерялъ то, для чего добываются средства,—внутренняго себя. Современная эпоха невольно приводитъ на память священныя слова: «кая есть польза человѣку, аще весь міръ пріобрящетъ, душу же свою отщетитъ?» и другія священныя слова: «весь міръ не стоитъ единой души человѣческой».

И если славянофилы нападали на крутыя реформы Петра Великаго, то безъ сомнѣнія за то, что онъ, повидимому, мало думалъ о той ломкѣ, которой онъ подвергъ духовный складъ личности въ русскомъ обществѣ. При всѣхъ порицаемыхъ сторонахъ жизни древней Россіи, этотъ духовный складъ былъ, не въ примѣръ нынѣшнему, цѣльный, почвенный и покоился на твердомъ началѣ: на основѣ религіозной. И Петръ Великій, насильно введши западное образованіе и обычаи жизни, сломилъ, исковеркалъ и направилъ совсѣмъ въ другое русло историческое развитіе духовнаго склада русскаго человѣка.

«Родители, домъ, общество уже заключаютъ въ себѣ большую часть воспитанія», говоритъ Хомяковъ [1]), «и школьное ученіе есть только меньшая часть того же воспитанія. Если школьное ученіе находится въ прямой противоположности съ предшествующимъ и, такъ сказать, приготовительнымъ воспитаніемъ, оно не можетъ приносить полной, ожидаемой отъ него пользы; отчасти оно дѣлается даже вреднымъ: вся душа человѣка, его мысли, его чувства раздвояются; изчезаетъ всякая внутренняя цѣльность жизненная; обезсиленный умъ не даетъ плода въ знаніи, убитое чувство глохнетъ и засыхаетъ; человѣкъ отрывается, такъ сказать, отъ почвы, на которой выросъ и становится пришельцомъ на собственной своей землѣ.

1) Сочиненія, т. I. стр. 352.

Таково было дѣйствіе переворота, совершеннаго Петромъ Первымъ».

§ II.

Духовный складъ личности.

Духовный складъ личности состоитъ изъ ея религіозныхъ вѣрованій, привычныхъ нравственныхъ мотивовъ, научныхъ свѣдѣній и образовавшагося подъ ихъ вліяніемъ наклона ума, наконецъ,—изъ государственныхъ и общественныхъ убѣжденій. Понятно, что эти составныя части духовнаго міра человѣка соединены не механически, а проникаютъ одна другую, причемъ наиболѣе вліятельною, собственно почвою служитъ религіозный міръ человѣка. Хотя душевный складъ можетъ получить тотъ или другой оттѣнокъ отъ личнаго характера людей, т. е. прирожденныхъ инстинктовъ и свойственныхъ чувствъ, но онъ тѣмъ существенно отличается отъ характера, что всецѣло *усвояется* путемъ воспитанія, обученія, участія въ жизни общественной, государственной и, съ своей стороны, оказываетъ могущественное вліяніе на образованіе человѣческаго характера. Говоря о характерѣ человѣка, мы, конечно, также имѣли въ виду и тѣ особенности, которыя вносятся въ духовный міръ человѣка его племенными свойствами, хотя этимъ послѣднимъ мы придаемъ, въ виду болѣе могучихъ вліяній, лишь второстепенное значеніе. Вліяніе указанныхъ выше частей духовнаго склада человѣка такъ велико, что, подъ дѣйствіемъ ихъ, у личности вырабатывается то, что можно назвать *пріобрѣтеннымъ характеромъ*, который, въ теченіе продолжительнаго времени, можетъ, наконецъ, и совсѣмъ покорить себѣ личный характеръ человѣка, т. е. его инстинкты и чувства, по крайней мѣрѣ, при обычномъ теченіи жизни, когда самообладаніе неуничтожено.

Строго говоря, личный характеръ человѣка никогда не измѣняется, но можетъ направиться въ другое русло. Энергія, которая при однихъ условіяхъ употреблена была бы на цѣли корыстныя, можетъ уйти на дѣятельную любовь къ ближнему; увлеченіе, которое могло бы тратиться на служеніе страстямъ, уходитъ на служеніе искусству и т. д. Составныя части духовнаго склада личности идутъ, въ общемъ, въ жизни,—въ слѣдующемъ порядкѣ. Сначала человѣкомъ пріобрѣтаются понятія религіозныя, одновременно усвояются привычные нравственные мотивы, потомъ научныя свѣдѣнія и наклонности, наконецъ, государственно—общественныя убѣжденія. Почвою для духовнаго склада личности должна служить вѣра, на ней затѣмъ послѣдовательно и согласно должны быть развиваемы другія стороны духовной жизни. Совершенно справедливо говоритъ Хомяковъ, въ своей статьѣ «объ общественномъ воспитаніи въ Россіи»: «Строй ума у ребенка, котораго первыя слова были: Богъ, тятя, мама, будетъ не таковъ, какъ у ребенка, котораго первыя слова были: деньги, нарядъ или выгода. Душевный складъ ребенка, который привыкъ сопровождать своихъ родителей въ церковь по праздникамъ и по воскресеньямъ, а иногда и въ будни, будетъ значительно разниться отъ душевнаго склада ребенка, котораго родители не знаютъ другихъ праздниковъ, кромѣ театра, бала и картежныхъ вечеровъ. Отецъ или мать, которые предаются восторгамъ радости при полученіи денегъ или житейскихъ выгодъ, устраиваютъ духовную жизнь дѣтей иначе, чѣмъ тѣ, которые при дѣтяхъ позволяютъ себѣ умиленіе и восторгъ только при безкорыстномъ сочувствіи съ добромъ и правдою человѣческою». Но, скажемъ отъ себя, горе тѣмъ родителямъ и воспитателямъ, которые, не будучи истинными христіанами, на ряду съ мертвымъ исполненіемъ обряда, совершаютъ нехристіанскіе

поступки, проявляющіе, вмѣсто любви къ ближнему, жестокость, корысть, равнодушіе къ добру. Ихъ лицемѣрная любовь къ Богу, котораго они хотятъ подкупить наружнымъ исполненіемъ обряда, не наставляетъ, а отравляетъ молодую душу. Къ сожалѣнію, истинныхъ христіанъ на свѣтѣ очень мало. И Спиноза, который, по личной нравственности, по своимъ дѣйствіямъ, въ жизни, былъ настоящимъ христіаниномъ, не преувеличиваетъ, когда говоритъ: «Я всегда удивлялся, видя, какъ люди, объявляющіе себя исповѣдующими христіанскую религію, религію любви, благости, мира, воздержанія, вѣрности и чистоты совѣсти, враждуютъ и преслѣдуютъ другъ друга съ такою ненавистью, что ихъ религія въ жизни отмѣчается этими дурными чувствами, а не тѣми вышеупомянутыми добродѣтелями. Взаимная вражда эта дошла, наконецъ, до такой степени, что можно различить христіанина, турка, іудея и язычника только по костюму, или по храму, который они посѣщаютъ, или по ученію, къ которому они приписаны, или по учителю, словами котораго они клянутся. Но по жизни, по дѣйствіямъ, ихъ трудно отличить другъ отъ друга [1])». Истинное христіанство только еще грядетъ.

§ III.

Государственная мудрость и духовный складъ личности.

Содержаніе той или другой соотвѣтствующей части духовнаго склада личности дается религіею, живымъ историческимъ преданіемъ, наукою, общественною и государственною жизнію страны. Всѣ эти источники воспитанія и образованія духовныхъ силъ человѣка находятся подъ контролемъ мудрости, которой достигло государство,

---

[1]) Tractatus theologico—politicus, изд. Brüder'a, 1846, praefatio.

обязанное, въ силу своей высшей цѣли, указывать народу колейные пути въ жизни и въ развитіи его генія. Мудрость государственная можетъ быть опредѣлена лишь, какъ понятое народомъ природное содержаніе собственной духовной личности, т. е. вѣрное народное сознаніе заложенныхъ, въ его духѣ, основныхъ и постоянныхъ стремленій. Эта, помощью прямыхъ указаній здороваго чувства и правильныхъ выводовъ изъ самонаблюденія, въ теченіе вѣковъ, сознанная народомъ собственная духовная личность вырабатываетъ и житейскую правду этого народа. Въ этомъ смыслѣ, послѣдняя не есть, конечно, та болѣе широкая правда жизни, которая можетъ быть лишь результатомъ развитія всѣхъ народовъ на землѣ и которая всеже еще не есть безусловная правда. На свой особый ладъ, согласно стремленіямъ своей природы и опыту своей исторической судьбы, каждый народъ понимаетъ человѣческую жизнь по-своему и создаетъ собственную житейскую правду, имѣющую, у всѣхъ народовъ, стоящихъ на одинаковой ступени развитія, при тожествѣ основъ, свои особенности, состоящія въ преимущественномъ развитіи того или другого нравственнаго міровоззрѣнія. Въ поле нравственнаго зрѣнія каждаго народа попадаютъ не всѣ стороны нравственности, съ одинаковою отчетливостью, или вѣрнѣе: въ поле зрѣнія каждаго народа хотя и попадаютъ всѣ стороны нравственности, но вниманіе каждаго народа не на всѣ стороны направлено съ одинаковою силою. Эти разныя правды народовъ суть не что иное, какъ строительные матеріалы для возведенія, въ жизни, храма той нравственной истины евангельской, которая пока для людей недостижима и закрыта для нихъ густымъ мракомъ дѣйствительности. Достигшее самосознанія государство, т. е. понимающее себя, знаетъ свой путь и умѣетъ оцѣнивать свои силы. Отсюда получается правильное понятіе о томъ, что извѣстно подъ названіемъ

«государственныхъ интересовъ» народа. Изъ этого совершенно ясно, что государственные интересы суть второстепенныя задачи и никогда не должны противорѣчить высшей, или идеальной цѣли государства. Такою высшею, или идеальною цѣлью для Россіи поставлено Хомяковымъ, какъ мы видѣли раньше, осуществленіе нравственныхъ началъ, высокая задача:—«сдѣлаться самымъ христіанскимъ изъ человѣческихъ обществъ». [1]) Всѣ другія, второстепенныя задачи, составляющія такъ называемые «государственные интересы», должны подчиняться, какъ верховному началу, высшей цѣли государства. Отсюда слѣдуетъ, что основнымъ началомъ, въ отношеніяхъ государства къ духовному складу личности, должна быть идея, выраженная Хомяковымъ въ слѣдующемъ правилѣ: «Разумное развитіе отдѣльнаго человѣка есть возведеніе его въ общечеловѣческое достоинство, согласно съ тѣми особенностями, которыми его отличила природа. Разумное развитіе народа есть возведеніе до общечеловѣческаго значенія того типа, который скрывается въ самомъ корнѣ народнаго бытія» [2]). Этимъ правиломъ данъ лишь общій принципъ, который у Хомякова, въ отношеніи Россіи, получаетъ особенное содержаніе. Мы должны постоянно помнить, что Россіи Хомяковымъ, по упомянутымъ уже въ настоящей книгѣ причинамъ, ставится особая задача, возвышенность которой превращаетъ славянофильское ученіе во всемірно-историческое, общечеловѣческое, стремящееся осуществить въ жизни христіанскій идеалъ, въ его наиболѣе чистой формѣ.

---

[1]) Сочиненія, т. III, стр. 335.
[2]) Сочиненія, т. III, стр. 284.

§ IV.

Хомяковъ объ основномъ началѣ отношенія государства къ духовному складу личности.

Исходя изъ того начала, что «школьное образованіе должно быть соображено съ воспитаніемъ, приготовляющимъ къ школѣ, и даже съ жизнію, въ которую долженъ вступить школьникъ по выходѣ изъ школы», Хомяковъ находитъ что воспитаніе человѣка «есть дѣло всего общества въ обширномъ смыслѣ слова» [1]). При этомъ нужно принять во вниманіе, что воспитаніемъ въ обширномъ смыслѣ слова Хомяковъ называетъ дѣйствіе, «посредствомъ котораго одно поколѣніе приготовляетъ слѣдующее за нимъ поколѣніе къ очередной дѣятельности въ въ исторіи народа». Ясно, при такомъ основномъ понятіи, что воспитаніе должно быть общественное, ибо только въ немъ можетъ быть передаваема преемственно общественная сокровищница идей и чувствъ. Однако, изъ этого нисколько не слѣдуетъ, что воспитаніе слѣдующаго поколѣнія должно быть предоставлено исключительно обществу, безъ всякаго вмѣшательства правительственной власти. «Нѣтъ сомнѣнія», говоритъ Хомяковъ, «что государство, признающее себя за простое или, лучше сказать, торговое скопленіе лицъ и ихъ естественныхъ интересовъ, какъ, наприм., Сѣверо-Американскіе Штаты, не имѣетъ почти никакого права вмѣшиваться въ дѣло воспитанія, хотя и они не дозволили бы воспитательнаго заведенія съ явно-безнравственною цѣлью; но то, что въ государствѣ, подобномъ Сѣверной Америкѣ, является только сомнительнымъ правомъ, дѣлается не только правомъ, но

---

1) Соч., т. I., статья: „Общественное воспитаніе въ Россіи“, стр. 351 и слѣд.

прямо обязанностью въ государствѣ, которое, какъ Земля Русская, признаетъ въ себѣ внутреннюю задачу проявленія человѣческаго общества, основаннаго на законахъ высшей нравственности и христіанской правды. Такое государство обязано отстранять отъ воспитанія все то, что противно его собственнымъ основнымъ началамъ». Но, кромѣ этого отрицательнаго вмѣшательства, Хомяковъ налагаетъ на государство и положительную обязанность. «Во всякомъ обществѣ», говоритъ онъ, «кромѣ потребностей постоянныхъ и общихъ, могутъ явиться потребности временныя, частныя, на которыя еще оно отвѣчать не умѣетъ. Для удовлетворенія этихъ потребностей могутъ быть нужны учебныя заведенія, исключительныя и временно-необходимыя до той поры, пока само общество вполнѣ пойметъ свои новыя задачи и будетъ способно удовлетворить свои новыя требованія. Это право должно быть безспорно допущено всякимъ государственнымъ законодательствомъ». Итакъ, по Хомякову, «въ число прямыхъ обязанностей правительства, вѣрно выражающаго въ себѣ законныя требованія общества, входятъ: устраненіе всего, что противно внутреннимъ и нравственнымъ закономъ, лежащимъ въ основѣ самаго общества, и удовлетвореніе тѣхъ потребностей, которыхъ само общество не можетъ еще удовлетворить вполнѣ». Слѣдовательно, выводитъ Хомяковъ, «правила общественнаго воспитанія должны измѣняться, въ каждомъ государствѣ, съ характеромъ самаго государства и въ каждую эпоху съ требованіями эпохи». Поэтому, чтобы опредѣлить «направленіе правительственныхъ дѣйствій на воспитаніе», надобно, по воззрѣнію Хомякова, «опредѣлить самый характеръ земли, которой судьба вручена правительству: ибо то, что можетъ быть невинно или даже похвально въ Англіи, было бы вредно и даже преступно въ Гишпаніи». Въ чемъ же заключается задача

Русской Земли, определяющая и воспитаніе въ Россіи? На этотъ вопросъ Хомяковъ даетъ вновь слѣдующій отвѣтъ, по существу намъ уже знакомый, но дополненный нѣкоторыми подробностями: «Внутренняя задача Русской Земли есть проявленіе общества христіанскаго, православнаго, скрѣпленнаго въ своей вершинѣ закономъ живаго единства и стоящаго на твердыхъ основахъ общины и семьи». Итакъ, выводитъ Хомяковъ, «воспитаніе, чтобы быть русскимъ, должно быть согласно съ началами не богобоязненности вообще и не христіанства вообще, но съ началами православія, которое есть единственное истинное христіанство, съ началами жизни семейной и съ требованіями сельской общины, во сколько она распространяетъ свое вліяніе на русскія села»...

Но начала, свойственныя русской жизни, не могутъ быть созданы правительствомъ.

Можно и должно государству, полагаетъ Хомяковъ, устранять все, что враждебно этимъ началамъ, но развивать самыя начала почти невозможно. «Жизненное и историческое дѣйствіе общества похоже на живыя явленія природы и, можетъ быть, еще неуловимѣе ихъ», продолжаетъ Хомяковъ, «опасно вступать въ эти многосложныя и неосязаемыя тайны и поручать механикѣ и химіи то, что поручено Промысломъ законамъ, которыхъ никто еще не постигъ вполнѣ. Всякая премія, предлагаемая добродѣтели, есть премія, предлагаемая пороку. Правительство, поощряющее подвиги безкорыстной доблести какою бы то ни было корыстною наградою, отравляетъ источникъ, который хочетъ очистить; правительство, которое беретъ семью подъ свое покровительство и опеку, обращаетъ ее по-китайски въ полицейское учрежденіе и, слѣдов., убиваетъ семейность. Нѣтъ никакой извѣстной возможности развить или произвести чувство, связывающее русскаго крестьянина съ его общиною, или русскаго человѣка съ

его семьсю; но есть возможность подавить или уничтожить эти чувства».

Сдѣланныхъ выписокъ совершенно достаточно для выясненія ученія Хомякова о томъ отношеніи, въ которомъ должно стоять государство къ духовному складу личности. Намъ остается теперь разсмотрѣть идеи Хомякова о подробностяхъ этого отношенія, причемъ удобнѣе всего будетъ очертить, въ отдѣльности, отношеніе государства къ частямъ этого духовнаго склада. Части эти суть: религіозныя вѣрованія, привычныя нравственныя побужденія, научныя свѣдѣнія, наконецъ, государственныя и общественныя убѣжденія личности.

Примѣчаніе. Въ „посланіи къ сербамъ" (Сочиненія Хомякова, т. I, стр. 386—7 г. изд. 1900) читаемъ: „Да будетъ же всѣмъ полная свобода въ Вѣрѣ и въ исповѣданіи ея. Да не терпитъ никто угнетенія или преслѣдованія въ дѣлѣ богопознанія или богопоклоненія. Никто, хотя бы онъ былъ (чего Боже избави) совратившійся съ пути истиннаго сербъ! Да будетъ онъ вамъ все еще братомъ, хотя несчастнымъ и ослѣпленнымъ. Но да небудетъ уже онъ ни законодателемъ, ни судьею, ни членомъ общиннаго схода: ибо иная совѣсть у васъ, иная у него. Великій Апостолъ языковъ говоритъ: „Не стыдно ли вамъ, христіанамъ, судиться передъ язычниками? Пусть судятъ между васъ братья". Поэтому иновѣрецъ долженъ быть для васъ, какъ гость, охраняемый вами отъ всякой неправды и пользующійся всѣми вашими правами въ дѣлахъ жизни частной, но не долженъ быть полноправнымъ гражданиномъ, или сыномъ великаго сербскаго народа, судящимъ съ братьями въ дѣлахъ общественныхъ". Возможно, что для народа молодого, еле начинающаго складываться въ государство, какъ Сербія половины 19 вѣка, обереганіе управленія государственнаго отъ вмѣшательства иновѣрцевъ можетъ быть и выполнимо, и, на-время, даже полезно. Но можетъ ли это имѣть примѣненіе для обширныхъ и разноплеменныхъ государствъ? Вѣдь если признать, что судьи должны быть непремѣнно одной вѣры съ судимымъ, то какъ быть со свидѣтелями? Пожалуй, можно сказать, что и свидѣтель—иновѣрецъ имѣетъ иную совѣсть, а вѣдь

въ дѣлѣ судебнаго свидѣтельства совѣсть имѣетъ такое же рѣшающее значеніе, какъ и въ самомъ судѣ надъ человѣкомъ. По началу, выставленному Хомяковымъ, пришлось бы отказаться отъ свидѣтелей—иновѣрцевъ, что могло бы въ конецъ парализовать правосудіе. Но, помимо соображеній государственныхъ, совѣсть у всѣхъ народовъ, вѣрующихъ въ единаго Бога, одна, а не разная. Конечно, людоѣдъ имѣетъ иную совѣсть, чѣмъ народы, уже вышедшіе изъ періода антропоѳагіи. По совѣсти людоѣдъ, быть можетъ, думаетъ, что самая лучшая расправа съ подсудимымъ, это — зажарить и съѣсть его. Здѣсь, конечно, можетъ быть рѣчь объ иной совѣсти. Но народы, вѣрующіе въ единаго Бога, всѣ обладаютъ совѣстью, одинаковою, конечно, для дѣлъ житейскихъ, а не для вопросовъ догмы, вопросовъ богословія: такъ показываетъ опытъ жизни каждому наблюдателю.

При этомъ нельзя не обратить вниманіе на то, что высказано великимъ главою англійскихъ либераловъ истекшаго вѣка Гладстономъ (The Impregnable Rock of Holy Scripture, London, 1892, p. 283 и слѣд.) по аналогичному вопросу. Общій смыслъ сказаннаго имъ въ томъ, что, въ настоящее время, вслѣдствіе христіанскаго характера государства и всѣхъ его учрежденій, есть люди, отвергающіе христіанство, какъ догму, но вполнѣ усвоившіе его, какъ систему нравственности и какъ привычные нравственные мотивы для поведенія. Въ самомъ дѣлѣ, не-христіане, воспитывающіеся съ дѣтства въ однихъ школахъ съ христіанами и вѣрующіе въ единого Бога,—сами того не замѣчая, постепенно пріобрѣтаютъ, въ нравственномъ отношеніи, христіанскую совѣсть, хотя и не признаютъ самой догмы христіанства. «Христіанская этика», говоритъ Гладстонъ, «такъ слилась съ обыденною жизнію, что память о ея божественномъ происхожденіи также изчезаетъ изъ памяти людей, какъ юридическое основаніе какого нибудь наслѣдства, которое мы пріобрѣли безспорнымъ пользованіемъ». Наконецъ, что такое новый альтруизмъ, какъ не христіанское правило, замаскированное и какъ бы обманомъ,—безсознательнымъ, конечно, - похищенное утилитаріанскою школою? Чтобы понять, какъ безконечно велико различіе между государствомъ христіанскимъ и не-христіанскимъ, стоитъ только сравнить нашу жизнь съ растлѣнною жизнію блестяще развитыхъ государствъ, не обладавшихъ, однако, христіанствомъ, напр., съ Греціею въ V в. до Р. Х. или съ Римомъ въ періодъ появленія христіанства или вскорѣ послѣ него.

Вообще мы полагаемъ, что въ вопросѣ объ «иной» совѣсти

иновѣрцовъ, вѣрующихъ въ одного Бога, Хомяковъ увлекся, говоря его же выраженіемъ, «строгостью логическаго вывода» за предѣлы того, что намъ воочію показываетъ ежедневная жизнь. Степень возвышенности личной нравственности человѣка не всегда находится въ соотвѣтствіи со степенью его догматическаго вѣрованія. Гладстонъ, самъ пламенный христіанинъ съ сильнымъ догматическимъ вѣрованіемъ, говоритъ, что будь онъ даже наклоненъ къ противоположному выводу, то «опытъ его жизни. и опытъ часто очень печальный, раскрылъ бы ему глаза (Gladstone, The Impregnable Rock of Holy Scripture, p. 285)». Вѣдь вся культура, въ которой живетъ иновѣрецъ въ современномъ европейскомъ государствѣ, основана на христіанствѣ! И вотъ христіанинъ по нравственнымъ воззрѣніямъ и убѣжденіямъ, но безъ признанія догмы христіанской вѣры, попадается, въ настоящее время, чуть ли не на каждомъ шагу. Правда, онъ называетъ себя альтруистомъ, но, повторяемъ, ктоже незнаетъ, что альтруизмъ родился изъ правилъ христіанской этики? По крайней мѣрѣ Дж. Ст. Милль, апостолъ утилитаріанства, это прямо высказалъ въ своемъ изложеніи утилитаріанизма (см. его: Utilitarianism, p. 10).

§ V.

Государство и религіозныя вѣрованія личности [1])

Въ «посланіи къ сербамъ» Хомяковъ говоритъ: «Да будетъ же всѣмъ полная свобода въ вѣрѣ и въ исповѣда-

---

[1]) Мы здѣсь не разсматриваемъ вопроса объ отношеніяхъ государства и церкви въ Россіи. До настоящаго времени существуютъ невѣжественные взгляды на отношенія, въ Россіи, главы государства къ церкви. Такъ Фагэ (Le libéralisme, Paris, 1902, p. 112) полагаетъ, что въ Россіи „chef de l'Etat" есть „chef de la religion". Въ свое время, Хомяковъ, въ своемъ отвѣтѣ Лоранси, говорилъ: (Соч., т. II, стр. 34): „никакого главы церкви, ни духовнаго, ни свѣтскаго мы не признаемъ. Христосъ ея глава и другого она не знаетъ". И дальше, разъясняя отношеніе русскаго государя къ церкви, Хомяковъ объясняетъ: „Когда послѣ многихъ крушеній и бѣдствій, русскій народъ общимъ совѣтомъ избралъ Михаила Романова своимъ наслѣдственнымъ государемъ (таково высокое происхожденіе императорской власти въ Россіи), народъ вручилъ своему избраннику всю

нія ея! Да не терпитъ никто угнетенія или преслѣдованія въ дѣлѣ богопознанія и богопоклоненія». Вѣротерпимость составляетъ одно изъ основныхъ началъ нашего законодательства, что краснорѣчиво и выражено въ ст. 45 Основныхъ Законовъ Россійской Имперіи, гласящей: «Сво-

---

власть, какою облеченъ былъ самъ во всѣхъ ея видахъ. Въ силу избранія, государь сталъ главою народа въ дѣлахъ церковныхъ, также какъ и въ дѣлахъ гражданскаго управленія; повторяю: главою народа въ дѣлахъ церковныхъ, и, въ этомъ смыслѣ, главою мѣстной церкви, но единственно въ этомъ смыслѣ. Народъ не передавалъ и не могъ передать своему государю такихъ правъ, какихъ не имѣлъ самъ, а едва ли кто-либо предположитъ, чтобы русскій народъ когда-нибудь почиталъ себя призваннымъ править церковью. Онъ имѣлъ изначала, какъ и всѣ народы, образующіе православную церковь, голосъ въ избраніи своихъ епископовъ, и этотъ свой голосъ онъ могъ передать своему представителю. Онъ имѣлъ право или точнѣе обязанность блюсти, чтобы рѣшенія его пастырей и ихъ соборовъ приводились въ исполненіе; это право онъ могъ довѣрить своему избраннику и его преемникамъ. Онъ имѣлъ право отстаивать свою вѣру противъ всякаго непріязненнаго или насильственнаго на нее нападенія; это право онъ также могъ передать своему государю. Но народъ не имѣлъ никакой власти въ вопросахъ совѣсти, общецерковнаго благочинія, церковнаго управленія, а потому и не могъ передать такой власти своему царю. Это вполнѣ засвидѣтельствовано всѣми послѣдующими событіями. Низложенъ былъ патріархъ; но это совершилось не по волѣ государя, а по суду восточныхъ патріарховъ и отечественныхъ епископовъ. Позднѣе на мѣсто патріаршества, учрежденъ синодъ; и эта перемѣна введена была не властью государя, а тѣми же восточными епископами, которыми, съ согласія свѣтской власти, патріаршество было въ Россіи установлено. Эти факты достаточно показываютъ, что титулъ главы церкви означаетъ народоначальника въ дѣлахъ церковныхъ; другого смысла онъ въ дѣйствительности не имѣетъ и имѣть не можетъ; а какъ только признанъ этотъ смыслъ, такъ обращаются въ ничто всѣ обвиненія, основанныя на двусмысліи[4].—Императоръ Николай Павловичъ сказалъ, что въ томъ, что говоритъ Хомяковъ о церкви, онъ очень либераленъ; но въ томъ, что имъ сказано объ отношеніяхъ церкви и свѣтской власти, онъ совершенно правъ.

бода вѣры присвояется не токмо христіанамъ иностранныхъ исповѣданій, но и евреямъ, магометанамъ и язычникамъ: да всѣ народы, въ Россіи пребывающіе, славятъ Бога Всемогущаго разными языками по закону и исповѣданію праотцевъ своихъ, благословляя царствованіе Россійскихъ Монарховъ и моля Творца вселенной о умноженіи благоденствія и укрѣпленія силы Имперіи »

Въ Высочайшемъ Манифестѣ 26 февраля 1903 г. еще разъ подтверждается начало вѣротерпимости и повелѣвается соблюденіе властями этого начала въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Требуя отъ всѣхъ исполнителей нашей воли, какъ высшихъ, такъ и низшихъ, твердаго противодѣйствія всякому нарушенію правильнаго теченія народной жизни и уповая на честное исполненіе всѣми и каждымъ ихъ служебнаго и общественнаго долга, мы съ непреклонною рѣшимостью незамедлительно удовлетворить назрѣвшимъ нуждамъ государственнымъ, признали за благо: укрѣпить неуклонное исполненіе властями, съ дѣлами вѣры соприкасающимися, завѣтовъ вѣротерпимости, начертанныхъ въ основныхъ законахъ Имперіи Россійской, которые, благоговѣйно почитая православную церковь первенствующей и господствующей, предоставляютъ всѣмъ подданнымъ нашимъ инославныхъ и иновѣрныхъ исповѣданій свободное отправленіе ихъ вѣры и богослуженія по обрядамъ оной». Изъ этого видно, что вопросъ о вѣротерпимости у насъ разрѣшенъ вполнѣ опредѣленно. Не входя здѣсь въ разсмотрѣніе вопроса о свободѣ вѣроисповѣданія, т. е. вопроса о правѣ перехода изъ господствующей церкви въ одну изъ терпимыхъ инославныхъ или иновѣрныхъ, такъ какъ мы заняты здѣсь изложеніемъ идей Хомякова, а не рѣшеніемъ встрѣчающихся намъ вопросовъ, мы можемъ только сказать, что Хомяковъ стоялъ и въ этомъ отношеніи за свободу, въ томъ смыслѣ, что не считалъ отпаденія отъ

православія—преступленіемъ [1]), какъ бы прискорбно само по себѣ ни было для него такое отступленіе, какъ отступленіе отъ христіанства въ самой чистой его формѣ. Свободная конкуренція церквей, какъ она можетъ практиковаться и дѣйствительно практикуется во многихъ западныхъ государствахъ, приводитъ къ печальнымъ результатамъ. Пусть каждый свободно отправляетъ свое вѣроисповѣданіе; пусть переходъ изъ одной религіи въ другую не составляетъ преступленія, хотя едва ли можно, по справедливости, отказать государству въ правѣ защищать свою господствующую вѣру, конечно, не уголовнымъ мечемъ, а мѣрами нравственнаго предупрежденія и воздѣйствіями чисто церковными; но пусть религіи не занимаются состязательною ловлею душъ человѣческихъ, прибѣгая для этого къ разнымъ средствамъ, волнующимъ, воспламеняющимъ сердца до степени болѣзненной возбужденности и часто вносящимъ смуту и раздоръ въ нѣдра брака и семьи. Въ своихъ «Запискахъ по всемірной исторіи», въ этомъ дневникѣ наблюденій надъ историческою жизнію народовъ, въ этомъ умномъ, самобытномъ и пока еще мало у насъ оцѣненномъ трудѣ, Хомяковъ говоритъ [2]): «Легко замѣтить, что вездѣ, гдѣ религіи удалены отъ борьбы, онѣ сохраняютъ характеръ человѣколюбія или, по крайней мѣрѣ, незлобія. Разгаръ всѣхъ злыхъ страстей, кровожадность, человѣческія жертвы и вся мер-

[1]) Наше новое Уголовное Уложеніе 22 марта 1903 г., въ противность Уложенію о наказаніяхъ (стт. 185 и 188), не признаетъ отпаденія отъ православной вѣры преступленіемъ, влекущимъ уголовное наказаніе; мѣры, принимаемыя противъ отпадшихъ, возложены на духовныя власти и на министерство внутреннихъ дѣлъ (см. Уголовное Уложеніе, изд. Н. С. Таганцева, стр. 163). Нельзя не признать, что Уголовное Уложеніе сдѣлало большой шагъ впередъ.

[2]) Сочиненія, т. V, стр. 200.

зость фанатизма владычествуютъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ было столкновеніе племенъ и вѣръ разнородныхъ».

«Небо всякой миѳологіи есть, какъ мы уже сказали, отраженіе земли, и злость людей выражается злостью боговъ. Отъ этого если мы видимъ свирѣпую религію и не видимъ мѣстной борьбы, то мы должны предположить колоніальное начало народа и искать его колыбели въ странѣ, гдѣ свирѣпствовали религіозныя войны. Такъ, карѳагенскіе обряды явно указываютъ на другую родину, и мы могли бы признать Карѳагенъ за колонію по этому одному признаку, когда бы мы не имѣли другихъ положительныхъ свидѣтельствъ». Разъясняя далѣе свое положеніе, Хомяковъ высказываетъ слѣдующія чрезвычайно важныя положенія: «мысль, при встрѣчѣ съ мыслью чуждою, получаетъ характеръ страсти, разстраивающей стройность ея первобытной жизни. Всякое религіозное начало древности было одностороннее; но душа человѣческая, во время быта мирнаго и разумнаго, одарена тайнымъ ясновидѣніемъ, которое не позволяетъ ей увлекаться строгостью логическаго вывода за предѣлы здраваго смысла. Ходъ мысли, развитіе принятыхъ данныхъ требуютъ еще одного шага; но этотъ шагъ приводитъ къ нелѣпости; человѣкъ останавливается и нагоняетъ на себя произвольную слѣпоту; онъ не видитъ требованій своего ученія, чтобы не признать ложности его основаній, или не нарушить добраго согласія между своимъ личнымъ разумомъ и общечеловѣческимъ чувствомъ. Но возмутите жизнь горячею распрею, волненіемъ страсти,—и роковой шагъ будетъ сдѣланъ поневолѣ, или собственно недогадливостью, или догадливостью противника». И вотъ на основаніи этихъ соображеній Хомяковъ выставляетъ чрезвычайно важное положеніе: «**борьба противоположныхъ религій доводитъ ихъ до крайнихъ логическихъ выводовъ, до которыхъ человѣкъ иначе боялся**

бы дойти». Но можно сказать: борьба религій выводитъ заблужденія наружу,—безъ этой борьбы ложь будетъ исповѣдываться людьми мирно, въ теченіе безграничнаго времени, а ложь не можетъ не разлагать жизни, не искажать духовной природы людей. Хомяковъ имѣлъ въ виду это возможное возраженіе и какъ бы въ отвѣтъ на него выставляетъ слѣдуюшее блестящее и глубочайшее наблюденіе: «Не должно смѣшивать борьбу мыслей, происшедшую изъ случайнаго и внѣшняго столкновенія, съ противодѣйствіемъ, вызваннымъ неудовлетворенною жаждою истины. Между ними коренное раличтіе и только мнимое сходство. Когда созрѣетъ ложь и потребуетъ своего обличенія, оно является тихое и кроткое, призванное убѣжденіемъ людей и привѣтствуемое ихъ одобреніемъ. Такое противодѣйствіе неизбѣжно и обыкновенно не сопровождается печальными явленіями, которыя мы видимъ при встрѣчѣ Иранской и Кушитской стихій. Столкновеніе внѣшнее раздражаетъ потому, что оно не имѣетъ въ себѣ характера необходимости; противодѣйствіе, рожденное внутреннею дѣятельностью духа въ человѣкѣ или народѣ, кажется ему самому пріобрѣтеніемъ и шагомъ впередъ, хотя бы оно раздвоило душу или общество».

Наше законодательство, не дающее возможности бороться религіямъ въ разновѣрной имперіи, раскинувшейся въ двухъ частяхъ свѣта и захватившей въ свои предѣлы величайшее собраніе вѣръ и племенъ, устранило много зла въ жизни. Нашъ законъ какъ бы говоритъ: «Славьте Бога всѣ, какой бы вѣры ни были; но не занимайтесь ловлею душъ,—пусть каждая душа идетъ своимъ мирнымъ путемъ и познаетъ Бога, безъ волненій и страстей, вызываемыхъ борьбой ожесточившихся послѣдователей разныхъ исповѣданій, вступившихъ въ состязаніе». Кто видѣлъ и слышалъ фанатическихъ, конкурирующихъ между собою, проповѣдниковъ разныхъ толковъ въ Лондонѣ,

отлично знаетъ, до какого раздраженія доводитъ религіозная борьба. Здравый смыслъ русскаго законодательства спасаетъ насъ отъ ярости борцовъ прозелитизма, въ своемъ ослѣпленіи забывающаго самую правду.

Диспутъ у Гейне между изувѣрскимъ раввиномъ и фанатическимъ католическимъ монахомъ, дошедшими въ своемъ бѣшенномъ спорѣ до пѣны и площадной, кощунственной брани, рисуетъ, конечно, въ довольно грязной каррикатурѣ, до чего доводитъ вѣроисповѣдная борьба. И донна Бланка лучше всего рѣшаетъ вопросъ о превосходствѣ доводовъ раввина или католическаго монаха, когда произноситъ свой знаменитый вердиктъ.

§ VI.

Государство и религіозныя вѣрованія личности.

(Окончаніе).

Понятно, что христіанское государство имѣетъ не только право, но и обязанность заботиться о томъ, чтобы воспитаніе юношества велось въ духѣ христіанскомъ; русское государство имѣетъ право и обязанность заботиться о томъ, чтобы русское юношество было ведено въ правилахъ и духѣ православной вѣры. Но дадимъ здѣсь слово Хомякову, который, въ своей запискѣ: «объ общественномъ воспитаніи въ Россіи» [1]), говоритъ: «Безъ сомнѣнія, христіанство, т. е. православіе, имѣетъ свою наукообразную систему, которую можно изучать и которую должно преподавать; но самое поверхностное наблюденіе уже показываетъ, что преподаваемое ученіе вѣры весьма недостаточно и шатко. Оно вообще не имѣетъ и имѣть не можетъ теплоты апостольской проповѣди, укрѣпляющей

---

[1]) Сочиненія Хомякова, т. I, стр. 355.

вѣрныхъ и обращающихъ невѣрныхъ; оно не имѣетъ и (кромѣ развѣ высшихъ училищъ) не можетъ имѣть той глубины философскаго ученія, которое покоряетъ упорство разума его же оружіемъ, стройною и неотразимою логикою». Наукообразное преподаваніе необходимо; но, по мысли Хомякова, не въ немъ заключается основа христіанскаго, православнаго развитія душевныхъ способностей въ юношествѣ. «Эта основа», говоритъ Хомяковъ, «заключается въ чувствахъ сердца, укрѣпленныхъ постоянною привычкою къ внѣшнему обряду православія»... «Практическое воспитаніе христіанина въ училищахъ христіанскихъ требуетъ неизбѣжнаго исполненія обряда. Да будетъ постъ въ постъ и праздникъ церковный въ праздникъ, или да оставятъ всякое попеченіе о христіанскомъ воспитаніи. Всѣ полумѣры и полусоблюденія обрядовъ представляютъ ясновидѣнію молодого чувства тоже, что они представляютъ глазамъ просвѣщеннаго разума—смѣшной и ничѣмъ не оправдываемый произволъ». Въ заключеніе, Хомяковъ говоритъ: «общій духъ школы долженъ быть согласенъ съ православіемъ и укрѣплять сѣмена его, посѣянныя семейнымъ воспитаніемъ, а лекціи катехизиса или богословія должны только уяснять понятія о вѣрѣ». Не нужно превращать вѣру въ учебу, а сдѣлать ее живою, практикуемою въ жизни. Но позволимъ себѣ сказать: для этого мало одного соблюденія обряда, необходимо въ школѣ практиковать и учить практиковать христіанскія добродѣтели. На эту сторону дѣла Хомяковъ не обратилъ вниманія, быть можетъ, потому, что считалъ школу съ такими задачами — недостижимо идеальною, или потому, что полагалъ, что для практикованія христіанскихъ добродѣтелей настоящая почва — семья. Какъ бы то ни было, но на

эту сторону жизни школы государству слѣдуетъ обратить особое вниманіе, хотя бы даже въ ущербъ объему преподаваемыхъ предметовъ. Великое зло въ европейской жизни, это — неискреннее, лицемѣрное христіанство. Вся жизнь европейская какъ бы цинично говоритъ: «христіанскія добродѣтели неосуществимы; обрядъ мы, пожалуй, исполнимъ; но христіанскія добродѣтели слишкомъ идеальны для насъ». Бисмаркъ, это воплощеніе рѣзкости и цинизма 19 вѣка, любившій постоянно говорить о своей вѣрѣ въ Бога и о томъ, что онъ не понимаетъ, какъ можно даже жить на свѣтѣ безъ такой вѣры, съ нѣкоторою шутливостью замѣчаетъ, по поводу XII главы посланія къ Римлянамъ, что поѣсть врагу онъ, пожалуй, еще дастъ, но благословить его могъ бы лишь очень наружно, если бы вообще ужъ онъ это сдѣлалъ (aber ihn segnen, das würde sehr äusserlich sein, wenn ich's überhaupt thäte) [1]). Мы Бисмарку не ставимъ въ вину сознаніе идеальной недостижимости для него исполненія христіанской обязанности не только не проклинать, но благословлять враговъ; но въ тонѣ его замѣчанія столько грубой игривости, такое насмѣшливое отношеніе къ тому, что такъ идеально—возвышенно въ христіанствѣ, что, читая его холодныя увѣренія въ томъ, что онъ вѣруетъ въ Бога, хочется ему сказать: «ты вѣришь, но вѣра твоя просто дисциплина, которую ты больше всего цѣнишь, какъ instrumentum regni». Такое заключеніе мы въ правѣ сдѣлать изъ его опредѣленія значенія молитвы. «Полезность молитвы», говоритъ Бисмаркъ, «заключается вѣ подчиненіи превозмогающей силѣ (Die Nützlichkeit des Gebets aber liegt in der Unterwerfung unter eine stärkere Macht)». Какія были жалкія представленія о религіи у Наполеона I, можно видѣть изъ слѣдующаго его

---

[1]) Dehn, Bismarck als Erzieher, 1903, S. 484.

изреченія на островѣ Св. Елены: «si j'avais à avoir une religion, j'adorerais le soleil, car c'est lui qui féconde tout, c'est le vrai Dieu de la terre (если бы уже мнѣ нужно было имѣть какую нибудь религію, то я бы обожалъ солнце, потому-что оно все оплодотворяетъ, оно настоящій Богъ земли)». Всѣ его разговоры на островѣ Св. Елены напоминаютъ скучныя пережевыванія биржевика, проигравшаго кампанію. И этотъ человѣкъ управлялъ міромъ! [1]) Его военный геній едва ли далъ бы ему успѣхъ, если бы онъ не сочетался съ геніемъ безчувственности и эгоизма: у Наполеона дѣйствительно было бронзовое сердце.

Практикованіе, въ школѣ, христіанскихъ добродѣтелей настолько важное и настоятельное дѣло, что предъ нимъ должны меркнуть всѣ блага отъ преподаванія предметовъ вообще [2]). Пора же, наконецъ, обратить серьезное вниманіе на уродливости современной, такъ называемой, средней школы: отнимая у молодого человѣка почти треть жизни, она вручаетъ ему слѣдующій багажъ для дальнѣйшей жизни и дѣятельности: не только неукрѣпленную, а, на-

---

[1]) Général baron Gourgaud, Sainte-Hélène, journal inédit de 1815 à 1818, t. premier, p. 434.

[2]) Мысль моя о томъ, что слѣдуетъ въ школѣ практиковать христіанскія добродѣтели, можетъ порядочно насмѣшить нашу интеллигенцію, обрушить на мою голову немало издѣвокъ и обвиненій въ «маниловщинѣ»: какъ извѣстно, у насъ, въ обществѣ, слово «добродѣтель» употребляется лишь въ ироническомъ смыслѣ. Но народъ не такъ смотритъ на дѣло. Замѣчателенъ обычай въ сѣверныхъ нашихъ губерніяхъ отправлять мальчиковъ на годъ въ Соловецкій монастырь, на безвозмездную работу. Мальчики эти называются «годовиками». Какъ умно умѣетъ находить народъ пути для нравственнаго воспитанія, какъ пути эти всегда логичны, просты и бытосообразны! Годъ безмездной работы на пользу монастыря — какой, по истинѣ, просвѣтительный годъ для молодежи, какой яркій періодъ въ жизни юноши!

противъ, совершенно ослабленную волю; невоспитанныя чувства; вѣру не живую, а собраніе какихъ-то отрывковъ изъ учебниковъ по закону Божію; эгоизмъ, нисколько не смягченный практикою христіанскихъ добродѣтелей; непомѣрную гордость, проистекающую изъ умственной неразвитости и изъ того, что школа нисколько не пріучала къ сознательному смиренію; непривычку обдумывать что-бы то ни было своимъ умомъ, самостоятельно; сбродъ безтолковыхъ знаній, или совершенно безполезныхъ, или сдѣланныхъ преподаваніемъ негодными для жизни и помогавшихъ не развитію энергіи мысли, а, напротивъ, породившихъ скудость, забитость ея. Такимъ выходитъ юноша изъ средней школы. Университетъ, если бы онъ и былъ въ состояніи, не можетъ уже помочь дѣлу: въ него вступаетъ почти законченная, въ нравственномъ отношеніи, личность.—Если бы меня спросили, чтоже нужно сдѣлать, чтобы средняя школа давала то, что дѣйствительно потребно, то на это я отвѣтилъ бы: «дайте хорошее, истинно—христіанское воспитаніе, и на этой почвѣ создастся желательный духовный складъ личности». На почвѣ христіанской вѣры вырабатывается личная нравственность, твердая, благая воля; раскрываются чувства доброжелательности, справедливости; получаются философскій полетъ мысли, самостоятельность ума, смиреніе, приглушающее въ душѣ много дурныхъ чувствъ. Искренняя вѣра даетъ лучшіе типы людей. Посмотрите, какую личность выработало духовное просвѣщеніе старой Россіи,—посмотрите на нравственный образъ царя Алексѣя Михайловича. Получивъ очень слабое образованіе, но воспитанный въ духѣ христіанства, православія, онъ развилъ въ себѣ замѣчательную самостоятельность мысли, строгую личную нравственность и твердость воли, не взирая на природную мягкость. Эта природная мягкость не помѣшала ему, однако, проявить волю тамъ, гдѣ это предписывалъ

ему долгъ: такую твердость показалъ онъ въ дѣлѣ Никона. Онъ много читалъ и любилъ писать. «У царя Алексѣя продуманъ каждый его цвѣтистый афоризмъ; изъ каждой книжной фразы смотритъ живая и ясная мысль», говоритъ проф. Платоновъ въ своей характеристикѣ царя Алексѣя [1]). На религіозной же почвѣ у него выработались свѣтлыя идеи о вѣротерпимости, правосудіи, любовь къ прекрасному. Симпатичною, глубоко-человѣчною, правосудною и свѣтлою личностью стоитъ тишайшій Царь Алексѣй въ русской исторіи, завершая собою періодъ старой Россіи. Въ историческомъ пантеонѣ онъ какъ бы говоритъ: «вотъ что дала искренняя вѣра въ Бога, вотъ что даетъ воспитаніе, основанное на чистомъ христіанствѣ». Замѣтное, изъ году въ годъ увеличивающееся, нравственное приниженіе человѣка въ Европѣ, казалось бы, должно бы обратить на себя серьезное вниманіе людей мысли и направить ихъ взоры на религію, какъ на спасительное средство необходимаго пробужденія человѣка. Но техника цивилизаціи такъ сложна, сѣть лжи въ ней такъ велика и такъ все запутываетъ, что отдѣльный человѣкъ, схваченный водоворотомъ, какъ бы совсѣмъ лишается произвольнаго движенія и не можетъ, если бы даже хотѣлъ, вырваться изъ бездонной пучины. Въ адской мастерской, оглушающей и обезволивающей входящаго, не можетъ быть у рабочаго даже и минуты времени подумать о томъ, что онъ не машина, а живая душа. Машинообразность современной жизни, разбитой на куски безчисленными сроками и подгоняемой спѣхомъ, поразительна, и каждый человѣкъ летитъ по роковой наклонной плоскости, на которую швырнула его судьба. Собственными силами отдѣльному человѣку не вырваться изъ адскихъ клещей того чудовища, которое прозывается «нашею

---

[1]) Проф. С. Платоновъ, Статьи по Рус^ской Исторіи, 1903 стр. 41.

сложною цивилизаціей». Но государству пора серьезно подумать о помощи отдѣльному человѣку. «Спасите мою душу, дайте мнѣ возможность опять стать человѣкомъ, возвратиться къ своему Творцу!», какъ бы молить отдѣльный, безпомощный человѣкъ, обращаясь къ государству, «одинъ, собственными силами, я не въ состояніи этого сдѣлать!» Люди мысли и слова тоже могутъ только сказать: «Помогите же, спасите человѣка отъ когтей цивилизаціи!». Мы знаемъ, что найдутся дешевые философы изъ школяровъ, которые, услышавъ, что мы осмѣлились, въ вѣкъ Ницше и его обезьянъ изъ фельетонистовъ и трактирныхъ мыслителей, сказать слово въ пользу нравственнаго вліянія вѣры, придутъ въ негодованіе и по учебникамъ укажутъ намъ сейчасъ же на темныя страницы христіанской церкви, на инквизицію, на разныя изувѣрства, процессы о колдовствѣ и т. д. Но во всѣхъ этихъ ужасахъ проявлялась, прежде всего, преступная дерзость осуждать другихъ людей, отъ имени Бога. «Вездѣ», говоритъ Эльзенгансъ [1]), «гдѣ человѣкъ осмѣливается осуждать другихъ именемъ Бога, онъ рискуетъ сдѣлать имя божіе орудіемъ своего заблужденія. Отсюда, далѣе, слѣдуетъ, что всякое человѣческое мнѣніе, даже то, которое ссылается на Бога, можетъ и должно быть подвергаемо нестѣсненному человѣческому разбору», Въ самыя мрачныя времена злодѣяній во славу божію были глубоко религіозные люди, которыя сознавали, что злодѣяніе, прикрывающееся именемъ божіимъ, есть все таки злодѣяніе, хотя и основанное на заблужденіи. Люди всегда различали чистую вѣру въ Бога отъ фанатизма, свирѣпости.

1) Th. Elsenhans, Wesen und Entstehung des Gewissens, 1894, 306.

§ VII.

Государство и привычные нравственные мотивы личности.

Читатель сейчасъ же можетъ сказать: «Но что же можетъ сдѣлать государство для того, чтобы привычные мотивы у человѣка были нравственны? Не должно ли въ этомъ случаѣ больше дѣйствовать общество, которое своимъ мнѣніемъ, составляющимъ всюду проникающій контроль, дѣйствительно способно вліять и на внутреннюю область человѣка?» Понятно, что мы здѣсь говоримъ о томъ вліяніи государства на совѣсть людей, какое ему, въ предѣлахъ его дѣятельности, доступно. Совѣсть человѣческая, хотя не пріобрѣтается, какъ коренящаяся въ нравственной природѣ личности, способна, однако, развиваться, становиться болѣе зрячею, болѣе чуткою. Въ этомъ отношеніи можно смѣло сказать, что вообще у человѣка, болѣе развитаго, имѣется больше благопріятныхъ условій для развитія совѣсти, чѣмъ у человѣка, погрязшаго въ грубой жизни, посвященной исключительно удовлетворенію матеріальныхъ потребностей. Понятно, мы имѣемъ здѣсь въ виду правильное развитіе личности, основанное на религіозной почвѣ и имѣющее въ виду, главнымъ образомъ, нравственное просвѣщеніе. Каждый человѣкъ имѣетъ въ своей душѣ и законъ, и судъ. Только выродки да нравственные идіоты, не говоря уже о душевно-больныхъ, лишены этихъ внутреннихъ благъ. Высшая, руководящая задача государства должна состоять въ томъ, чтобы совѣсть отдѣльнаго человѣка всюду и вездѣ встрѣчала благопріятныя условія для своей жизни и питанія. Условія, необходимыя для развитія совѣсти отдѣльнаго человѣка, насколько они зависятъ отъ государства, содержатся въ слѣдующихъ началахъ, кото-

рыя государство, въ своемъ кругу дѣятельности, должно неуклонно проводить всѣми способами:

1. Государство должно содѣйствовать, не щадя средствъ, религіозно-нравственному просвѣщенію массъ и умственному ихъ развитію, насколько послѣднее составляетъ conditio sine qua non религіозно-нравственнаго просвѣщенія. Оставлять какую нибудь деревню безъ церкви и школы потому только, что населеніе слишкомъ бѣдно, чтобы ихъ построить, негосударственно. Странно даже слушать и читать разсказы о томъ, какъ иная деревня, въ теченіе десяти или болѣе лѣтъ, не въ состояніи выстроить себѣ церкви и школы, собирая грошами необходимыя суммы, а населеніе между тѣмъ живетъ въ дикомъ состояніи, на манеръ человѣкоподобныхъ обезьянъ, отъ которыхъ отличается лишь беззавѣтною, какою-то скотскою вдохновенностью въ своемъ обожаніи водки [1]). Намъ кажется, что удовлетвореніе религіозной потребности, состоящее въ построеніи храмовъ для населенія, является первою задачею государства, признающаго основою жизни религію. Государство, отдѣлившееся отъ церкви и предоставившее вѣру свободному произволу народа, имѣетъ, конечно, право сказать населенію: «религія, это дѣло вашей общественной жизни; поступайте, какъ хотите; открывайте или закрывайте церкви, это—не мое вѣдомство». Но государство, признающее свою церковь господствующею такъ говорить не можетъ и не должно. Конечно, строеніе церквей и школъ на собственныя пожертвованія, само по себѣ, оказываетъ доброе дѣйствіе на обще-

---

[1]) Пьяная женщина, обернувшись къ казенной винной лавкѣ, къ «винополіи», вдохновенно вскричала: «Прощай, красавица!». Посмотрите, съ какимъ подобострастіемъ входятъ любители въ «винополію»!

ство; никто и не доказываетъ, что необходимо погасить эту дѣятельность. Здѣсь говорится лишь о томъ, что государство, въ случаѣ надобности, должно давать средства для удовлетворенія духовной потребности народа, не дожидаясь щедротъ общества. Всякое человѣческое поселеніе, имѣющее вѣру въ Бога, должно начинать свое строительство возведеніемъ храма. Англосаксонское поселеніе всегда открывается построеніемъ церкви, школы и основаніемъ газеты. Нужно помнить, что церковь для человѣка изъ народа есть то святое мѣсто, гдѣ онъ себя чувствуетъ не вьючною скотиною, а человѣкомъ, подобнымъ всѣмъ людямъ, болѣе во внѣшней жизни счастливо поставленнымъ; то мѣсто, гдѣ онъ очищается молитвою, гдѣ онъ оставляетъ на минуту въ сторонѣ свою матеріальную жизнь, гдѣ онъ находитъ духовную пищу, утѣшеніе, озареніе совѣсти, гдѣ онъ чувствуетъ, что до Бога не такъ высоко, какъ говоритъ удручающая пословица. Возлѣ церкви должна быть школа; школа—помощница церкви: научая грамотѣ, она помогаетъ духовному просвѣщенію. Духовное просвѣщеніе и есть то обученіе, которое народъ дѣйствительно уважаетъ. Народъ понимаетъ, что знаніе полезно, но онъ также догадывается, что знаніе можно повернуть и противъ добра; вѣра же живая и простая ведетъ всегда къ добру, какъ бы жизнь ни отклоняла въ сторону.

2. Въ законодательствѣ своемъ государство должно помѣщать нравственныя правила, для освѣщенія пути людямъ. Вездѣ и всегда государство должно показывать, что дѣйствіе, хотя и благодѣтельное, но не имѣющее чистоты мотива, если и представляетъ нѣкоторую внѣшнюю цѣнность, то, конечно, не столь высокую, какъ дѣйствіе, вытекающее изъ чистаго сердца. Въ уголовномъ своемъ законодательствѣ, государство должно отдавать преимущество, при оцѣнкѣ

не столько виновности, сколько нравственной запущенности преступника, внутреннему мотиву предъ внѣшнимъ дѣйствіемъ. Но здѣсь мы должны сдѣлать оговорку. Въ обществѣ бродятъ довольно ложныя идеи насчетъ значенія мотива въ преступленіи. Эти ложныя идеи порождены главнымъ образомъ романистами, беллетристикою, о которой Хомяковъ вѣрно сказалъ, что «она нѣчто среднее между промышленною словесностью и общественною болтовнею»[1]. Преступленіе очень рѣдко совершается по благородному мотиву,—обыкновенно публика смѣшиваетъ благородство мотива съ его безкорыстностью. Месть есть безкорыстный мотивъ, но эгоистичный и благороднаго въ ней нѣтъ ничего; ревность есть безкорыстный мотивъ, но эгоистичный и благороднаго въ ней мало; честь, какъ мотивъ насилія или даже убійства, безкорыстна, но, конечно, эгоистична и благороднаго въ ней нѣтъ ничего. Благородно не то, что отвѣчаетъ извѣстному классовому или иному общественному предразсудку, а то, что основано на христіанскомъ началѣ, то, что вытекаетъ изъ чистой любви къ человѣку, къ правдѣ; то, что великодушно, а не мелко и исключительно опирается на какомъ нибудь утилитарномъ воззрѣніи. Самое высокое воззрѣніе есть христіанское. Всѣ же другія классовыя и сословныя чувства условны, утилитарны и не содержатъ въ себѣ ничего возвышеннаго. Это—лѣса, которые будутъ сброшены, когда личность поднимется на высоту нравственнаго міроотношенія. Поэтому, когда мы говоримъ, что мотивъ преступленія долженъ вліять на оцѣнку нравственной запущенности лица, то имѣемъ въ виду неизмѣнный

---

[1]) Сочиненія, т. I, стр. 365.

христіанскій масштабъ, а не условно — общественный, цѣнный и уважаемый лишь въ беллетристикѣ и на сценѣ.

Далѣе, мы говоримъ здѣсь о нравственной запущенности лица, а не о виновности его, такъ какъ виновность человѣка не можетъ быть вѣрно оцѣниваема людьми. Оцѣнка виновности лица принадлежитъ Богу и людямъ ее оцѣнивать—значитъ присваивать себѣ непосильныя и непринадлежащія задачи: «Ибо написано: Мнѣ отмщеніе, Я воздамъ, говоритъ Господь». Обезпечить общество отъ преступленія можетъ только дѣятельная администрація; судъ же только оцѣниваетъ степень нравственной запущенности преступника, если послѣдній оказался психически-здоровымъ, что бываетъ рѣдко, такъ какъ, при нравственной запущенности, едва ли и возможно полное душевное благополучіе.

3. Во всей жизни государства должны быть осуществляемы лишь нравственныя начала, но правила эти должны быть понимаемы точно, а не произвольно и условно. Ничто такъ не подрываетъ довѣрія, какъ провозглашеніе нравственныхъ началъ, когда истолкованіе ихъ при этомъ, на практикѣ, завѣдомо неправильно, что очевидно для всѣхъ. Путемъ лжетолкованія можно и самую любовь къ ближнему обратить въ человѣконенавистничество. Мы знаемъ, что именемъ Бога прикрывали вопіющія злодѣянія. Но все это совершалось въ темныя эпохи. Нынѣ никого нельзя ослѣпить блестящими лжетолкованіями: мы желаемъ, чтобы государство проводило нравственныя начала, и мы знаемъ, откуда они должны быть черпаемы и въ чемъ ихъ ясный смыслъ. Только тогда, когда государства въ Европѣ начнутъ проводить въ жизнь дѣйствительно нравственныя начала, а не искаженныя правила искусственно-придуманной государственной морали, только тогда они

выйдутъ изъ своего современнаго болѣзненнаго кризиса. Не юристы, не экономисты, не общественные и парламентскіе болтууны могутъ помочь государству выбраться изъ современнаго болота, а только церковь своею проповѣдью чистаго, неискаженнаго христіанства можетъ спасти государство. Нужно измѣнять привычные нравственные мотивы людей,—и тогда атмосфера въ обществѣ очистится. Что можно построить изъ такого матеріала, изъ такихъ людей, для которыхъ лучшая характеристика—слѣдующія потрясающія слова Апостола Павла: «И какъ они не заботились имѣть Бога въ разумѣ, то предалъ ихъ Богъ превратному уму—дѣлать непотребства, такъ что они исполнены всякой неправды, блуда, лукавства, корыстолюбія, злобы, исполнены зависти, убійства, распрей, обмана, злонравія, злорѣчивы, клеветники, богоненавистники, обидчики, самохвалы, горды, изобрѣтательны на зло, непослушны родителямъ, безразсудны, вѣроломны, нелюбовны, непримиримы, немилостивы». Въ самомъ дѣлѣ, женщины и мужчины предаются противоестественнымъ порокамъ, пьянству, и единственное, что на подобныхъ людей можетъ еще дѣйствовать, это—страхъ лишиться тѣхъ удобствъ и прелестей жизни, которыя составляютъ завѣтнѣйшее ихъ pium desiderium. Бѣдствіе еще болѣе усложняется для нынѣшняго государства тѣмъ, что современный человѣкъ вполнѣ сознаетъ свою грѣховность и считаетъ ее просто привлекательною. Въ преступленіи этотъ человѣкъ начинаетъ прославлять «наслажденіе», «дерзаніе». Заговорили стихотворцы о правахъ похоти, о сладости зла, о правѣ жить во всю ширь животныхъ инстинктовъ. То, противъ чего боролись всегда церковь и государство, люди теперь стали возводить на пьедесталъ. «Я люблю зло», громко говоритъ оскотинившійся европеецъ, говоритъ нахально, смѣло, цинично. Скотоложецъ, сознающій свое паденіе,

безъ сомнѣнія, безконечно выше поэта, рисующаго свои потѣхи съ козою въ лѣсу. Впрочемъ, чѣмъ ближе нарывъ къ тому, чтобы вскрыться, тѣмъ лучше, тѣмъ больше надеждъ на выздоровленіе. Прославленіе зла, похоти и всяческаго преступленія есть уже гной, выходящій изъ злокачественнаго нарыва нашей цивилизаціи.

§ VIII.

Государство и привычные нравственные мотивы личности.

(Продолженіе).

4. Морализованіе разныхъ профессій, основанныхъ на высокихъ началахъ, но вырождающихся въ корыстные промыслы, сильно разшатывающіе важныя нравственныя основы общества. Такое морализованіе можетъ быть производимо государствомъ только однимъ путемъ,—созданіемъ самыхъ благопріятныхъ условій для нравственной жизни этихъ профессій. Не говоря здѣсь о тѣхъ многосторонних заботахъ, которыя государство должно посвящать условіямъ жизни духовенства, которая, если дурна, наиболѣе можетъ вредить общественной нравственности, такъ какъ этого рода служеніе не есть профессія, а призваніе, мы обращаемся къ тѣмъ занятіямъ, которыя составляютъ профессіи, однако, основанныя на извѣстныхъ моральныхъ идеяхъ. Коммерція есть профессія, ей надлежитъ быть добросовѣстною и честною, но она не воплощаетъ никакой моральной идеи: она видъ промышленности. Архитекторы, инженеры, ремесленники, разные коммерческіе агенты, все это люди образованные, вносящіе въ свой трудъ и мысль, и нравственное начало, однако, ихъ занятія—промышленность, имѣющія въ виду прибыль, а не во-

площеніе моральной идеи. Но есть профессіональныя группы, воплощающія нравственныя начала: военное сословіе, чиновничество, врачебное сословіе, адвокатура, журналисты и, наконецъ, сценическіе дѣятели. Каждая изъ этихъ профессій не составляетъ промысла, направленнаго на прибыль, хотя каждая изъ нихъ должна давать средства къ жизни, безъ которыхъ немыслимо самое занятіе. Каждая изъ этихъ профессій способна къ извращенію, въ томъ смыслѣ, что она можетъ выродиться, т. е. не воплощать своего основнаго нравственнаго начала, а служитъ средствомъ для достиженія цѣлей, совсѣмъ ненравственныхъ.

Военное сословіе имѣетъ своею задачею ограждать общественную безопасность отъ враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ. Эта основная цѣль выдвигаетъ на первый планъ особую черту военнаго характера — благородство, составляющее въ нашемъ законодательствѣ просто терминъ. Основное начало военнаго сословія, защита народа отъ враговъ, можетъ выродиться въ преторіанство, портящее армію, отступившую отъ своего нравственнаго идеала. Въ другихъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ благопріятныхъ условій для развитія преторіанства, военное дѣло можетъ превратить въ тупую «службистику». Скалозубъ также нежелателенъ, какъ и преторіанецъ: оба они потемняютъ образъ воина. Война есть зло, коренное бѣдствіе человѣчества, но пока народы отдѣлены одинъ отъ другого границами и взаимною враждою, войско нужно, и посильное осуществленіе идеала воина ограждаетъ общество отъ темныхъ сторонъ военнаго типа.

Чиновничество, котораго роль въ государствѣ, съ растущимъ расширеніемъ предѣловъ дѣятельности послѣдняго, все болѣе и болѣе дѣлается важною, въ основаніи своей дѣятельности, имѣетъ нравственнымъ началомъ —

служеніе общему благу. Исторія, однако, показываетъ, что, подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ неблагопріятныхъ условій, чиновничество вырождается въ сословіе, работающее не на общее благо, а спеціально на свое, личное, и что отличительною чертою его вырожденія дѣлается карьеризмъ, т. е. успѣхъ по службѣ, достигаемый всяческими средствами, причемъ общее благо есть самое послѣднее дѣло. Между тѣмъ, нашъ законъ ставитъ чиновнику высокій идеалъ. Ст. 712. Устава о службѣ по опредѣленію отъ правительства такъ описываетъ идеалъ чиновничества: «Общія качества каждаго лица, состоящаго въ гражданской службѣ, и общія обязанности, которыя должны быть всегда зерцаломъ всѣхъ его поступковъ, суть: 1. Здравый разсудокъ. 2. Добрая воля въ отправленіи порученнаго. 3. Человѣколюбіе. 4. Вѣрность къ службѣ Его Императорскаго Величества. 5. Усердіе къ общему добру. 6. Радѣніе о должности. 7. Честность, безкорыстіе и воздержаніе отъ взятокъ. 8. Правый и равный судъ всякому состоянію. 9. Покровительство невинному и скорбящему». Какъ видитъ читатель, наше законодательство поставило чиновничеству идеальную задачу, и не мало въ нашемъ чиновничествѣ было всегда и маленькихъ, и большихъ людей, которые старались приближаться къ указанному идеалу. Русское общество, въ своихъ разсужденіяхъ, больше всего любящее общія мѣста, создало общее мѣсто и о томъ, что чиновникъ дѣла не дѣлаетъ, какъ слѣдуетъ, хотя на видъ дѣла не бѣгаетъ, и что гдѣ чиновникъ пройдетъ, тамъ трава-де не растетъ. Все это очень остроумно и очень либерально. Но вѣдь по Сенькѣ и шапка. Общество наше, повидимому, не беретъ во вниманіе, что будущее грозитъ еще болѣе многочисленнымъ чиновничествомъ, такъ какъ задачи государства все больше и больше умножаются, и что если вообще разговаривать

лучше всего при помощи «мѣстныхъ людей», то дѣлать дѣло можно только чрезъ чиновниковъ. Итакъ, нечего превращать слово «чиновникъ» въ ругательное, а необходимо создать условія, наиболѣе благопріятныя для развитія здороваго нравственнаго состоянія въ полчищахъ неизбѣжнаго чиновничества.

Общественное осмѣиваніе чиновника тѣмъ болѣе легкомысленно, что «чиновничье» положеніе есть то блаженное состояніе, къ которому у насъ стремятся всѣ партіи: и консерваторы, и либералы. Отъ проницательности Хомякова не ускользнуло легковѣсное отношеніе нашего общества и нашей печати къ чиновнику; мы у него находимъ очень поучительную страницу по этому вопросу. «Любезный другъ», пишетъ Хомяковъ въ 1846 году [1]), «я желалъ бы, чтобы наши читатели и литераторы поняли нѣсколько яснѣе смыслъ явленія, весьма замѣчательнаго въ нашей современной словесности, такого явленія, на которое уже наши журналы обратили свое поверхностное наблюденіе, говоря то за, то противъ. Это явленіе есть довольно постоянное нападеніе на чиновника и насмѣшка надъ нимъ. Едва ли не Гоголь подалъ этотъ соблазнительный примѣръ, за которымъ всѣ послѣдовали со всевозможнымъ усердіемъ. Эта ревность подражанія показываетъ разумность перваго нападенія, а пошлость подражанія показываетъ, что смыслъ нападенія непонятъ. Для того, чтобы оцѣнить это явленіе, нужно сперва понять,—что такое чиновникъ. Въ обществѣ, разумѣется, я бы повторилъ забавное опредѣленіе, сдѣланное человѣкомъ, весьма заслуженнымъ и почтенныхъ лѣтъ. На вопросъ «что такое чиновникъ?» онъ отвѣчалъ, смѣючись: «для васъ, неслужащей молодежи, чиновникъ всякій тотъ, кто служитъ (разумѣется, въ гражданской службѣ), а для меня служащаго—тотъ, кто ниже меня

[1]) Сочиненія, Т. I, стр. 62.

чиномъ». Но въ дѣльной бесѣдѣ съ тобою я поищу начала для опредѣленія, которое было бы построже и пополнѣе. Во-первыхъ, это слово въ своемъ литературномъ значеніи принадлежитъ болѣе къ языку права и закона; во-вторыхъ, ты можешь замѣтить, что оно никогда не относится къ нѣкоторымъ должностямъ, повидимому, входящимъ въ тотъ же служебный кругъ, ни къ посреднику, ни къ предводителю, ни къ городскому головѣ, ни къ попечителю училищъ, ни къ профессору, ни къ совѣстному судьѣ; что оно вообще болѣе относится къ инымъ разрядамъ, чѣмъ къ другимъ, и всегда болѣе къ вещественнымъ формамъ, чѣмъ къ тѣмъ, въ которыхъ выражается умственное или нравственное направленіе». Далѣе Хомяковъ говоритъ, что особый смыслъ слова «чиновникъ» вовсе не касается службы вообще, составляющей необходимое условіе гражданской жизни, а особаго отношенія чиновника къ просвѣщенному обществу и къ народной жизни. Гоголь, по словамъ Хомякова, «художникъ, созданный жизнію», имѣлъ полное право «понять и воплотить мертвенность этого лица (т. е. чиновника) въ неподражаемые образы Дмухановскаго и другихъ, которые, въ его повѣстяхъ или комедіяхъ, являются съ такою печатью поэтической истины». Но это право, по словамъ Хомякова, нисколько не принадлежало подражателямъ Гоголя—литераторамъ и писателямъ, созданнымъ или воспитаннымъ чужеземною образованностью. «Мертвенность человѣка», заключаетъ Хомяковъ, «черта разительная и достойная комедіи, даетъ жизни право насмѣшки и осужденія надъ нимъ, но она не даетъ этого права нашему просвѣщенію, которое само въ себѣ собственной жизни еще не имѣетъ. Общество не должно бы смѣяться ни надъ орудіемъ, которое оно само создаетъ, ни надъ путемъ, по которому человѣкъ въ него вступаетъ, ни надъ тѣмъ, такъ сказать, химическимъ процессомъ, посред-

ствомъ котораго лицо, нѣкогда принадлежавшее жизни, перегоняется въ безцвѣтный призракъ просвѣщеннаго человѣка». Мысль Хомякова совершенно ясна и, въ сущности, совпадаетъ съ тѣмъ основнымъ началомъ, которое нами высказано было въ началѣ нашего разсужденія о чиновничествѣ: его основнымъ, движущимъ побужденіемъ должно бы быть служеніе общему благу,—въ этомъ этическое основаніе этой большой группы людей. Исходя изъ этого основнаго начала, государство должно такъ обставить чиновничество, чтобы дѣятельность чиновника, дѣйствительно направленная и согрѣтая любовью къ человѣку и къ общему благу, была полезна людямъ, а не вредна.

§ IX.

Государство и привычные нравственные мотивы личности.

(Продолженіе).

Перехожу къ медицинскому сословію. Если бы дѣло шло о статистикѣ медицинской благотворительности, т. е. безмездной работы медиковъ на пользу бѣдныхъ, я думаю, медикамъ пришлось бы выдать одну изъ первыхъ премій, если бы таковыя были предназначены за добро. Но если бы пришлось при этомъ оцѣнивать привычные нравственные мотивы медиковъ, то имъ, пожалуй, не пришлось бы и совсѣмъ получить преміи: при этомъ, конечно, имѣется въ виду весь классъ медиковъ Западной Европы [1]), а не

[1]) Все, что здѣсь и дальше говорится о медикахъ, касается западно-европейскаго практическаго врача. Нашъ еще не дошелъ, а, можетъ быть, никогда вполнѣ и не дойдетъ до «высокой культуры» западно-европейскаго врачебнаго сословія. Чтобы понять глубокую разницу между нашимъ врачомъ и западнымъ, нужно поболѣть и полѣчиться за границею. Но, конечно, и нашъ врачъ будетъ доходить до «европейскаго» идеала, современемъ приблизится къ «западному

блестящія исключенія. Условія, при которыхъ происходитъ борьба врача за матеріальное существованіе, самый способъ вознагражденія его, наклонность даже состоятельной публики пользоваться даровымъ трудомъ, матеріалистичность медицинкаго міровоззрѣнія, неизбѣжный процессъ притупленія, въ медикѣ, чувства состраданія, вслѣдствіе постояннаго присутствованія при болѣзняхъ и смерти, вырабатываютъ постепенно изъ «доктора» человѣка черстваго, даже жестокаго. Все его міросозерцаніе сводится постепенно къ формулѣ: «болѣзни въ рѣдкихъ случаяхъ можно помочь лѣкарствами, а за трудъ, за визитъ пожалуйте деньги,—я не виноватъ, что вы болѣете, я самъ человѣкъ, мнѣ нужно пить, ѣсть и отдыхать, какъ и всякому». Конечно, здѣсь, повторяю, идетъ рѣчь объ обыденномъ, сѣромъ врачѣ,—врачебное сословіе во всѣ времена представляло образцовыхъ людей, по человѣколюбію и высокой самоотверженной любви къ страждущему человѣчеству. Понятно, что сѣрому медику или же и не сѣрому, но если онъ необычайно жаденъ,—а жадность встрѣчается у свѣтилъ гораздо чаще—больной начинаетъ представляться просто предметомъ обложенія, а самъ медикъ себѣ начинаетъ казаться матеріаломъ, который дробится ежедневно на извѣстное число визитовъ. И вотъ медикъ, съ теченіемъ времени, перестаетъ быть человѣкомъ, превращается просто въ визитъ. Господинъ Визитъ ѣздитъ, по цѣлымъ днямъ, по больнымъ, и начинаетъ онъ больше

товарищу», если своевременно у насъ не обратятъ вниманіе на нравственное состояніе врачебнаго сословія и соотвѣтствующими мѣрами не избавятъ зауряднаго врача отъ невыносимой борьбы за кусокъ хлѣба и не обуздаютъ, въ университетахъ, промысловой дѣятельности медиковъ—профессоровъ, дающихъ тонъ врачебному сословію и часто не соблюдающихъ необходимой мѣры въ беззавѣтной любви къ деньгамъ. Краса нашего врачебнаго сословія—земскій врачъ, этотъ самоотверженный другъ бѣдныхъ, истинный герой.

всего любить больныхъ, болѣющихъ и умирающихъ, такъ сказать, спокойно, правильно, безъ непонятныхъ прыжковъ въ самой болѣзни, тихо, нешумно, безъ подрыванія докторскаго авторитета, по уплатѣ повизитныхъ денегъ своевременно. Господинъ Визитъ такъ увлекается своимъ промысломъ, что уже вполнѣ искренно возмущается, если больной думаетъ больше о своей болѣзни, чѣмъ о всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ промысловаго этикета врачебнаго визита. Собственно и умирать умѣетъ «порядочный больной» во-время. «Только что я собрался въ театръ», разсказывалъ плаксиво ординаторъ клиники, «а онъ, скотина, началъ помирать,—не могъ подождать, пока возвратился бы изъ театра!» Въ этой полушуткѣ, полужалобѣ много содержанія. И господинъ Визитъ совсѣмъ превратился бы въ дикаря, въ циника, если бы его не спасало одно обстоятельство, впрочемъ, совершенно независящее отъ его воли. Человѣческое страданіе, картины горя и самая смерть не даютъ совершенно заглохнуть человѣческому чувству въ господинѣ Визитѣ. Какъ онъ ни корыстенъ, какъ онъ ни жаденъ, какъ онъ ни притупленъ привычкою къ зрѣлищамъ горя, отчаянія и страданія, но и въ немъ выдающіеся случаи заставляютъ шевельнуться чувство жалости. И это его спасаетъ отъ окончательнаго паденія. Обычная безжалостность господина Визита сильно омрачаетъ жизнь людей и сильно подрываетъ вѣру въ человѣческое сердце, въ силу нравственныхъ началъ, въ доброе вліяніе науки и внушаетъ даже какой-то ужасъ при мысли, что безсердечному доктору отдается почти въ безконтрольное распоряженіе здоровье и даже самая жизнь. Но и люди, какъ бы въ отместку, поступаютъ съ врачемъ жестоко. Они совершенно забываютъ, что и онъ человѣкъ, что и онъ болѣетъ, что и онъ нуждается въ отдыхѣ, въ обезпеченіи на старости и въ болѣзни. Поставьте врача въ нормальныя условія, обезпечьте его,

пусть онъ не дрожитъ за будущее и старость, и онъ станетъ лучше. Вѣдь нужно помнить, что онъ всю жизнь проводитъ дѣйствительно на полѣ брани: онъ всегда можетъ заразиться, его жизни грозятъ всевозможнѣйшія опасности. Въ нашей общественной болтовнѣ и прессѣ, восхваляя покойника, занимавшагося, положимъ, цѣлую жизнь жраньемъ во всѣхъ видахъ и словоизверженіемъ въ думѣ, или писаніемъ отписокъ въ департаментѣ, принято говорить о немъ, какъ объ «умершемъ на посту, подобно солдату». Какая пошлая фраза! Но о врачѣ можно то сказать безъ преувеличенія: онъ умираетъ въ рукопашной съ тифомъ, дифтеритомъ и т. п. врагами рода человѣческаго. Онъ, дѣйствительно, говоря безъ фразъ, проводитъ всю жизнь подъ пулями, въ огнѣ. Онъ, по истинѣ, воинъ и заслуживаетъ лучшей постановки въ обществѣ. Было бы съ нашей стороны слишкомъ смѣло предлагать здѣсь рядъ мѣръ для повышенія нравственнаго, и притомъ внутренне-нравственнаго, состоянія врачебнаго сословія. Скажемъ только, что, по всей справедливости, можно признать, что если въ современномъ состояніи врачей замѣчаются черты нравственной притупленности, то въ этомъ виноватъ, главнымъ образомъ, эгоизмъ общества, мало вникающаго въ потребности врача, какъ человѣка. Обезпечьте его на случай болѣзни, немощности и старости, обезпечьте пенсіею его семью такъ, какъ слѣдуетъ обезпечить семью воина, павшаго на полѣ сраженія, и вы получите такихъ врачей, какихъ желаете. Врачебное сословіе не можетъ портиться отъ внутренняго застоя, а лишь отъ внѣшнихъ условій. Внутренняго загниванія тамъ не можетъ быть: дѣло врача слишкомъ высокое само по себѣ, христіанское по своему существу, и эта возвышенность цѣли есть тотъ именно родникъ живой воды, который никогда не дастъ совершенно испортиться нравственности врачебнаго сословія. Если мы критикуемъ врачей, то это происхо-

дитъ оттого, что мы вѣдь предъявляемъ къ нимъ почти идеальныя требованія. Мы весьма далеки отъ сравненія даже худшихъ круговъ врачебнаго сословія съ какими-нибудь общественными группами людей, получающихъ сотни тысячъ и милліоны за занятія, хотя пока и необходимыя, но не вызывающія ни сочувствія, ни уваженія. Эти люди живутъ во всю ширину своихъ гастрономическихъ и другихъ чувственныхъ похотѣній, отравляя нравственную атмосферу общества своимъ, по истинѣ, тлетворнымъ дыханіемъ. Врачебное сословіе, въ Европѣ, даже въ современномъ своемъ, далеко несовершенномъ видѣ, есть все же гордость нынѣшняго общества, небогатаго примѣрами даже минимальной любви къ ближнему. Все же тяжелая жизнь врача проходитъ въ помощи ближнему, и притомъ помощи дѣйствительной, безусловно необходимой. Кому много дано, отъ того много и требуется. И если у насъ встрѣчаются критическія замѣчанія о сословіи врачей, то это не столько упреки, сколько pia desideria, вслѣдствіе глубокаго уваженія къ высокому званію врача. Вліяніе врача на общество слишкомъ велико и многосторонне, чтобы не заботиться о морализованіи привычныхъ мотивовъ дѣятельности «докторовъ».

§ X.

Государство и привычные нравственные мотивы личности.

(Продолженіе).

Обращаясь къ адвокатскому сословію, приходится признать, что его благотворное или дурное вліяніе на нравственность отдѣльнаго человѣка и цѣлаго общества можетъ быть очень значительно. Эта профессія, безчисленными нитями связанная съ дѣйствительною жизнью, по самому своему назначенію, такъ сказать, впутывается во

всѣ самыя сокровенныя дѣла истолкновенія людей. Она можетъ умиротворять и можетъ, напротивъ, разжигать страсти людей, доводя эти страсти до высокаго каленія. Адвокатъ можетъ быть и ангеломъ, и діаволомъ. И всеобщая исторія адвокатуры показываетъ, что адвокатъ въ жизни встрѣчаетъ больше соблазновъ для роли діавола. Стоя главнѣйшимъ образомъ на стражѣ частнаго интереса, адвокатъ, въ исторіи, немало оказалъ услугъ въ борьбѣ съ произволомъ за законность, неприкосновенность и самостоятельность частнаго интереса въ государствѣ, вообще наклонномъ давать слишкомъ преобладающее значеніе публичному интересу. Заслуги адвокатскаго сословія въ правовой жизни очень велики: audiatur et altera pars—вотъ тотъ великій девизъ, которому служитъ адвокатура. Кто вникнетъ поглубже во все многостороннее и неисчерпаемое значеніе этого золотого правила: audiatur et altera pars (да выслушана будетъ и другая сторона), кто вспомнитъ, какъ сила, всѣмъ управляющая въ исторіи, хотя бы она была и умственная, всегда противилась этому «audiatur et altera pars», тотъ пойметъ, до какой степени важна была всемірно-историческая роль адвокатскаго сословія. «Воинъ права» (legis miles) боролся за самыя цѣнныя права личности. Исполняя эту задачу, онъ долженъ былъ разрабатывать вопросы о справедливости, притомъ о справедливости не въ эмпиреяхъ, а въ жизни, въ отдѣльномъ случаѣ, вопросы о виновности не вообще, а въ отдѣльномъ случаѣ. Онъ вообще грудью своею отстаивалъ особенности отдѣльнаго случая противъ всеуравнивающей, законодательной средней нормы справеливости и виновности. Вѣчный, никогда несмолкающій голосъ дѣйствительной жизни противъ мертвой мѣры права,—вотъ что составляетъ самое цѣнное въ исторической роли адвокатуры. Сюда присо-

единяются ея заслуги въ борьбѣ противъ беззаконія, противъ человѣка сильнаго и богатаго, заслуги въ покровительствѣ угнетенному, униженному, затоптанному.

Но чѣмъ больше, подъ вліяніемъ повышающагося уровня личной или общественной нравственности, очищается отъ произвола и притѣсненій жизнь людей, тѣмъ больше тускнѣетъ роль адвокатуры. Чѣмъ больше законодательство проникается свѣтомъ христіанства, слѣдовательно—братолюбіемъ и справедливостью, обращающею вниманіе на всѣ особенности отдѣльнаго случая, тѣмъ больше мельчаетъ дѣятельность адвокатуры. Вообще, чѣмъ болѣе, подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ причинъ, естественно или искусственно, дѣлается незначительною общественная роль адвокатуры, тѣмъ больше она обращается въ промыселъ, умственно и нравственно оскудѣваетъ и предается всецѣло дѣлу наживы. Тогда все, что было когда-то благомъ, обращается въ свою противоположность,—въ зло, и то, что когда-то украшало адвокатуру, обращается въ орудіе обмана и растлѣнія. Тогда на аренѣ общественной является, вмѣсто «воина права», господинъ Аргументъ, родной братецъ господина Визита, и вся его дѣятельность превращается въ истинное наказаніе для общества. Господинъ Аргументъ запутываетъ простыя правовыя понятія народа, затемняетъ ясныя велѣнія нравственности. Теряя постепенно, подъ вліяніемъ непрерывной, чувствительной и краснорѣчивой болтовни, безъ убѣжденія, на какую угодно тему, моральное чувство, онъ расшатываетъ его и въ обществѣ, подрываетъ уваженіе, довѣріе къ справедливости. Господинъ Аргументъ превращается въ обманщика, лжеца, стяжателя и развратителя народа. Господинъ Аргументъ вырабатываетъ себѣ самый пошлый и плоскій родъ краснорѣчія, безъ истиннаго содержанія и безъ правдиваго вдохновенія: у него, какъ у плакальщицъ и куплетистовъ, всегда есть готовыя фразы для

изверженія на всякій случай. Въ обществѣ образованномъ такое краснорѣчіе, какъ пошлость, немыслимо, но слушатели адвоката—всякій сбродъ съ весьма небольшимъ процентомъ истинно развитыхъ людей. То, что въ аудиторіи было бы нелѣпо, смѣшно и вызвало бы неудержимый хохотъ, въ залѣ судебномъ производитъ «потрясающее» впечатлѣніе. Посидите на послѣднихъ скамейкахъ въ судѣ, и вы на какомъ-нибудь самомъ пошломъ мѣстѣ рѣчи услышите слова шопотомъ: «Здорово урѣзалъ!». А между тѣмъ адвокатъ, «здорово урѣзывающій», часто развиваетъ предъ публикою и судомъ вполнѣ непотребныя мысли, положительно идущія противъ добрыхъ нравовъ. И, въ теченіе многихъ лѣтъ, эти непотребныя мысли дѣлаютъ свое дѣло, помогаютъ въ расшатываніи здравыхъ нравственныхъ понятій умственно-несамостоятельныхъ слоевъ общества. Мы сказали: «помогаютъ въ расшатываніи» здравыхъ нравственныхъ понятій, потому-что есть у насъ силы, болѣе значительныя въ этомъ дѣлѣ расшатыванія. Адвокатская дѣятельность, сама по себѣ, въ моральномъ отношеніи, страшная, наклонная плоскость для слабыхъ натуръ. Прибавьте къ этому конкуренцію, нужду, отсутствіе широкаго умственнаго развитія въ большой массѣ адвокатовъ, въ Европѣ, и вы поймете, какъ совершается приниженіе идеаловъ въ адвокатурѣ. «Ловкость» является главнымъ достоинствомъ адвоката. «Ловокъ, уменъ, оборотистъ»—вотъ высокія качества господина Аргумента въ ремесленной части адвокатскаго сословія. Законодательство должно принять цѣлый рядъ систематическихъ мѣръ для того, чтобы дѣятельность адвоката была морализующею въ обществѣ, а не идущею противъ здороваго, нравственнаго развитія. Уничтожьте промышленную конкуренцію, и «ловкій, умный, оборотистый» господинъ Аргументъ уйдетъ

изъ адвокатуры на биржу, въ страховое, комиссіонное, ростовщичье или биржевое дѣло. Измѣните современное уголовное правосудіе и замѣните его государственною опекою надъ людьми, неспособными жить самостоятельно въ обществѣ—предоставьте вопросъ о внутренней человѣческой виновности Богу, а людямъ отдайте сужденіе о пригодности преступника для безвреднаго общественнаго сожительства, и вы вытравите въ судѣ все плаксивое ораторство о виновности и невиновности и всю жалкую «психологію», преподносимую ораторами суду и публикѣ, суду—въ скуку, публикѣ—во вредъ.

Мы, понятно, не можемъ здѣсь войти въ слишкомъ подробное рассмотрѣніе вопроса объ улучшеніи адвокатуры въ Европѣ. Но мы не можемъ не прибавить, что растлѣвающее вліяніе адвокатуры на привычные нравственные мотивы людей, конечно, можетъ быть особенно сильно тамъ, гдѣ общая нравственная шаткость есть результатъ глубокихъ историческихъ причинъ. Въ обществѣ съ твердыми нравственными устоями адвокатура находится подъ могучимъ контролемъ общественнаго мнѣнія и прессы: тамъ она не можетъ очень сильно вредить. Но гдѣ нѣтъ еще общественнаго мнѣнія, гдѣ нѣтъ воспитанной прессы, гдѣ роль церковной проповѣди еще слаба, тамъ нужно постоянно думать о мѣрахъ, которыми можно морализовать адвоката и въ его проповѣди, и въ его дѣяніяхъ. У насъ, въ Россіи, гдѣ врачъ и адвокатъ еще не успѣли такъ выродиться, какъ на западѣ Европы, есть еще время для правильной постановки этихъ профессій. Нашъ медикъ, особенно захолустный, еще человѣкъ съ сердцемъ, хотя нерѣдко и съ заснувшимъ умомъ; нашъ адвокатъ, даже ремесленный, далеко еще не потерялъ вѣры въ идеалы добра. Такихъ людей еще можно направить на путь, полезный для общества. Нашъ ремесленный адвокатъ не

столько поражаетъ «аморальностью» своего западнаго собрата, истиннаго проститута слова, мысли и чувства, сколько умственною незрѣлостью своихъ сужденій въ рѣчахъ, обращаемыхъ часто къ мало-образованнымъ присяжнымъ, нуждающимся въ указаніяхъ обдуманныхъ и твердыхъ. Какой, напримѣръ, нуженъ запасъ, характернаго для русской «интеллигенціи», умственнаго школярства, чтобы въ судѣ присяжныхъ высказать слѣдующія мысли: «Между Раскольниковымъ и Порозовымъ нѣтъ ничего общаго. Вспомните, что у Раскольникова былъ опредѣленный мотивъ для совершенія преступленія. Не грабежъ, конечно, былъ мотивомъ этимъ: Раскольниковъ и не пользовался деньгами старухи. Тутъ былъ болѣе возвышенный мотивъ: убійствомъ Раскольниковъ хотѣлъ себѣ доказать, что онъ «не кто-нибудь, что онъ Наполеонъ». Онъ такъ и ставитъ вопросъ: «вѣдь Наполеонъ переступилъ бы», значитъ и онъ, Раскольниковъ, можетъ переступить. И онъ дѣйствительно переступаетъ» [1]. Присяжные въ самомъ дѣлѣ могли вынести впечатлѣніе, что мотивъ Раскольникова былъ изъ возвышенныхъ. Даже въ судѣ, у насъ, начинаютъ заводить эту особую умственную атмосферу нашей интеллигенціи, характеризующуюся, прежде всего, какимъ то легкомысленнымъ отношеніемъ къ убійству,—точно судимое убійство совершилось на сценѣ или произошло въ «талантливомъ разсказѣ»! Какъ дѣти смѣшиваютъ сны свои съ дѣйствительностью, такъ наши «интеллигенты», въ своихъ разсужденіяхъ, постоянно смѣшиваютъ дѣйствительность съ беллетристическими выдумками. Да это и удобнѣе: жизнь дѣйствительная разностороння, не легко поддается одностороннему учету, беллетристика же—все-таки не больше, какъ выдумка, болѣе или менѣе талантливая, на какую-нибудь тему.

---

[1]) „Судебное Обозрѣніе", 1903, № 39, стр 717.

§ XI.

Государство и привычные нравственные мотивы личности.

(Окончаніе).

Пресса и сцена оказываютъ очень большое вліяніе на умственныя и нравственныя настроенія общества. Сколько совершается дѣяній, подъ вліяніемъ прочитаннаго газетнаго листка или театральной пьесы, объ этомъ можно только догадываться. Распространяя, для лучшаго сбыта своихъ листковъ, производящія большое впечатлѣніе описанія убійствъ, пресса заражаетъ и, быть можетъ, невольно подстрекаетъ иного къ убійству и описаніемъ самаго злодѣянія, и сообщеніемъ о какомъ-нибудь новомъ, ловкомъ способѣ сокрытія преступленія. Удивляться нужно тому тупому равнодушію, съ какимъ газетный ремесленникъ печатаетъ вещи, явно вредныя для общественной безопасности, — точно гражданскіе интересы ему совсѣмъ чужды, точно онъ и его близкіе не могутъ подвергаться опасности, не могутъ быть ограблены, убиты и т. д.

Значеніе сцены огромно: она выпукло изображаетъ событія и, какъ близкое воспроизведеніе жизни, не можетъ остаться безъ серьезнаго вліянія на людей, особенно молодыхъ, въ тѣ критическіе моменты жизни, когда юный человѣкъ, проходя чрезъ свой періодъ любовныхъ приключеній, наклоненъ къ красивому, героическому рѣшенію вопросовъ. Вѣдь есть художественныя натуры, которыя, предъ собою и предъ цѣлымъ свѣтомъ, играютъ любимую свою роль въ жизни, сами не сознавая, что они лгутъ и позируютъ. Кромѣ того, вызывая праздное и поверхностное проявленіе извѣстныхъ чувствъ у зрителей, театръ тѣмъ постоянно разряжаетъ и такимъ способомъ ослабляетъ самыя эти чувства. Слезы, проливаемыя въ театрѣ, не имѣютъ никакой нравственной цѣны. Это—слезы художественныя,

выдавливаемыя трогательно-красивыми (по взгляду публики) и, производящими сильное впечатлѣніе, сценами. Театръ питаетъ болѣзненную и слезливую чувствительность, а не здоровыя чувства. Можно быть въ дѣйствительности очень дурнымъ, жесткимъ и холоднымъ человѣкомъ и все-таки прослезиться въ театрѣ. Можно относиться совершенно безучастно къ истинному горю, къ настоящей бѣдности и все-таки «захватываться» какимъ-нибудь «художественнымъ» нищимъ или «художественнымъ» горемъ. Современный театръ представляетъ, по существу, праздное времяпрепровожденіе въ слушаніи любовныхъ исторій, вызывающихъ то смѣхъ, то слезы, и, въ этомъ отношеніи, онъ, конечно, забава, а не замѣна житейскаго опыта, забава, развивающая лѣнь. Отъ нея, конечно, нельзя ждать никакой нравственной пользы. Большія историческія пьесы съ опредѣленными, выпуклыми, великими характерами, пожалуй, гораздо полезнѣе для той полуобразованной публики, которая ищетъ свѣта со сцены. Онѣ даютъ фактическія свѣдѣнія, разныя историческія сентенціи и художественное развлеченіе, а главное — не бередятъ безцѣльно чувствительности. Изображеніе же современной жизни, если и можетъ быть въ иныхъ случаяхъ полезно для публики, за то способно также приносить и большой вредъ. Жизнь на сценѣ все-таки всегда изображается односторонне, большею частью фальшиво, тенденціозно и слишкомъ эффектно.. Зрѣлище такой жизни порождаетъ невѣрныя идеи, ложныя чувства и неизбѣжно вызываетъ позировку. Пожалуй, можно согласиться съ директоромъ театра въ гетевскомъ «Фаустѣ», смотрящимъ на сцену, какъ на забаву, и говорящимъ [1]): «Пользуйтесь большимъ и малымъ небеснымъ свѣтомъ, разсыпайте побольше небесныхъ звѣздъ; нѣтъ у насъ недо-

---

[1]) Faust, Vorspiel auf dem Theater.

статка и въ водахъ, огнѣ, скалахъ, животныхъ, птицахъ; словомъ,—изобразите въ балаганѣ полный кругъ творенія и пробѣгайте обдуманнымъ шагомъ съ неба, чрезъ міръ, въ самый адъ». «Дѣлайте все это, развлекайте, но не углубляйтесь ни въ психологію, ни въ мораль», добавимъ мы: не нужно слишкомъ приближать сцену къ жизни. Сцену нужно держать на извѣстной, пожалуй, даже искусственной высотѣ. Реализмъ, доводящій сцену до сходства съ жизнью, можетъ быть только вреденъ. Реализмъ этотъ долженъ оставаться на степени идеальной и не долженъ доходить до фотографированія дѣйствительности. Все на сценѣ должно быть красивѣе, величественнѣе и идеальнѣе, чѣмъ въ жизни. Удовольствіе, доставляемое сценою, должно быть чисто-эстетическое: не слезливость, а художественное волненіе должно быть вызываемо сценическимъ изображеніемъ. Не нужно очень приближать сцену къ жизни: отъ этого сцена дѣлается слишкомъ похожею на жизнь, а жизнь—на сцену. Жизнь должна быть отдѣлена отъ сцены строгою линіею. Жизнь—вещь серьезная, и люди должны изучать ее въ дѣйствительности, а не въ искусственномъ и, слѣдовательно, ложномъ видѣ. Высокая трагедія, не вызывающая чувствительности и изображающая событія важныя, а не ежедневныя, будничныя, или очень веселый, изящный водевиль, забавляющій людей и вызывающій беззаботный смѣхъ,—вотъ что будетъ и полезно, и здорово. Не превращайте театра въ то, чѣмъ онъ не можетъ быть: въ какую-то каѳедру для рѣшенія психологическихъ и нравственныхъ вопросовъ. Предоставьте психологію каѳедрѣ, а нравственность проповѣди, театръ же пусть будетъ мѣстомъ развитія, исключительно эстетическаго. Пусть сцена даетъ чудныя декораціи, красивыя историческія картины, феерія или же остроумные водевили, вызывающіе улыбку, смѣхъ у озабоченныхъ

и угнетенныхъ людей. Чѣмъ меньше сцена будетъ вліять на привычные мотивы человѣческихъ дѣйствій, чѣмъ меньше она будетъ вліять на жизнь, тѣмъ лучше. Привычные мотивы человѣческихъ дѣйствій должны получаться или изъ воспитанія религіозно-нравственнаго, или изъ уроковъ, даваемыхъ дѣйствительною жизнью. Каждый беретъ въ театрѣ то, что ему нравится: одному можетъ понравиться Отелло, другому—Яго. Добавимъ, что иногда, впрочемъ, въ рѣдкихъ случаяхъ, изображеніе современной жизни, такъ-называемая комедія можетъ также быть небезполезна. Нѣкоторую, преувеличенную, впрочемъ, прессою, пользу принесли у насъ пьесы Гоголя, Грибоѣдова, Островскаго. Но вѣдь эти пьесы—капля въ морѣ фальшивыхъ комедій, нравственная проповѣдь которыхъ весьма невысокаго достоинства. Въ послѣдніе годы сцена превращается постепенно въ мѣсто обсужденія, въ лицедѣйствіи, вопросовъ жизни, такъ-называемыхъ злободневныхъ вопросовъ. Театральная цензура должна быть очень разборчива въ допущеніи такихъ пьесъ. Во всякомъ случаѣ, по своимъ идеямъ и вкусамъ, цензура театральная, удержанная во всей Европѣ, какъ учрежденіе необходимое, должна стоять выше публики.

§ XII.

Государство и умственное образованіе личности.

Отношеніе государства къ умственному образованію опредѣляется у Хомякова ясно и рѣшительно великимъ началомъ свободы научнаго преподаванія, свободою науки. «То, что называемъ мы общимъ духомъ школы», говоритъ Хомяковъ [1]), «признаю-

[1]) Сочиненія, т. I, стр. 357.

щей надъ собою высшій судъ закона христіанскаго, не только не противно нѣкоторой свободѣ въ преподаваніи наукъ, но еще требуетъ этой свободы. Всякая наука должна выговаривать свои современные выводы прямо и открыто, безъ унизительной лжи, безъ смѣшныхъ натяжекъ, безъ умалчиванія, которое слишкомъ легко можетъ быть обличено. Нѣтъ сомнѣнія, что показанія нѣкоторыхъ наукъ положительныхъ, какъ геологія, фактическихъ, какъ исторія, или умозрительныхъ, какъ философія, кажутся не вполнѣ согласными съ историческими показаніями Священнаго Писанія или съ его догматическою системою. То же самое было и съ другими науками, и иначе быть не могло». «Сомнѣнія и кажущіяся несогласія должны являться; но только смѣлымъ допущеніемъ ихъ и вызовомъ наукъ къ дальнѣйшему развитію можетъ Вѣра показать свою твердость и непоколебимость. Заставляя другія науки лгать или молчать, она подрываетъ не ихъ авторитетъ, а свой собственный. Въ системѣ инквизиціи религіозной вредны не столько ея жестокости, сколько робость и безвѣріе, которыя въ ней скрываются. Многое, что считалось противнымъ Закону Божію, теперь допущено и безвредно. Папское богословіе запрещало землѣ вертѣться, а мы все повторяемъ за Галилеемъ: e pur si muove (а все-таки она вертится) и знаемъ, что движеніе планетъ не уничтожаетъ Священнаго Писанія; но нелѣпый приговоръ духовныхъ судей былъ повторяемъ нерѣдко невѣрующими прошлаго и нынѣшняго столѣтія, какъ укоръ христіанству, и нерѣдко увлекалъ слабые умы къ безвѣрію». Но въ чемъ внутреннее основаніе для допущенія свободы науки, если ея выводы иногда противорѣчатъ Священному Писанію? На это Хомяковъ даетъ вполнѣ удовлетворительный, вполнѣ разумный отвѣтъ: «Науки не совер-

шили круга своего, и мы еще далеко не достигли до' ихъ окончательныхъ выводовъ. Точно также не достигли мы и полнаго разумѣнія Св. Писанія». Это положеніе такъ глубоко, что всѣ возможныя сомнѣнія устраняются. Постепенное развитіе наукъ, даже въ сравнительно короткій промежутокъ времени, пережитый съ того времени, какъ писана была цитируемая нами статья Хомякова, убѣждаетъ во всей глубинѣ истины, положенной въ только что изложенномъ нами основномъ правилѣ Хомякова, дающемъ твердую основу для свободы науки, даже если бы выводы ея, по нашему пониманію въ данную минуту, и противорѣчили Св. Писанію. Строго говоря, противорѣчатъ другъ другу, въ такихъ случаяхъ, не наука и Св. Писаніе, а наше пониманіе Св. Писанія и современные наши выводы, называемые нами наукою. Далѣе Хомяковъ высказываетъ геніальное положеніе, которое слѣдовало бы начертать золотыми буквами въ каждой аудиторіи, гдѣ занимаются научными изслѣдованіями: «Опасна не свобода наукъ; она необходима столько же для ихъ успѣха, сколько для достоинства вѣры; а опасно нѣмецкое суевѣріе въ непреложность наукъ на каждомъ шагу ихъ развитія». Если бы славянофильство, творцомъ котораго является Хомяковъ, ничего не дало, кромѣ великаго ученія о благотворности свободы науки для вѣры; если бы оно ничего не создало, кромѣ глубокаго обоснованія научной свободы, то и тогда мы имѣли бы полное право сказать, что Хомяковъ оказалъ великую услугу своей родинѣ. Только тотъ, кто знаетъ, какъ необходима свобода для научныхъ изслѣдованій, кто понялъ, что вѣра безъ свободы есть гнетъ, кто сознаетъ, что право сомнѣваться есть воздухъ, безъ котораго чело-

вѣческій умъ задыхается, только тотъ оцѣнитъ, какое великое дѣяніе совершилъ Хомяковъ, водрузивъ знамя свободы науки на ряду съ крестомъ православной церкви. Гдѣ ограниченному уму представляется спасительною тьма, тамъ уму великому представляется свѣтъ единственнымъ спасеніемъ.

§ XIII.

Государство и умственное образованіе личности.

(Продолженіе).

Установивъ принципъ свободы науки, указавъ, что опасна не свобода науки, а суевѣріе въ непреложности ея, Хомяковъ продолжаетъ: «Это суевѣріе, вредное для наукъ и еще вреднѣйшее для религіи, должно быть устранено изъ преподаванія. Но какъ устранить ошибку, къ которой склонны преподаватели по своему ремеслу, а ученики по молодости, довѣрчивости и по самой любви къ наукѣ?» На этотъ вопросъ Хомяковъ даетъ, по нашему мнѣнію, блестящій отвѣтъ: «Средство просто», говоритъ онъ, «семейство и общество должны имѣть свободный доступъ въ училища, особенно высшія. Суевѣріе къ наукѣ и безвѣріе въ религіи не распространятся и не устоятъ предъ надзоромъ общества вѣрующаго (ибо таково еще большинство), общества, уже знакомаго съ наукою и для котораго она не имѣетъ ни соблазна новизны, какъ для учениковъ, ни соблазна ремесленности, какъ для преподавателей». Допущеніе семейства и общества въ гимназію, конечно, должно быть обставлено извѣстными ограничительными правилами, которыя оградили бы въ гимназіи спокойное теченіе школьнаго обученія. Здѣсь допущеніе семейства

и общества можетъ быть полезно лишь въ извѣстномъ размѣрѣ, не мѣшающемъ ни скромному ходу преподаванія, ни его авторитетности въ глазахъ учениковъ. Но въ университетѣ допущеніе семейства и общества должно быть разрѣшено въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. На ряду съ преподаваніемъ, въ университетѣ непремѣнно образуется извѣстная своя нравственная, я бы сказалъ, соціально—нравственная атмосфера. Невозможно отрѣшить университетъ отъ злобы дня. Скопленныя массы молодежи въ университетѣ, одушевленныя стремленіемъ познать истину, не могутъ быть заперты въ учебные терема, и молодежь всегда и вездѣ будетъ отзываться на шумъ, доносящійся съ улицы. Понятно, что соціально-нравственная атмосфера, образующаяся въ университетѣ, подъ вліяніемъ теоретическаго содержанія и самой науки, и незнакомства съ жизнью со стороны преподавателей и учениковъ, можетъ принимать, и дѣйствительно часто принимаетъ, если не прямо утопическій характеръ, то, во всякомъ случаѣ, безусловно - отвлеченный, далекій отъ правды окружающей жизни, отъ потребностей и прямыхъ заявленій послѣдней. Исправить средствами университетскими недоразумѣнія этой соціально-нравственной атмосферы невозможно: для этого нужно юношей превратить въ мужей, а самоувѣренныхъ теоретиковъ—въ знатоковъ жизни. Остается одно средство: въ университетскую атмосферу ввести сильную струю воздуха изъ общества. Университетскую атмосферу нужно освѣжать сильнымъ теченіемъ воздуха изъ жизни. Противъ этого отрезвляющаго и освѣщающаго теченія не устоитъ ни неопытность студентовъ, ни теоретичность преподавателей. Между тѣмъ, дѣйствіе этой струи будетъ совершенно незамѣтно. Ночные призраки исчезнутъ, какъ только въ аудиторію ворвется дневной свѣтъ дѣйствительной жизни. Профессоры найдутъ себѣ справедливую оцѣнку: великіе могутъ сдѣлаться

средними, если не совсѣмъ маленькими, а незамѣтные могутъ стать замѣтными. Ужасы, которые распространяются часто о взглядахъ того или другого ученаго, разсѣются, и общество увидитъ, что иной, наводящій страхъ, профессоръ часто представляетъ совершенно безвредную шипучку, которая безусловно никому не можетъ повредить. Общество наведетъ профессора на много хорошихъ мыслей. Между прочимъ онъ увидитъ яснѣе, что онъ и наука не одно и то же, и что слово ученаго не всегда уже означаетъ научное слово и что ни одному профессору не приличествуетъ восклицать: «наука, это—я!» Со свойственною ему опредѣленностью и рѣшительностью, проистекающею изъ тщательной обдуманности всѣхъ его разсужденій, Хомяковъ говоритъ о допущеніи общества въ стѣны университета слѣдующее: «По моему мнѣнію, входъ на лекціи долженъ быть открытъ всѣмъ безъ исключенія. Этого требуетъ польза науки и образованія общественнаго; этого требуетъ нравственная справедливость, не дозволяющая, чтобы ученіе дѣтей было тайною для родителей; этого требуютъ выгоды самого правительства, пріобрѣтающаго въ надзорѣ общества вѣрнѣйшую поруку въ дѣльности и безвредности самаго преподаванія. Точно также должно давать и экзаменамъ на высшія степени или, по крайней мѣрѣ, диспутамъ величайшую общедоступность: входъ долженъ быть свободенъ, возраженіе свободно. Всякое ограниченіе этой свободы должно быть устранено». По моему мнѣнію, основанному на многолѣтнемъ знаніи университета и въ качествѣ студента, и въ качествѣ профессора, мѣра, предлагаемая Хомяковымъ, для устроенія общественнаго контроля надъ университетомъ, вполнѣ отвѣчаетъ цѣли. Въ срединѣ и концѣ шестидесятыхъ годовъ университетъ былъ открытъ для всѣхъ: на лекціяхъ, вмѣстѣ со студентами, сидѣли и люди изъ образованнаго общества. Всѣ, помнящіе это время, я ду-

маю, подтвердятъ, что не только никакого вреда отъ той свободы не вышло, а, напротивъ, большая польза: лекціи профессорами читались осторожно, одушевленно, вообще старательно. Предъ аудиторіею, въ которой сидятъ люди, знающіе дѣйствительность, теоретикъ будетъ сдержаннѣе въ произнесеніи смѣлыхъ приговоровъ, основанныхъ на логическихъ выкладкахъ съ часто фактически-невѣрными исходными точками зрѣнія.

§ XIV.

Государство и умственное образованіе личности.

(Продолженіе).

Что касается самаго обученія, то идеи Хомякова по этому вѣчному вопросу чрезвычайно интересны. Чтобы ихъ усвоить вполнѣ, необходимо, прежде всего, поставить вопросъ о задачахъ умственнаго образованія. Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ, въ самомъ началѣ разсужденія, исходить изъ того общаго начала, что задачею умственнаго образованія Хомяковъ ставилъ **умственное воспитаніе**. «Разумъ человѣка», говоритъ Хомяковъ въ той же статьѣ объ общественномъ воспитаніи, «есть начало живое и цѣльное; его дѣятельность въ отношеніи къ наукѣ заключается въ пониманіи. Самые предметы, представляемые наукою, какъ и предметы видимаго и осязаемаго міра, суть только матеріалы, надъ которыми трудится пониманіе. **Истинная цѣль воспитанія умственнаго есть именно развитіе и укрѣпленіе пониманія; а эта цѣль достигается только посредствомъ постояннаго сравненія предметовъ, представляемыхъ цѣлымъ міромъ науки и понятій, принадлежащихъ разнымъ ея областямъ.** Умъ, сызма-

ла ограниченный одною какою-либо областью человѣческаго знанія, впадаетъ, по необходимости, въ односторонность и тупость и дѣлается неспособнымъ къ успѣху даже въ той области, которая ему болѣе предназначена. Обобщеніе дѣлаетъ человѣка хозяиномъ его познаній; ранній специіализмъ дѣлаетъ человѣка рабомъ вытверженныхъ уроковъ. Самое богатство матеріаловъ, если они всѣ принадлежатъ къ одной какой-нибудь области наукъ и не пробуждаютъ дремлющей силы сравнивающаго пониманія, обращается въ тягость; оно лежитъ безплоднымъ и свинцовымъ грузомъ въ сонной головѣ [1]), между тѣмъ какъ меньшее количество матеріаловъ, пробудившее дѣятельность ума съ разныхъ сторонъ и въ разныхъ нанаправленіяхъ, приноситъ богатые плоды и самому челоку, и обществу, къ которому онъ принадлежитъ. Такъ, несчастный ученикъ ремесленно-художественной школы, вѣкъ свой трудившійся надъ рисованіемъ орнаментовъ, никогда не нарисуетъ и не придумаетъ того затѣйливаго орнамента, который шутя накинетъ въ одно мгновеніе рука академика, никогда не думавшаго о сплетеніи дубовыхъ и виноградныхъ листьевъ».

Такимъ образомъ, ясно, что Хомяковъ почвою для человѣческаго образованія вообще ставилъ *воспитаніе ума* къ пониманію и работѣ во всякой области вообще. Вотъ

[1]) Банзенъ, ученикъ Шопенгауэра, въ своей блещущей талантливыми педагогическими замѣчаніями книгѣ: Beiträge zur Characterologie, 2 B., Leipzig, 1867, говоритъ о набиваніи памяти ученика фактами: «Die Köpfe werden als Töpfe behandelt und das Resultat sind Tröpfe (съ головами обращаются, какъ съ горшками, и получаются дурачки»). Главная задача общественнаго, какъ и всякаго вообще воспитанія, по Банзену, состоитъ въ томъ, чтобы *развивать индивидуальность ученика, возбуждать его умъ и укрѣплять пониманіе*; худшій способъ, это — *набивать память и подвергать ученика экзаменамъ* (сравн. также Bossert, Schopenhauer, Paris, 1904, p. 341).

почему онъ не признавалъ, чтобы можно было спеціальность положить въ основаніе воспитанія. Да и хорошіе спеціалисты появляются тамъ, гдѣ въ основѣ образованія положено общее развитіе, а не спеціальная выучка. Хомяковъ указываетъ на тотъ выдающійся фактъ, что страна, наиболѣе отличающаяся учеными и спеціалистами-изобрѣтателями, Англія, почти не имѣетъ спеціальныхъ школъ. «Люди», говоритъ Хомяковъ, «прославившіеся самыми блистательными открытіями въ отдѣльныхъ отрасляхъ наукъ и подвинувшіе ихъ наиболѣе впередъ, никогда не были питомцами раннихъ спеціальныхъ разсадниковъ. Ньютоны, Лавоазье, Вобаны и Кегорны, Деви и Савиньи не были съ дѣтства отданы на выучку какому-нибудь одному мастерству въ области наукъ!» Лучше всего можно изучить вопросъ о задачахъ умственнаго воспитанія, изучая жизнь такихъ самодѣльныхъ людей, какъ Бэнджеминъ Франклинъ [1]), который, съ дѣтства самостоятельно работая надъ воспитаніемъ своего ума, развилъ въ себѣ замѣчательный духъ изслѣдованія, повлекшій за собою и открытія, и разностороннюю приспособленность, сдѣлавшую для него возможною замѣчательную, творческую дѣятельность въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ.

Идеи Хомякова о необходимости, прежде всего, воспитать умъ, а потомъ уже снабжать его спеціальными знаніями, слѣдуетъ положить краеугольнымъ камнемъ зданія образованія народа. Хомяковъ справедливо замѣчаетъ, что тотъ, кто пожелаетъ выработать извѣстное число скороходовъ, кулачныхъ бойцовъ, носильщиковъ и т. д. сначала дастъ имъ общее физическое, атлетическое воспитаніе, а потомъ уже обратитъ ихъ къ отдѣльнымъ физическимъ спеціальностямъ. Но, конечно, никто съ дѣтства не станетъ воспитывать скоро-

---

[1]) См. The autobiography of Benjamin Franklin", ed. Bigelow.

хода, носильщика и т. д. Развивая въ будущемъ скороходѣ единственно силу ногъ и дыханія, въ будущемъ носильщикѣ единственно крѣпость спины и въ бойцѣ—мускулы рукъ, онъ выростилъ бы уродовъ, изъ которыхъ едва ли одинъ оказался бы способнымъ выполнять ту работу, къ которой онъ предназначенъ. Никому и въ голову не придетъ такое нелѣпое физическое воспитаніе. Почему же, возбуждается у Хомякова вопросъ, почему же такъ нераскаянно умничаютъ и распоряжаются умственнымъ воспитаніемъ? Общее рѣшеніе по вопросу о воспитаніи ума, по Хомякову, сводится къ тому, что спеціальность не можетъ быть положена въ основу воспитанія; что твердою и вѣрною основою можетъ быть лишь просвѣщеніе общее, расширяющее кругъ человѣческой мысли и его понимающей способности, изъ чего, конечно, не слѣдуетъ, что-бы общее просвѣщеніе не имѣло степеней. «Степени общаго просвѣщенія», говоритъ Хомяковъ, «пердаваемаго ученикамъ въ разныхъ приготовительныхъ училищахъ, могутъ быть весьма различны; но характеръ всѣхъ приготовительныхъ школъ долженъ быть одинаковъ: оно служитъ расширенію и обобщенію мысли, а не размежеванію ея областей». Въ заключеніе, не упуская изъ виду и житейскую сторону дѣла, Хомяковъ замѣчаетъ, что человѣкъ, получившій основное общее образованіе, находитъ себѣ пути по обстоятельствамъ жизни; человѣкъ же, замкнутый въ тѣсную спеціальность, погибъ, какъ скоро непредвидимая и неисчислимая въ случайностяхъ жизнь преградитъ ему единственный путь, доступный для него. «Воспитаніе, основанное на раздѣленіи спеціальностей», прекрасно замѣчаетъ Хомяковъ, «необходимо сопряжено съ привиллегированными школами, т. е. монополіей, и эта монополія даетъ десять умныхъ недовольныхъ на каждаго осчастливленнаго тупицу».

§ XV.

Государство и умственное образованіе личности.

(Продолженіе).

Переходя къ отдѣльнымъ родамъ школъ, Хомяковъ о низшей сельской школѣ говоритъ, что, приготовляя своихъ воспитанниковъ, «въ отношеніи къ общимъ познаніямъ», она, конечно, не должна и не можетъ доводить своихъ воспитанниковъ до такого развитія, до какого они будутъ доведены въ школахъ, служащихъ приготовленіемъ къ гимназіи и университету. «Познакомивъ ученика вкратцѣ съ великими очерками мірозданія и подробнѣе съ разумными основаніями христіанства, т. е. православія, она или возвращаетъ его къ его сельскому труду, или переводитъ его въ другую высшую и болѣе спеціальную школу, но ни въ какомъ случаѣ не пробуждаетъ въ немъ безполезнаго стремленія къ наукамъ отвлеченнымъ, точно такъ же, какъ она и не запугываетъ его головы поверхностными и, слѣдовательно, всегда ложными понятіями о теоріи его сельской спеціальности, которую онъ уже узнаетъ впослѣдствіи, въ высшей школѣ».

О гимназіи мы находимъ чрезвычайно интересныя и опредѣленныя идеи. Исключая изъ гимназіи всякую спеціальность, но признавая, однако, что уже въ раннемъ возрастѣ выражаются умственныя способности учащихся и ихъ склонности, или еще чаще — направленіе, данное имъ желаніемъ родителей, Хомяковъ допускаетъ раздѣленіе общаго курса на два отдѣленія, на отдѣленіе словесности и отдѣленіе математики. Предметы обоихъ отдѣленій должны быть одинаковы, ученіе общее. Различіе должно быть въ экзаменѣ. Характеръ отдѣленій опредѣляется преобладаніемъ языкознанія въ одномъ и математики въ другомъ. «Въ обоихъ эти отчасти спеціальныя занятія должны

быть, сколько возможно, менѣе направлены къ практической цѣли и, слѣдовательно, сколько возможно болѣе заключены въ области отвлеченнаго знанія. Словесность должна по преимуществу обращаться къ древнимъ языкамъ, математика—къ алгебраическимъ формуламъ. Задача переходнаго училища состоитъ именно въ томъ, чтобы расширить и укрѣпить пониманіе, и этой цѣли оно можетъ достигнуть только такой системой, которая доставляетъ уму трудъ и пониманію пищу. Преподаваніе языковъ живыхъ и прикладной математики раскидываетъ мысль; преподаваніе языковъ древнихъ и чистой математики сосредоточиваетъ ее въ самой себѣ». Организація гимназіи должна имѣть въ виду, что гимназія есть училище переходное,—въ этомъ смыслѣ должны быть направлены въ ней преподаванія. Окончившій такую 6-классную гимназію долженъ быть принятъ въ университетъ, безъ экзамена. Для тѣхъ же гимназистовъ, которые не пожелаютъ идти въ университетъ, долженъ быть добавленъ 7-й классъ гимназіи, въ которомъ ученіе должно быть уже чисто-практическое и состоять изъ краткаго курса отечественныхъ законовъ, изъ нѣкоторыхъ началъ наукъ физическихъ и изъ уроковъ для усовершенствованія въ которомъ-нибудь изъ новѣйшихъ языковъ, входившихъ въ прежніе 7 классовъ, единственно какъ предметъ вспомогательный». Мы находимъ, что и основная идея гимназіи, и организація этой гимназіи у Хомякова заслуживаютъ вниманія нашей современности. Дѣленіе гимназій на классическія и реальныя въ высшей степени неудачная и произошла оттого, что въ организацію этихъ двухъ гимназій не было положено одной общей идеи, именно — что, прежде всего, первая задача умственнаго образованія есть воспитаніе ума, которое одинаково нужно и тому, кто въ университетѣ сдѣлается реалистомъ и тому, кто сдѣлается гуманитаромъ. 7-классъ Хомякова имѣетъ въ виду приспосо-

бить гимназію къ потребностямъ жизни: вѣдь въ самомъ дѣлѣ можетъ оказаться много нежелающихъ поступать въ университетъ. Древніе языки у Хомякова и имѣютъ опредѣленную и ясную цѣль, при которой они не могутъ сдѣлаться только однимъ игомъ для молодежи. Курсъ разсчитанъ на 6 лѣтъ, а не на 8, какъ въ настоящее время. Хомяковская гимназія, стремящаяся развивать и укрѣплять пониманіе, не даровала бы тѣхъ результатовъ, какіе дала наша классическая въ періодъ своей строгости: она поглощала всю энергію молодежи, которая прибывала въ университетъ усталою и озлобленною—тяжелою выучкою, или дрессурою. Между тѣмъ въ гимназіи нужна не выучка, не дрессура, а развитіе ума, возбужденіе его пытливости. Классическая гимназія толстовскаго строгаго періода имѣла одно несомнѣнное качество: она рано знакомила юношу съ тягостями жизни, наполняла молодость трудомъ, тяжелою заботой и ожесточеніемъ. Она старила молодую жизнь. Юноша проходилъ выучку въ опредѣленные сроки, строго предназначенные, и напрягалъ почти до предѣльной линіи всѣ свои силы. Она пріучала одолѣвать тяжелую, непріятную и безцѣльную, по постановкѣ, работу. Гимназистъ, прошедшій такую школу, имѣетъ право сказать: «я научился преодолѣвать всякую, самую отвратительную работу!». Но этотъ результатъ покупался слишкомъ дорогою цѣной: молодой человѣкъ поступалъ въ университетъ, какъ уже замѣчено, и усталый, и озлобленный разсчитанною и, нужно признать, жестокою дрессурою. Плодъ выжимался, но дерево погибало, и больше плодовъ оно въ будущемъ уже не могло давать. Получался атестатъ зрѣлости, но носитель зрѣлости оказывался надорваннымъ. Средство, обращенное въ цѣль, губило самую цѣль. Россія, къ счастью уже освободилась, отъ толстовскихъ тисковъ. Мы убѣждены, что наступаетъ время Хомяковской гимназіи,

приготовляющей, на почвѣ христіанской, юношу съ умомъ развитымъ, укрѣпленнымъ, юношу, сохранившаго любознательность и энергію. Этотъ юноша тоже сумѣетъ преодолѣвать трудности, но живою любовью къ дѣлу, а не тупою привычкою къ ярму.

§ XVI.

Государство и умственное образованіе личности.

(Продолженіе).

Университетъ, по взгляду Хомякова, какъ высшее изъ всѣхъ государственныхъ училищъ, опредѣляетъ значеніе всѣхъ остальныхъ. «Его процвѣтаніе», говоритъ онъ въ той же статьѣ объ общественномъ воспитаніи въ Россіи, «есть процвѣтаніе всѣхъ, его паденіе—паденіе всѣхъ». Хомяковъ, ставящій на первомъ планѣ воспитаніе ума, конечно, не можетъ соглашаться съ тѣми, которые полагаютъ, что историческая роль университета уже исчерпана, и что все высшее образованіе должно отнынѣ сосредоточиваться въ отдѣльныхъ высшихъ спеціальныхъ школахъ. Напротивъ, онъ полагаетъ, что для «высшаго и всеобъемлющаго образованія, должны существовать «высшія училища, вмѣщающія въ себѣ преподаваніе всѣхъ наукъ, связанныхъ между собою одною общею мыслительною системою». Россія вовсе не страдаетъ, по мнѣнію Хомякова, оттого, что у насъ нѣтъ спеціалистовъ, а оттого, что у насъ нѣтъ хорошаго общаго образованія. «Безъ сомнѣнія», говоритъ Хомяковъ, «дѣльную спеціальность у насъ встрѣтить не совсѣмъ легко; но не всезнаніе мѣшаетъ ей развиваться, а чистое невѣжество, прикрытое лоскомъ одной спеціальности, самой неопредѣленной и самой пустой изъ всѣхъ. Эта спеціальность есть довольно полное знаніе современной беллетристики, т.е.

чего-то средняго между промышленною словесностью и общественною болтовнею. Разумѣется, эта спеціальность, рѣзко отличающая наше общество, есть какой-то обманчивый видъ всезнанія; но она соединена по большей части съ полнымъ и совершеннымъ невѣжествомъ во всѣхъ отрасляхъ человѣческаго знанія, начиная отъ практическихъ законовъ отечественнаго языка до отвлеченностей математики или философіи. Не излишняя общность знанія мѣшаетъ развитію спеціальностей; нѣтъ, эта мнимая общность, выдуманная, можетъ быть, иностранцами, поверхностно изучавшими русское общество и охотно допущенная нашею хвастливою скромностью, не существуетъ. Спеціальности у насъ ничтожны просто потому, что общее знаніе у насъ ничтожно, что уровень нашего просвѣщенія весьма низокъ, что умъ лишенъ всякой силы и всякаго напряженія, и что наше совершенное невѣжество прикрыто отъ поверхностнаго наблюденія только одною спеціальностью: знаніемъ современной беллетристики». Съ того времени, какъ писаны были приведенныя строки Хомяковымъ, прошло сорокъ шесть лѣтъ, жизнь создала спеціалистовъ тамъ, гдѣ они неизбѣжно нужны, но характеръ нашего общаго образованія не перемѣнился: оно все-таки, по преимуществу, беллетристическое и драматургическое. Наши наиболѣе популярные духовные вожди по прежнему беллетристы и драматурги. Для лѣнивыхъ умовъ чтеніе беллетристики и сидѣніе въ театрѣ наиболѣе сносные виды умственнаго труда: предметы разсматриваются знакомые— собственная наша сальная, дѣйствительная жизнь; напряженіе умственное—небольшое: рѣчь идетъ о женщинахъ, о любви, о жизни въ трактирахъ, гостинныхъ; описываются ощущенія и еле замѣтныя движенія мысли въ недѣятельномъ умѣ. Слѣдовательно, напрягаться человѣку не приходится, а между тѣмъ все, вмѣстѣ взятое, т.-е. чтеніе

беллетристики и слушаніе пьесъ въ театрѣ, имѣетъ видъ занятія, а не празднаго времяпрепровожденія. Газеты и журналы у насъ переполнены анализомъ «творчества» беллетристовъ и драматурговъ, обыкновенно самыхъ заурядныхъ людей, обладающихъ для своего ремесла развитою способностью выдумывать разныя «жизненныя» исторіи, съ «психологическими соображеніями». Они описываютъ самыя глупыя и грязныя исторіи съ вдохновеннымъ видомъ мастеровъ, «безпощадно анатомирующихъ жизнь», и обыватель, не пріучившій себя къ серьезному чтенію въ часы досуга, глотаетъ эти пошлыя исторіи и вылавливаетъ изъ нихъ «міросозерцаніе автора». И чѣмъ невѣжественнѣе самъ авторъ, тѣмъ «безыскусственнѣе», интереснѣе его міросозерцаніе, тѣмъ больше оно—«сама натура», не далеко ушедшая отъ міросозерцанія трактирныхъ завсегдатаевъ. Это зло, т.е. преимущественно беллетристическое просвѣщеніе, есть давно у насъ укоренившееся бѣдствіе, отвѣчающее умственной лѣни нашего общества. У насъ не только интересуются беллетристикою, но у насъ ея проповѣдью живутъ. Она получила у насъ то значеніе, какое въ другихъ странахъ имѣетъ слово моральной проповѣди. Отсюда несерьезность, неустойчивость и совершенная легковѣсность русской общественной мысли, т. е. мнѣній большинства такъ-называемаго образованнаго общества, издавна мыслящаго и даже отчасти живущаго по указаніямъ беллетристовъ и драматурговъ, сдѣлавшихся у насъ «учителями жизни». Правда, въ послѣднее десятилѣтіе общество у насъ начинаетъ прислушиваться и къ словамъ не-беллетристовъ, но это еще пока явленіе, далеко не общее. Наиболѣе нуждающееся въ руководствѣ общество поучается у беллетристовъ. И кто эти модные беллетристы, учители жизни? Часто—выварявшіеся въ житейской грязи, совершенно больные алкоголики. Что касается до народа, то онъ своихъ «учителей жизни»

выбираетъ, конечно, не между беллетристами и драматургами, а между схимниками, какъ людьми, ведущими святую жизнь. Народъ уважаетъ серьезное чтеніе, «божественное», на беллетристику же онъ смотритъ, какъ на забаву, развлеченіе, часто какъ на «озорство». На этой благодатной, исторически сложившейся точкѣ зрѣнія и слѣдуетъ народу оставаться. Къ сожалѣнію, благодѣтельствованіе образованной части общества, пылающей желаніемъ «просвѣтить» народъ, можетъ, съ теченіемъ времени, подорвать этотъ основной взглядъ народа. Это должно имѣть въ виду духовенству, и бороться съ этимъ — его прямая обязанность. Нужно издавать для народа книжки религіозно-нравственнаго содержанія и стараться выбивать изъ народнаго книжнаго рынка беллетристику, которая только въ рѣдкихъ случаяхъ бываетъ безвредна. Если она изображаетъ жизнь въ идеальномъ видѣ, она распространяетъ ложь; если она изображаетъ жизнь въ дѣйствительномъ ея видѣ, она дважды вредна: во-первыхъ, какъ всегда неполное или неточное описаніе дѣйствительности, и, во-вторыхъ, какъ описаніе, подрывающее вѣру въ спасительность нравственныхъ началъ. Дѣйствительность нужно понимать глубоко — философски, чтобы въ ней не видѣть расшатыванія нравственныхъ началъ, а, напротивъ, ихъ торжество. «Но», могутъ возразить, «отстраняя отъ народа описаніе дѣйствительной жизни, вы вѣдь не спасаете народа отъ самой жизни!» На это можно возразить слѣдующее. Дѣйствительная жизнь, въ своемъ подлинномъ видѣ, никогда не расшатываетъ вѣры въ нравственныя начала, Дѣйствительная жизнь, въ своей подлинности, всегда полна, никогда не бываетъ одностороння и, какъ море, всегда въ движеніи. При такихъ свойствахъ своихъ, дѣйствительная жизнь, если иногда представляетъ картину кажущагося крушенія нравственнаго правила, то она тутъ же даетъ и картины его торжества. Дѣйствительная жизнь

представляется человѣку не въ законченныхъ событіяхъ, а во всей ея разнообразной полнотѣ, во всей ея калейдоскопичности, и поэтому ея поученія всегда наставительны и вѣрны. Не ставьте между жизнью и человѣкомъ посредника, истолковывающаго и выбирающаго факты по своей односторонней идеѣ. Давайте народу наставительныя книги, основанныя на вѣрѣ, и предоставьте ему самому наблюдать дѣйствительность. Освобожденіе русской молодежи отъ беллетристики было бы шагомъ къ самостоятельности общественной мысли. Беллетристика вполнѣ безвредна, когда она, не принимая на себя роли каѳедры психологіи, доставляетъ отдыхъ умственно работающимъ людямъ, разсказываетъ интересныя, сложныя происшествія, которыя захватываютъ вниманіе читателя, доставляютъ ему удовольствіе, развлеченіе и, по временамъ, нравственные выводы, вытекающіе изъ разсказанныхъ происшествій.

§ XVII.

Государство и умственное образованіе личности.

(Окончаніе).

Преслѣдуя свою основную идею, что умственное образованіе имѣетъ своею цѣлью—воспитаніе ума, при каковомъ воспитаніи пріобрѣтеніе спеціальности дѣло не трудное, Хомяковъ первые два года пребыванія въ университетѣ, для всѣхъ факультетовъ, кромѣ медицинскаго, посвящаетъ такимъ предметамъ, которые равно необходимы всякому образованному человѣку, къ какой бы спеціальности онъ ни готовился. Къ такимъ предметамъ Хомяковъ относитъ: русскій языкъ и русскую словесность; исторію словесности всемірной и понятіе объ ея образцовыхъ произведеніяхъ; исторію всеобщую въ широкихъ

очеркахъ, безъ мелкихъ подробностей; начала математики въ ихъ отношеніяхъ къ мыслительной способности человѣка и естественныхъ наукъ въ ихъ отношеніяхъ къ системѣ міра (т. е. космологіи), наконецъ, и болѣе всего, ученіе церкви православной, какъ высочайшее духовное благо, какъ завѣтъ высшей свободы въ отношеніи къ разуму, свободно принимающему свѣтъ откровенія, и въ отношеніи къ волѣ, свободно подчиняющей себя законамъ безконечной любви. «Таковъ долженъ быть», говоритъ Хомяковъ, «приготовительный курсъ университета для всѣхъ факультетовъ, кромѣ медицинскаго. Никто не долженъ быть отъ него освобожденъ». Студенты медицинскаго факультета освобождаются отъ этого приготовительнаго курса. Приводимые Хомяковымъ мотивы для этого исключенія нѣсколько устарѣли и во всякомъ случаѣ, въ значительной степени, подорваны развитіемъ медицины, основанной на примѣненіи естественно-научныхъ методовъ. По мнѣнію Хомякова, медицина не наука въ строгомъ значеніи этого слова и не имѣетъ умозрительныхъ основъ. Въ настоящее время, признано, что въ медицинѣ примѣняются естественно-научные методы, и студенты-медики слушаютъ очень большой курсъ естественныхъ наукъ. Нужно, однако, добавить, что и для медиковъ Хомяковъ признаетъ нѣкоторый приготовительный курсъ, состоящій изъ чтеній объ отечественномъ языкѣ, Законѣ Божьемъ и объ естественныхъ наукахъ. Изъ этого видно, что Хомяковъ, и въ отношеніи къ студентамъ-медикамъ, былъ близокъ къ истинѣ: онъ считалъ необходимыми для студентовъ-медиковъ начала естественныхъ наукъ; въ настоящее же время, кромѣ началъ естествовѣдѣнія, знакомящихъ съ методомъ его, необходимо и знаніе подробностей естественныхъ наукъ.

Постоянно имѣя въ виду основную цѣль университета, состоящую не только «въ передачѣ частныхъ познаній,

но и въ общемъ развитіи всей мыслящей способности», Хомяковъ, на факультетахъ, требуетъ устраненія всѣхъ предметовъ безполезныхъ, къ которымъ онъ относитъ тѣ, съ которыми человѣкъ впослѣдствіи самъ можетъ справиться, разъ онъ получилъ надлежащее развитіе. «Наука», говоритъ Хомяковъ, «отъ введенія пустыхъ кафедръ не только не выигрываетъ ничего, но рѣшительно много теряетъ. Она теряетъ свою строгость, свою умозрительную важность и получаетъ характеръ ремесленности; она теряетъ уваженіе учениковъ, и сама пріучаетъ ихъ къ пустотѣ и легкомыслію. Всѣ ненужныя кафедры должны быть устранены или, по крайней мѣрѣ, обращены въ кафедры знаній вспомогательныхъ, доступныхъ любознательности немногихъ, но не требуемыхъ отъ большинства, всегда равнодушнаго». Въ послѣднія десятилѣтія, послѣ смерти Хомякова, именно замѣчается стремленіе создавать преподаванія, посвященныя предметамъ, съ которыми человѣкъ развитой уже и самъ могъ бы справиться, разъ у него есть умственное развитіе и понятія о научномъ методѣ.

Такимъ образомъ, сводя къ результатамъ ученіе Хомякова объ университетѣ и его основной цѣли, можно сказать слѣдующее: Хомякова университетъ вырабатываетъ у своихъ учениковъ духъ научнаго изслѣдованія, для чего студентамъ и дается научное образованіе на обще-философской основѣ. Но этого мало: этотъ духъ изслѣдованія, по Хомякову, долженъ быть укрѣпленъ на почвѣ нравственно-религіозной, дающей развитіе чувствъ и воли. Такимъ образомъ, университету дается и этическая цѣль. Въ самомъ дѣлѣ, вдумываясь въ задачи университета, трудно придти къ заключенію, чтобы она ограничивалась однимъ умственнымъ развитіемъ. Къ чему умственное развитіе, если нравственная сторона людей будетъ темна, какъ бездна,

изъ которой выступаютъ страшные призраки: корысть, жестокость, развратъ, убійство? Умственное развитіе можетъ идти и на службу злу. «Добро есть идеалъ жизни»: привить эту идею, вотъ—цѣль университетскаго, какъ и всякаго другого учебнаго заведенія. Но когда не добро, а зло, по видимымъ признакамъ, является результатомъ образованія, то ясно, что существующая система не годится. Бываютъ времена, когда нравственная культура выступаетъ на первый планъ, какъ задача всякаго образованія вообще. Напрасно было бы говорить о томъ, что умственное образованіе одно дѣло, а нравственное воспитаніе—другое дѣло. Университетъ тѣмъ только отличается отъ прочихъ учебныхъ заведеній въ дѣлѣ нравственнаго воспитанія, что здѣсь оно болѣе состоитъ въ сознательномъ этическомъ обсужденіи человѣческаго поведенія. Въ университетѣ совершается окончательное завершеніе нравственнаго воспитанія человѣка этическою оцѣнкою цѣлей жизни или нравственнаго міросозерцанія. Идея добра, привитая человѣку съ дѣтства, въ начальные періоды умственнаго развитія, здѣсь, въ университетѣ, подвергается высшему освѣщенію богословіемъ, наукою и этикою. Здѣсь добро достигаетъ высшей своей степени развитія во внутренней жизни человѣка: здѣсь показываютъ, что одно добро только и существенно въ мірѣ, зло же—тѣневая его сторона. Добро есть законъ міра, зло же—только одинъ изъ косвенныхъ, отклонившихся путей. Но даже и путь зла ведетъ, по великой логикѣ вещей, только къ добру: зло не плодотворно, а потому и ничтожно.—Университетъ, какъ ясно изъ вышесказаннаго, есть высшее учебное заведеніе, въ которомъ основная цѣль—добро, а обстановка, необходимая для этой цѣли, свобода науки и ея ученій. Читатель вспомнитъ здѣсь тѣ доводы Хомякова, которые показываютъ, что свобода науки вполнѣ совмѣстима съ Свящ.

Писаніемъ: вѣра не боится противорѣчій между Свящ. Писаніемъ и наукою, потому что эти противорѣчія могутъ происходить отъ несовершенства или науки, или пониманія Свящ. Писанія.

Свое разсужденіе объ университетѣ вообще Хомяковъ заканчиваетъ слѣдующими глубокими словами: «Есть люди, которые боятся смѣлаго полета мысли, привыкшей къ отвлеченностямъ. Это пустой страхъ, не основанный ни на какихъ данныхъ и ни на какомъ опытѣ. Наука серьезная и многотребовательная отрезвляетъ страсти и приводитъ человѣка къ разумному смиренію; только пустая и поверхностная наука раздражаетъ самолюбіе и внушаетъ человѣку требованія, несоразмѣрныя съ его заслугами. Наука въ высшихъ курсахъ университета не можетъ быть слишкомъ глубокою и всеобъемлещею: ей нужна свобода мнѣнія и сомнѣнія, безъ которой она лишается всякаго уваженія и всякаго достоинства; ей нужна откровенная смѣлость, которая лучше всего предотвращаетъ тайную дерзость».

§ XVIII.

Государство и государственно-общественныя убѣжденія личности.

Содержаніе государственно-общественныхъ убѣжденій личности зависитъ отъ идей, ей внушаемыхъ въ школѣ и жизни, отъ того практическаго примѣненія государственно-общественныхъ убѣжденій, какое личность можетъ сдѣлать по условіямъ жизни государственной и общественной. Государственно-общественныя идеи, пріобрѣтаемыя личностью, будутъ того или другого качества, смотря по условіямъ жизни данной страны. Критеріемъ годности извѣстнаго ряда государственныхъ и общественныхъ

идей является ихъ сродство съ условіями жизни народа, выробатанными исторически. Чѣмъ менѣе внутренняго сродства между какимъ-нибудь рядомъ идей и условіями духа, а также быта народа, тѣмъ болѣе слѣдуетъ признать незрѣлости, необдуманности и даже нелѣпости въ стремленіи примѣнить эти идеи къ дѣйствительной жизни. Въ жизни каждаго народа можно отличать два рода государственно-общественныхъ идей: высшія, руководящія идеи исторической жизни, и идеи, касающіяся повседневной жизни. Каждый народъ долженъ и можетъ быть воспитываемъ въ идеяхъ справедливости, правды и самопомощи или самоуправленія въ дѣлахъ житейскихъ. Каждый человѣкъ способенъ быть членомъ общины, занимающейся своими мѣстными нуждами; и каждый человѣкъ способенъ разобраться въ судѣ надъ повседневными преступленіями и нарушеніями закона. Но этотъ же самый человѣкъ можетъ легко оказаться вполнѣ непригоднымъ для рѣшенія высшихъ государственныхъ вопросовъ, хотя его голосъ и въ такихъ вопросахъ, призванный къ совѣщанію, можетъ быть весьма важнымъ подспорьемъ. Соборная совѣсть, соборный совѣтъ можетъ приносить государству только пользу: свѣтъ, въ какое бы малое окошко онъ ни проникалъ, конечно, во всѣхъ случаяхъ лучше темноты. Государство должно заботиться о созданіи условій, благопріятныхъ для политическаго воспитанія народа, воспитанія, подъ которымъ мы разумѣемъ пріобрѣтеніе и правильныхъ государственно-общественныхъ убѣжденій, и навыка въ управленіи своими общественными дѣлами, т.-е. въ самоуправленіи. Государство, составленное изъ народа, нуждающагося въ томъ, чтобы въ немъ постоянно возбуждали и питали духъ почина, обязано тщательно

заниматься политическимъ воспитаніемъ этого народа. Государству слѣдуетъ всегда помнить, что чѣмъ менѣе свѣдущъ и опытенъ человѣкъ въ дѣлѣ государственно-общественномъ, тѣмъ болѣе онъ воспріимчивъ къ воспринятію самыхъ крайнихъ, самыхъ нелѣпыхъ политическихъ утопій. Напротивъ, чѣмъ болѣе человѣкъ имѣетъ свѣдѣній и опыта въ государственно-общественной жизни, тѣмъ болѣе онъ знаетъ, какъ неосуществимы крайнія ученія, какъ человѣкъ, распинающійся на словахъ за свободу, равенство и братство, наклоненъ, въ дѣйствительной жизни, когда дѣло коснется его имущества и положенія, озвѣряться и проявлять самую возмутительную жестокость въ примѣненіи разныхъ стѣсненій для личности, неравенства и необузданнаго эгоизма. Самоуправленіе даетъ возможность наблюдать человѣка въ проявленіи его инстинктовъ на практикѣ. Здѣсь больше, чѣмъ гдѣ-нибудь, видимъ, какъ прискорбно вѣрно изреченіе: homo homini lupus est. Здѣсь съ печалью можно наблюдать, что большинство людей еще недалеко ушло впередъ въ усвоеніи христіанскихъ правилъ жизни, и что одно только отсутствіе безкорыстнаго злорадства, для многихъ изъ нихъ, было бы уже большимъ нравственнымъ улучшеніемъ, шагомъ впередъ.

§ XIX.

Государство и государственно-общественныя убѣжденія личности.

(Продолженіе).

Политическое воспитаніе народа складывается изъ пріобрѣтенія идей и изъ усвоенія навыковъ въ самоуправленіи.— Что до идей о государствѣ и обществѣ, то однимъ изъ важныхъ источниковъ ихъ являются юридическіе факультеты. Но, имѣя въ виду все общество, слѣдуетъ сказать, что для высшаго научнаго контроля и регулятора идей о го-

сударствѣ и обществѣ, необходимо имѣть академію политическихъ и нравственныхъ наукъ. Никогда еще незамѣчалось такой анархіи въ государственно-общественныхъ ученіяхъ, какъ въ настоящее время: разработка вопросовъ соціальныхъ, подъ давленіемъ нервной жизни нуждающихся или даже обездоленныхъ классовъ, получила характеръ односторонній, боевой, полемическій. Понятно, проявились крайнія направленія, искажающія добытыя соціальною наукою результаты. Популяризація соціальный идей повлекла за собою преувеличенія и даже прямыя извращенія въ изложеніи вопросовъ. Въ этой анархіи порядокъ можетъ быть введенъ только постепенно, и именно упорядочивающимъ авторитетомъ высшаго ученаго учрежденія, имѣющаго въ своиъ составѣ лучшія умственныя силы. Подъ вліяніемъ такого авторитета, не исчезнутъ, конечно, сразу крайнія направленія, но общая атмосфера улучшится и въ ней не будетъ такой богатой, благопріятной почвы для развитія и питанія дичающей мысли, какъ въ настоящее время. Необходимо создать авторитетъ въ вопросахъ соціальныхъ, авторитетъ, стоящій внѣ боренія партій и потому болѣе безпристрастный. Напрасно думаютъ практическіе дѣятели, что они яснѣе, жизненнѣе, а потому, будто бы, и лучше понимаютъ соціальный вопросъ. Его нельзя вполнѣ ясно уразумѣть, не имѣя глубокихъ познаній въ исторіи человѣчества и въ наукахъ соціальныхъ. Практикамъ только кажется, что они понимаютъ соціальный вопросъ, между тѣмъ какъ они лишь видятъ предъ собою одинъ отрывокъ. Если практики относятся недовѣрчиво къ соціальнымъ наукамъ, то это потому, что результаты этихъ наукъ не такъ бросаются въ глаза, не такъ осязательны, какъ результаты другихъ наукъ, наприм., желѣзныя дороги, телефоны, медицинскія прививки и т. п. ослѣпляющія примѣненія человѣче-

ской мысли. Но и соціальныя науки даютъ такіе же великіе результаты, но они не такъ очевидны и разительны для глазъ публики.

Величайшимъ орудіемъ для распространенія идей въ обществѣ является печать вообще и особенно печать ежедневная. Страница Хомякова, посвященная имъ доказательствамъ пользы и безопасности свободы книгопечатанія, есть одна изъ лучшихъ въ его писаніяхъ. Уступая своему времени, онъ допускаетъ цензуру, «но цензуру не мелочную, не кропотливую, не безрасудно-робкую, а цензуру просвѣщенную, снисходительную и близкую къ полной свободѣ». Излишняя цензура, по словамъ Хомякова, «дѣлаетъ невозможною всякую общественную критику, а общественная критика нужна для самаго общества, ибо безъ нея общество лишается сознанія, а правительство лишается всего общественнаго ума». Свобода печати поддерживается Хомяковымъ въ выраженіяхъ такихъ энергичныхъ, прочувствованныхъ и глубокихъ, что и въ настоящее время, когда свобода печати уже не нуждается въ обоснованіи, они заслуживаютъ вниманія общества и государства. Послѣдній и высшій воспитатель человѣка, по Хомякову, есть общество, а разумное орудіе общественнаго голоса есть книгопечатаніе. «Вредъ», говоритъ Хомяковъ въ той же статьѣ объ общественномъ воспитаніи, «происходящій отъ злоупотребленій книгопечатанія, обратилъ на себя вниманіе многихъ и сдѣлался въ послѣднее время предметомъ страха, почти суевѣрнаго. Книгопечатаніе, какъ самое полное и разнообразное выраженіе человѣческой мысли, въ наше время, есть сила, и сила огромная. Какъ сила, она можетъ произвести вредъ, и вредъ значительный, хотя мнѣніе объ этомъ вредѣ вообще очень преувеличено, и ему приписываются такія явленія, которыя или вовсе или почти вовсе отъ него не зависѣли. Но изъ того, что какая нибудь сила

можетъ произвести гибельныя послѣдствія. Должно ли ее умерщвлять? Если бы Богъ далъ слабому человѣку такое могущество, конечно, нашлись бы люди, которые вздумали бы уничтожить тѣ силы, которыя, появляясь въ видѣ бурь и землетрясеній, разрушаютъ великіе города и опустошаютъ цѣлыя цвѣтущія области: эти люди изъ благихъ намѣреній убили бы жизнь природы, и спасаемыхъ ими братій, и свою собственную. Тоже самое должно сказать и о книгопечатаніи. Люди, возстающіе противъ него, не догадываются, что, въ ихъ собственной головѣ, изъ мыслей, которыя они считаютъ своею собственностью, едва ли сотая принадлежитъ имъ и не почерпнута прямо или косвенно изъ того источника, который они хотѣли бы изсушить. Всякая мелочность и подавно мелкій страхъ долженъ быть отстраненъ отъ общественнаго управленія вездѣ и по преимуществу въ такихъ высшихъ державахъ, какъ Россія». Всѣ эти замѣчательныя мысли Хомякова о свободѣ печати тѣмъ болѣе любопытны, что статья «объ общественномъ воспитаніи въ Россіи», въ которой онѣ изложены, первоначально не была напечатана и, кажется, была передана князю П. А. Вяземскому, въ то время (1858 г.) товарищу министра народнаго просвѣщенія. «Можетъ быть», говоритъ уважаемый издатель сочиненій А. С. Хомякова, въ примѣчаніи къ самой статьѣ, «заключительныя строки этой статьи и послужили побужденіемъ къ послѣдовавшему за тѣмъ измѣненію Цензурнаго Устава (льготы русскому печатному слову, которыя были исходатайствованы княземъ П. А. Вяземскимъ)». Нерѣшительность утвержденія, замѣчающаяся въ примѣчаніи издателя, должна быть отнесена насчетъ крайней осторожности его въ вопросѣ, недопускающемъ, по самому своему существу, категорическихъ утвержденій.

Говоря о свободѣ печати, защищая ее съ энергіею и любовью, какъ орудіе излюбленной свободы совѣ-

щательности, Хомяковъ не упускаетъ изъ виду воспитательное значеніе свободы печати. «Честное перо», говоритъ Хомяковъ, «требуетъ свободы для своихъ честныхъ мнѣній, даже для своихъ честныхъ ошибокъ. Когда, по милости слишкомъ строгой цензуры, вся словесность бываетъ наводнена выраженіями низкой лести и явнаго лицемѣрія въ отношеніи политическомъ и религіозномъ, честное слово молчитъ, чтобы не мѣшаться въ этотъ отвратительный хоръ, или не сдѣлаться предметомъ подозрѣнія по своей прямодушной рѣзкости: лучшіе дѣятели отходятъ отъ дѣла, все поле дѣйствія предоставляется продажнымъ и низкимъ душамъ; душевный развратъ, явный или кое-какъ прикрытый, проникаетъ во всѣ произведенія словесности; умственная жизнь изсякаетъ въ своихъ благороднѣйшихъ источникахъ и мало по малу въ обществѣ растетъ то равнодушіе къ правдѣ и нравственному добру, котораго достаточно, чтобы отравить цѣлое поколѣніе и погубить многія, за нимъ слѣдующія».

§ XX.

Государство и государственно-общественныя убѣжденія личности.

(Окончаніе)

Усвоеніе навыковъ въ самоуправленіи есть самое важное орудіе при политическомъ воспитаніи народа. Въ «посланіи къ сербамъ» Хомяковъ совѣтуетъ имъ больше всего держаться всякаго «учрежденія общиннаго», такъ какъ въ немъ болѣе правды, чѣмъ во всякомъ иномъ. «Гдѣ сходъ сельскій или городской рѣшаетъ дѣла», говоритъ Хомяковъ въ этомъ посланіи, «тамъ уже съ раннихъ лѣтъ воспитывается въ человѣкѣ здравое понятіе о законности и справедливости, развивается разумное сужденіе и уничтожается гибельное и весьма обыкновенное

у многихъ народовъ равнодушіе къ общему дѣлу. Сходъ мірской есть для народа училище, которое выше всякаго книжнаго воспитанія и никакою книжною мудростью не замѣняется. Мірскими сходами были спасены духъ и разумъ русскихъ крестьянъ, не смотря на рабство, въ которое заковалъ ихъ неправедный законъ [1])». Сходу Хомяковъ придавалъ значеніе не какъ собранію, которому принадлежитъ власть, не какъ вмѣстилищу права, а какъ средѣ, гдѣ вырабатывается, путемъ обмѣна мыслей, истинная соборная мысль, гдѣ проявляется или пробуждается истинная соборная совѣсть. «Желательно», говоритъ онъ въ томъ же посланіи къ сербамъ, «чтобы сходъ рѣшалъ дѣла приговоромъ единогласнымъ. Таковъ былъ издревле обычай славянскій. Отъ нѣмцевъ перешелъ къ славянамъ обычай считать голоса, какъ будто бы мудрость и правда всегда принадлежали большему числу голосовъ, тогда какъ дѣйствительно большинство зависитъ весьма часто отъ случая. Разсудите еще и о томъ, что гдѣ дѣла идутъ на рѣшеніе большинствомъ, въ людяхъ пропадаетъ или, по крайней мѣрѣ, слабѣетъ желаніе убѣдить своихъ братьевъ, а, слѣдовательно, слабѣетъ и самое стремленіе къ согласію въ совѣсти и разумѣ. Если уже нельзя получить единогласное рѣшеніе, лучше передать дѣло посреднику, излюбленному отъ всего схода. Совѣсть и разумъ человѣка, почтеннаго общимъ довѣріемъ, надежнѣе, чѣмъ игра въ счетъ голосовъ. У англичанъ въ судѣ уголовномъ требуется единогласіе присяжныхъ для осужденія, и ихъ судъ уважается всѣмъ міромъ [2])». Мы нарочно сдѣлали

---

[1]) Сочиненія Хомякова, т. I, стр. 404.

[2]) Въ 1872 г. авторъ настоящей книги, въ докторской диссертаціи: „Судъ присяжныхъ“, доказывалъ преимущества принципа единогласія присяжныхъ.

эти выписки, чтобы показать, что общинная жизнь, для Хомякова, была, прежде всего, воспитательнымъ средствомъ, и именно для гражданской жизни. Для него было совершенно ясно, что основою общественной жизни должно быть практическое воспитаніе между людьми, въ школѣ жизни гражданской. Взглядъ, и взглядъ очень глубокій, на общину выраженъ Хомяковымъ въ письмѣ «о сельской общинѣ», написанномъ около 1849 г. и помѣщенномъ въ III т. его сочиненій (стр. 459). Въ этомъ письмѣ онъ говоритъ: «Ты обратилъ вниманіе на вопросъ, который есть безспорно самый важный изъ всѣхъ не только русскихъ, но и вообще современныхъ вопросовъ, хотя его важность далеко не вполнѣ понята у насъ и можетъ быть, совсѣмъ не понята въ чужихъ краяхъ. Разборъ этого вопроса, несомнѣнно, дѣлится на двѣ части: общую и мѣстную. Первая важнѣе въ теоріи, но вторая также важна и едва ли даже не важнѣе на практикѣ. Однако, прежде чѣмъ я коснусь главнаго содержанія твоего письма и своихъ объясненій, я долженъ, хоть мимоходомъ, сдѣлать возраженіе на сомнѣніе, которое ты также выражаешь мимоходомъ, именно на то, что общность земель противна усовершенствованію хлѣбопашества по ненадежности и непродолжительности владѣнія. Разумѣется, владѣніе, даже продолжительное, хуже собственности въ этомъ отношеніи. Такъ кажется; но опытъ говоритъ другое. Ты самъ былъ въ чужихъ краяхъ; скажи по совѣсти, гдѣ нашелъ ты самую низкую степень хлѣбопашества? Безспорно, во Франціи, гдѣ все собственники. Гдѣ высшую? Безспорно въ Англіи, гдѣ все владѣльцы (ибо собственники, занимающіеся хлѣбопашествомъ, тамъ исключеніе). И такъ, владѣніе, повидимому, не мѣшаетъ развитію хозяйства, такъ точно какъ собственность не всегда бываетъ полезною для его развитія. Мнѣ кажется поэтому, что общность владѣнія не

может считаться важною преградою въ этомъ дѣлѣ. Исторически я сказалъ бы тебѣ, что первые слѣды усовершенствованія хозяйства находятся въ разсказахъ о Помераніи, гдѣ владѣніе было общинное, и въ современномъ мірѣ могъ бы съ большою похвалою указать на сѣверную Россію и особенно на Пермь; но я вообще спрошу тебя: если 20 лѣтнее фермерство (сроки часто гораздо короче) благопріятствуетъ землепашеству, отчего 25 лѣтнее владѣніе изъ общинныхъ земель должно быть ему гибельнымъ? А сроки нераздѣльнаго владѣнія бываютъ очень часто гораздо продолжительнѣе: часто отъ дѣда переходитъ участокъ къ внуку и даже долѣе». Затѣмъ Хомяковъ обращается къ разсмотрѣнію мѣстной стороны вопроса, т. е. къ отношенію его къ Россіи. «Признаемъ», говоритъ онъ, «сперва мірové устройство чѣмъ-то прекраснымъ и драгоцѣннымъ для всего человѣчества, и ты, конечно, уже въ томъ не поспоришь, что оно по преимуществу возможно для той земли, гдѣ оно существуетъ доселѣ и гдѣ не нужно его создавать или вводить, а только расширить или, лучше сказать, допустить до расширенія. Эту организацію долго очень старались подавлять систематически и не могли подавить; значитъ, она очень крѣпко срослась съ русскою жизнію, и всякое вырываніе такого сросшагося элемента непремѣнно сопровождается болью и страданіемъ во всемъ организмѣ... Прибавь еще слѣдующее. Община хлѣбопашественная, очевидно, всѣхъ легче устраивается и, повидимому, всѣхъ полезнѣе; Россія же земля и теперь, и надолго по преимуществу хлѣбопашественная. Далѣе: общинное устройство, будучи ограничено, замѣнится у насъ по необходимости расширеніемъ административности въ Россіи. Пошатавшись по Святой Руси и наглядѣвшись на всѣ ея слои, ты знаешь, какъ хороша наша чиновность отъ грошевой уѣздной до столичной милліонной. Я думаю, что

даже Киселевщина не столько еще ужасна для народа увеличенiемъ податей (хотя и это бѣдствiе немалое и слѣдствiе усиленной административности), сколько размноженiемъ чиновничества, которое народъ такъ вѣрно и живописно называетъ крапивнымъ сѣменемъ. Наконецъ, и это всего важнѣе, всякое государство или общество гражданское состоитъ изъ двухъ началъ: изъ живаго историческаго, въ которомъ заключается вся жизненность общества, и изъ разсудочнаго, которое само по себѣ ничего создать не можетъ, но мало по малу приводитъ въ порядокъ, иногда отстраняетъ, иногда развиваетъ основное, т. е. живое начало. Это англичане назвали, впрочемъ безъ сознанiя, торiизмомъ и вигизмомъ. Бѣда, когда земля дѣлаетъ изъ себя tabula rasa и выкидываетъ всѣ корни и отпрыски своего историческаго дерева... Бѣда и то, когда начало умозрительное вздумаетъ создавать. Эта работа постояннаго умничанья идетъ у насъ со временъ Петра безостановочно и беззапиночно. Какого она вздора насоздала?.. Община есть одно уцѣлѣвшее гражданское учрежденiе всей Русской исторiи. Отними его, не останется ничего; изъ его же развитiя можетъ развиться цѣлый гражданскiй мiръ».

Переходя затѣмъ къ общей сторонѣ вопроса, Хомяковъ говоритъ: «Мнѣ извѣстны до сихъ поръ въ не-русской Европѣ только двѣ формы сельскаго быта: одна, англiйская, сосредоточенiе собственности въ немногихъ рукахъ; другая, французская, послѣ революцiи,—безконечное дробленiе собственности. Ихъ прочiя формы относятся къ этимъ двумъ, какъ степени переходныя еще не дошедшiя до своего крайняго развитiя. Первая очень выгодна для сельскаго хозяйства и усиливаетъ до невѣроятности массу богатства, напрягая умственныя способности селянина посредствомъ конкуренцiи въ наймѣ и бросая сильные капиталы на опытное усовершенство-

ваніе земледѣльческой практики. Вотъ ея достоинство; но за то самая конкуренція, беземеліе большинства и антагонизмъ капитала и труда доводятъ въ ней по необходимости язву пролетарства до безчеловѣчной и непремѣнно разрушительной крайности. Въ ней страшныя страданія и революція впереди. Вторая форма, французская, дробленіе собственности, негыгодна для хозяйства, замедляетъ его развитіе и во многихъ случаяхъ (именно тамъ, гдѣ нужны значительныя силы для побѣжденія какой нибудь преграды) дѣлаетъ его совершенно невозможнымъ; но это неудобство считаю я неслишкомъ значительнымъ въ сравненіи съ выводами дробной собственности. Нѣтъ сомнѣнія, введеніе этой системы во Франціи удаляетъ, а, можетъ быть, даже отстраняетъ навсегда нашествіе пролетарства, ибо оно мало извѣстно въ сельскомъ быту Франціи и является только въ видѣ исключенія въ нѣкоторыхъ слишкомъ неблагодарныхъ мѣстностяхъ. Нищета есть принадлежность городовъ французскихъ, а не селъ. Но за то эта форма имѣетъ другой существенный недостатокъ, который въ государственномъ отношеніи не лучше пролетарства: это—полная разъединенность. Таковъ результатъ во Франціи современной, по свидѣтельству самихъ французовъ; таковъ онъ будетъ непремѣнно вездѣ. Разъединенность же есть полное оскудѣніе нравственныхъ началъ; а оскудѣніе нравственныхъ началъ есть въ тоже время и оскудѣніе умственныхъ началъ. Отъ этого въ нищенствующихъ селахъ Англіи возстаютъ безпрестанно сильные умы, которыхъ дѣятельность отзывается на всю Англію, а въ поляхъ (селами ихъ назвать нельзя) Франціи человѣкъ такъ слабъ и глупъ, что отъ него не добьется общество ни одной мысли».

«Онъ просто нѣмой; отъ него ни слуха, ни послушанія, по русской поговоркѣ. Конечно, я не возстаю противъ

собственности, ни противъ ея эгоизма; но говорю, что, если кромѣ эгоизма собственности, ничто недоступно человѣку съ дѣтства, онъ будетъ окончательно не то, чтобы дурной человѣкъ, а безнравственно-тупой человѣкъ; онъ одурѣетъ. Слышать только объ общемъ дѣлѣ и потомъ въ немъ участвовать, слышать съ дѣтства судъ и расправу, видѣть, какъ эгоизмъ человѣка становится безпрестанно лицомъ къ лицу съ нравственною мыслію объ общемъ, о совѣсти, законѣ обычномъ, вѣрѣ, и подчиняться этимъ высшимъ началамъ, это истинно-нравственное воспитаніе, это просвѣщеніе въ широкомъ смыслѣ, это развитіе не только нравственности».

Эти всѣ доводы, глубокіе и сильные, приводятъ Хомякова къ выводу, что русская община выше англійской фермы, которой бѣдствія она устраняетъ, и выше французской, которая, «избѣгая бобыльства физическаго, вводитъ бобыльство духовное и даетъ городамъ такой перевѣсъ надъ селомъ». По взгляду Хомякова, вопросъ о помощи бѣднымъ лучше всего разрѣшается въ общинѣ: стариковъ призрѣваютъ, дѣтей кормятъ на основаніи пословицы: «кормится сирота, растетъ работникъ», а негодяи извергаются вонъ. Въ артели, этой прекрасной формѣ соединенія силъ, Хомяковъ видитъ какъ бы примѣненіе начала, привитаго личности общиннымъ воспитаніемъ. «Учрежденіе артелей въ Россіи», говоритъ онъ, «довольно извѣстно; оно оцѣнено иностранцами; оно имѣетъ кругъ дѣйствій шире всѣхъ подобныхъ учрежденій въ другихъ земляхъ. Отчего? Оттого, что въ артель собираются люди, которые съ малыхъ лѣтъ еще жили по своимъ деревнямъ общинною жизнію. Въ артеляхъ почти нѣтъ мѣщанъ, мало дворовыхъ. Вся основа—крестьяне, или вышедшіе изъ крестьянства. Это не случайность, а слѣдствіе нравствен-

наго закона и жизненныхъ привычекъ. Конечно, я не знаю ни одного примѣра совершенно промышленной общины въ Россіи, такъ сказать, фаланстера, но много есть похожаго; напримѣръ, есть мельницы, эксплоатируемыя на паяхъ, есть общія деревенскія ремесла и, что еще ближе, есть деревни, которыя у купцовъ снимаютъ работу и раздаютъ ее у себя по домамъ. Все это неразвито, да у насъ вся промышленность не развита. Народъ не познакомился съ машинами; естественная жизнь торговли нарушена. Когда простѣе устроится нашъ общій бытъ, всѣ начала разовьются, и торговая, или, лучше сказать, промышленная община образуется сама собою». Въ заключеніе разсужденія объ общинѣ, Хомяковъ заявляетъ, что «личная дѣятельность и предпріимчивость должны имѣть свой кругъ дѣйствія»; довольно того, что «они будутъ всегда находить точку опоры въ сельскомъ мірѣ и что въ немъ же, или черезъ него, они будутъ мириться съ общественностью, не выростая никогда до эгоистической разъединенности». Изъ всего сказаннаго у Хомякова объ общинѣ, можно, кажется, вывести несомнѣнное заключеніе, что, придавая ей большое народно-хозяйственное значеніе, видя въ ней могучее средство противъ пролетаріата, онъ, однако, наибольшее значеніе ея видѣлъ въ томъ гражданскомъ воспитаніи, которое она даетъ личности. Здѣсь, съ дѣтства, человѣкъ пріучается къ идеѣ, что онъ долженъ жить и дѣйствовать, даже мыслить и чувствовать въ согласіи съ міромъ, съ соборною мыслью, съ соборною совѣстью. Оторванность личности отъ общества, я бы сказалъ—оторванность единичной совѣсти отъ соборной, бунтарство этой единичной совѣсти противъ совѣсти соборной, принесшее столько золъ Западной Европѣ, въ общинной жизни даже не можетъ зародиться, не только что развиться. Крайнее развитіе индивидуальности привело на западѣ Европы къ

анархизму. Появился сверхъ-человѣкъ, бывшій разбойникъ, превратившійся потомъ въ рабовладѣльца, и, наконецъ, въ анархиста. Необузданное «Я» противоположило себя обществу. Это признакъ разложенія. Общество не можетъ быть составлено изъ неограниченныхъ «я». Только общество есть «Я». Это не соціализмъ, а логика общественности; китайская неподвижность отсюда не можетъ получиться: христіанство требуетъ безконечнаго усовершенствованія человѣческой природы. Притомъ же, читателю извѣстно, что ученіе славянофиловъ требуетъ свободы совѣсти и знанія, свободы мнѣнія и сомнѣнія.

Общинное устройство, по своему нравственному значенію, есть такое великое начало въ русской жизни, что наше законодательство не только его освящаетъ, но и принимаетъ мѣры къ его огражденію отъ возможной внутренней порчи: манифестъ 26 февраля 1903 г., провозгласившая «неприкосновенность общиннаго строя крестьянскаго землевладѣнія», повелѣваетъ, одновременно изыскать способы къ облегченію отдѣльнымъ крестьянамъ выхода изъ общины.

Если бы, въ заключеніе главы о духовномъ складѣ личности, отъ насъ потребовали краткаго отвѣта,—какого же склада личности добивался Хомяковъ, то мы бы сказали: широкаго, христіанскаго, приспособленнаго къ государству, имѣющему задачею осуществленіе христіанскихъ началъ. Въ этомъ отношеніи Хомяковъ стоялъ на почвѣ народной. Для народа же есть одинъ критерій различенія людей: христіанство. Хомяковъ считалъ свое славянофильское дѣло посвященіемъ себя всемірному труду христіанскаго воспитанія [1]), а самый трудъ не однимъ только русскимъ, но и всемір-

---

[1]) Сочиненіе Хомякова т. VIII 277.

нымъ [1]). Вотъ на какихъ высотахъ стоялъ Хомяковъ и обозрѣвалъ вопросы жизни: о «расовой исключительности» не можетъ быть и рѣчи. Любопытно обратить вниманіе на то, какъ понимался вопросъ объ отношеніи государства къ духовному складу личности—въ другихъ умственныхъ лагеряхъ, славящихся любовью къ свободѣ.

Какъ, напримѣръ, понимали отношеніе государства къ духовному складу личности представители не только либерализма, но даже радикализма, видно изъ ихъ ученія о вѣротерпимости. Какъ учили поклонники политическаго народовластія и соціалисты о вѣротерпимости въ государствѣ, лучше всего видно изъ евангелія народовластія, изъ знаменитаго «Contrat social» Ж. Ж. Руссо. Онъ сознаетъ необходимость оставить въ государствѣ религію, но, конечно, основанную не на откровеніи, а на разумѣ, и состоящую изъ немногихъ догмъ. Эти догмы «свѣтской религіи» (religion civile) должны быть просты, немногочисленны, точны, безъ объясненій и комментаріевъ. Вотъ они: существованіе божества всемогущаго, мудраго, благодѣтельнаго, всевѣдущаго и всепредопредѣляющаго; будущая жизнь; награда добрыхъ; наказаніе злыхъ; святость общественнаго договора и законовъ. Далѣе, любопытна расправа съ тѣми, которые, въ государствѣ Руссо, не признаютъ или же отпадаютъ отъ догмъ его «свѣтской религіи». Непризнающіе ея велѣній изгоняются вонъ изъ государства; признавшіе же ихъ публично, но дѣйствовавшіе на практикѣ такъ, какъ непризнающіе ихъ, должны быть не болѣе, не менѣе какъ подвергнуты смертной казни (Contrat social, кн. IV, глава VIII). И этотъ самый Руссо называлъ христіанство религіею рабовъ: «le christianisme ne prêche que servitude et dépandance». Таковы идеи главнѣйшаго

[1]) Т. VIII, стр. 252.

и любимѣйшаго воспитателя европейскаго политическо—образованнаго класса. Такія же идеи, какъ и Руссо, имѣютъ и соціалисты о религіи и ея положеніи въ государствѣ, хотя безъ жестокихъ санкцій въ видѣ изгнанія изъ государства и смертной казни. Нельзя сказать, чтобы проповѣдники идеи народовластія цѣнили и ограждали совѣсть человѣческую отъ грубаго насилія со стороны государства. Справедливо кто то сказалъ про Руссо, что онъ революціонный писатель не столько по идеямъ, сколько по чувствамъ. Руссо былъ слишкомъ уменъ, чтобы быть, по идеямъ, крайнимъ; бунтарство было у него въ крови, а не въ мозгу. Но мозгъ получаетъ свое питаніе отъ крови. Во всякомъ случаѣ, его ученіе о мѣрахъ закона для образованія желательнаго, въ народовластномъ государствѣ, духовнаго склада личности представляется крайне жестокимъ, даже дикимъ. Между тѣмъ, ученіе славянофиловъ объ отношеніи государства къ духовному складу личности запечатлѣно уваженіемъ къ свободѣ ея и высокою гуманностью. Ученіе же объ отношеніи государства къ духовному складу личности есть лучшее мѣрило и политическихъ теорій, и государственныхъ укладовъ. Славянофильская соціальная теорія блистательно выдерживаетъ испытаніемъ этимъ мѣриломъ.

Глава шестая.

Идеи Хомякова о преступленіи и наказаніи.

§ I.

„Помните, что въ каждомъ преступленіи частномъ есть большая или меньшая вина общества".

Эта основная идея Хомякова [1]), стоящая на высотѣ современной криминалистики, не должна удивлять читателя тѣмъ, что Хомяковъ, не будучи криминалистомъ, такъ глубоко заглянулъ въ сущность преступности отдѣльнаго человѣка. Основная идея всѣхъ ученій Хомякова вообще такъ вѣрна, что она, въ области нравственности, не можетъ привести къ невѣрнымъ взглядамъ. Въ настоящее время, уже для всѣхъ ясно, что общество, въ преступленіи каждаго своего члена, должно учесть свою львиную долю виновности. Для всѣхъ уже совершенно понятно, что, нисколько не отрицая волевой способности у отдѣльнаго человѣка, мы, однако, не можемъ не признать, что мотивы человѣческой дѣятельности обусловлены идеями и нравственными привычками отдѣльнаго человѣка, а эти идеи и нравственныя привычки составляютъ результатъ воспитанія и общественной среды. Хомяковъ виновность общества въ преступности отдѣльнаго человѣка выражаетъ въ двухъ пунктахъ: во-первыхъ, «общество мало оберегало своихъ членовъ отъ первоначальнаго соблазна», или же, во-вторыхъ, «оно и не заботилось о христіанскомъ образованіи ихъ». Первое положеніе является широкимъ, можно сказать, всеобъемлющимъ объясненіемъ значительной доли человѣческой преступности вообще. Жизнь цивилизованныхъ народовъ

[1]) Соч. Хомякова, т. I, стр. 402.

полна соблазновъ, могущихъ поколебать даже хорошо упражненную и правильно воспитанную волю. Эта цивилизація какъ будто нарочно неистощима въ придумываніи удобствъ, украшеній и прелестей жизни, чарующихъ человѣка. Она выставляетъ на показъ свои волшебныя прелести, дразня голоднаго и холоднаго бѣдняка и какъ бы говоря ему: «ты—парія; всѣ эти прелести для другихъ; для тебя—сырой подвалъ и корки хлѣба!» И бѣдняку этому, невооруженному никакими нравственными правилами противъ соблазновъ, даже не дается обществомъ работы и пріюта въ тѣ тяжелые горестью дни, когда онъ, по силѣ независящихъ отъ воли его обстоятельствъ, лишается даже того, что уже безусловно необходимо человѣку, чтобы тянуть существованіе хотя бы впроголодь. «Но», говорятъ бѣдняку, лишенному не только удобствъ, но и крова, «побѣждай соблазны силою воли!» Прекрасно. Человѣкъ, получившій, путемъ воспитанія, извѣстныя идеи и нравственныя привычки можетъ иногда временно побѣждать и крайнюю нужду, и сильные соблазны. Но дали ли вы голодному бѣдняку то воспитаніе, какое необходимо для побѣды надъ соблазнами? Дали ли вы—и мы здѣсь переходимъ ко второму пункту виновности общества—этому человѣку, съ раннихъ лѣтъ, то христіанское воспитаніе, которое является просвѣщеніемъ и утѣшеніемъ въ жизни? Если у васъ, въ разныхъ грязныхъ углахъ и логовищахъ, напоминающихъ Дантовъ Адъ, водятся существа одичалыя, звѣроподобныя, способныя на все дурное, такъ какъ зло для нихъ—обычное, повседневное дѣло, то можете ли вы считать себя невиновными въ совершаемыхъ этими звѣрями злодѣяніяхъ? Или вы серьезно вѣрите, что эти звѣроподобныя существа, никогда не подвергавшіяся никакому воздѣйствію религіознаго просвѣщенія, могутъ въ себѣ найти силу для отпора злу, имѣющему въ ихъ горькой судьбѣ благопріятную почву? Можете ли вы притязать на то, чтобы эти от-

бросы человѣчества руководствовались нравственностью въ жизни, когда они никогда не слышатъ слова Божія, никогда не бываютъ въ храмѣ, никогда не получали совѣта и утѣшенія отъ духовнаго отца? Вы посылаете миссіонеровъ въ отдаленные углы земного шара, для распространенія евангелія, а у себя, въ столицахъ и большихъ городахъ, въ логовищахъ порока, нравственнаго и физическаго упадка, вы не имѣете миссіонеровъ для распространенія христіанства? Какъ же вы можете еще жаловаться на то, что у васъ есть преступники, совершающіе безбожныя преступленія? Создали ли вы у себя, въ обществѣ, нравственную атмосферу, въ которой задыхалась и гибнула бы преступная, безнравственная мысль? Какъ же вы можете снимать съ себя отвѣтственность и сваливать ее всю, цѣликомъ, на отдѣльнаго человѣка? Вся ваша общественная жизнь переполнена ложью, ненаказуемыми преступленіями, восхваленіемъ пороковъ, возбужденіемъ чувственности, соблазнительными разсказами и картинами, которыя вы называете «святымъ искусствомъ»! Въ театрѣ вы постоянно изображаете любовныя сцены, картины ревности и убійства, и потомъ негодуете и удивляетесь, что какой-нибудь, всѣмъ этимъ доведенный до послѣдней степени нервной раздражительности, юноша убиваетъ свою возлюбленную, въ припадкѣ какой-то сценической, картинной ревности и жалкаго героизма. Не нравственность въ жизни, а ловкость вы больше всего почитаете. Но когда вашъ же ученикъ, совершая разныя ловкія штуки, неосторожно шагнетъ за еле замѣтную «правовую» границу и очутится у состава преступленія, вы кричите: «мошенникъ, мошенникъ!» А между тѣмъ онъ только виноватъ въ томъ, что, примѣняя хваленую ловкость, не размѣрилъ скачка и перепрыгнулъ чрезъ границу уголовнаго права, представляющаго «минимальную нравственность», по ученію нѣмецкаго профес-

сора. Произошло только современное превращеніе: оборотистость претворилась въ преступность.

Изъ сказаннаго ясно, что судить человѣческую виновность трудная и не по силамъ людямъ задача. «Мнѣ отмщеніе, Я воздамъ». Задача же человѣческая изучить порочныхъ людей, понять, откуда пошли ихъ пороки, ошибки и слабости и сдѣлать затѣмъ все, чтобы, во-первыхъ, измѣнить въ обществѣ условія, порождающія благопріятную почву для преступности; а, во-вторыхъ, принять мѣры противъ самаго преступника. Эти мѣры имѣютъ, прежде всего, своею цѣлью защитить общество отъ преступниковъ, насколько это можетъ быть сдѣлано судомъ уголовнымъ; а, затѣмъ, произвести въ преступной личности тѣ нравственныя перемѣны, какія необходимы для ея нравственнаго улучшенія и приспособленія къ безвредной жизни среди людей.

§ II.

„Наказаніе, будучи послѣдствіемъ преступленія, имѣетъ своею цѣлью исправленіе".

Въ «посланіи къ сербамъ» находимъ страницу о наказаніи, достойную того, чтобы на ней остановился со вниманіемъ законодатель. «Въ судѣ уголовномъ», говоритъ Хомяковъ, «будьте милосердны: помните, что въ каждомъ преступленіи частномъ есть большая или меньшая вина общества... Не казните преступника смертью. Онъ уже не можетъ защищаться, а мужественному народу стыдно убивать беззащитнаго, христіанину же грѣшно лишать человѣка возможности покаяться. Издавна у насъ, на землѣ Русской, смертная казнь была отмѣнена, и теперь она намъ всѣмъ противна и въ общемъ ходѣ уголовнаго суда не допускается. Такое милосердіе

есть слава православнаго племени славянскаго. Отъ татаръ да ученыхъ нѣмцевъ появилась у насъ жестокость въ наказаніяхъ, но скоро исчезнутъ и послѣдніе слѣды ея». Такимъ образомъ, жестокость наказаній, выражающаяся рельефнѣе всего въ смертной казни, устраняется собственно по христіанскимъ основаніямъ. Наказаніе болѣе имѣетъ нравственную цѣль, и потому оно нисколько не унижаетъ человѣка: унижаетъ его прежде всего и только преступленіе. «Многіе ищутъ того», говоритъ Хомяковъ, «чтобы наказаніе было не унизительно для преступника и думаютъ, что въ этомъ они слѣдуютъ духу человѣколюбія. Это великая ошибка. Всякое наказаніе (кромѣ духовнаго назиданія) унизительно потому самому, что оно есть насиліе надъ человѣкомъ, но честь его уже нарушена преступленіемъ и, наказаніе, будучи послѣдствіемъ преступленія, имѣетъ своею цѣлью исправленіе и не прибавляетъ ничего къ безчестію: ибо человѣкъ безчестится не тѣмъ, что терпитъ поневолѣ, а тѣмъ, что терпитъ по волѣ своей. Всякое другое понятіе прилично только людямъ, не вѣрующимъ въ достоинство духа человѣческаго, и годно развѣ для нѣмцевъ, отъ которыхъ оно и пошло, а не для славянъ». Обращаясь къ дальнѣйшей характеристикѣ наказанія, Хомяковъ говоритъ, что правда и милосердіе въ наказаніяхъ заключается въ томъ, чтобы всякая ненужная жестокость была устранена, и чтобы невинный нисколько не страдалъ за виновнаго.

Но замѣчательнѣе всего то, что Хомяковъ, въ такое время, когда никто объ этомъ и не думалъ, поставилъ вопросъ о томъ, что изъ за виновныхъ отцовъ не должны страдать неповинныя дѣти. Высказывая мысль, что невинный не долженъ страдать за виновнаго, Хомяковъ говоритъ: «Не болѣе ли правды въ судѣ китайскомъ (хотя мы, разумѣется, и того не хвалимъ), по которому отцы отчасти наказы-

ваются за дѣтей, которыхъ они воспитали, чѣмъ въ судѣ европейскомъ, гдѣ дѣти отчасти наказываются за отцовъ, на которыхъ они никогда не могли имѣть вліяніе?» Конечно, вопросъ намѣченъ Хомяковымъ лишь слегка, но нужно сказать, что и въ литературѣ уголовнаго права онъ до сихъ поръ только затронутъ у одного французскаго писателя [1]), да въ моемъ послѣднемъ сочиненіи [2]). Ни въ судѣ, ни въ уголовномъ законодательствѣ, вы не встрѣтите слѣда, чтобы кто-нибудь когда-нибудь останавливался на вопросѣ: что же дѣлать бѣднымъ дѣтямъ, лишеннымъ кормильца, что дѣлать горемычной женщинѣ съ брошенною на ея руки цѣлою кучею дѣтей, которыхъ вѣдь нужно кормить, обувать и чему-нибудь учить? До сихъ поръ по этому вопросу въ наукѣ уголовнаго права ничего не сдѣлано. Никого этотъ вопросъ, повидимому, не озабочиваетъ. Постановка этого вопроса у Хомякова, хотя бы и въ самыхъ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, въ такое время, когда между криминалистами никто о немъ и не думалъ, показываетъ еще разъ, какая правильная исходная точка зрѣнія была у Хомякова вообще: даже въ областяхъ жизни, собственно чуждыхъ ему, онъ видѣлъ такъ далеко, какъ и не снилось мудрецамъ—спеціалистамъ въ этихъ областяхъ.

Хомяковъ особенно останавливается на мысли, что наказаніе вообще не можетъ быть унизительнымъ для преступника. «Оно можетъ», говоритъ онъ, «быть унизительнымъ только для наказывающаго, но и въ этомъ должно сохранить здравое понятіе. Человѣкъ не унижается, исполняя горькую обязанность, налагаемую на

---

[1]) Рауль де Грассери, De principes sociologique de la criminologie, Paris, 1902.

[2]) Уголовный законодатель, какъ воспитатель народа. Москва, 1903 г., стр. 102 и слѣд.

него обществомъ и охраненіемъ спокойствія и жизни братьевъ. Часовой, стоящій на часахъ и, такъ сказать, связывающій преступника, дѣлается уже орудіемъ казни; но онъ этимъ не унижается. То же скажемъ и обо всѣхъ временныхъ исполнителяхъ суда, военнаго или общиннаго. Унизительно ремесло постояннаго казнителя, посвящающаго жизнь свою совершенію казней надъ братьями, ремесло палача; вездѣ онъ въ презрѣніи, какъ лицо безнравственное и унижающее человѣческое достоинство; но достойны ли уваженія тѣ общества, которыя сами создаютъ ремесла, унижающія человѣка, и потомъ презираютъ его за то, чему сами виноваты? Это или лицемѣріе, или фарисейская неправда. Устройте уголовные законы такъ, чтобы у васъ не было палача. Именемъ этого ремесла безчестятся законъ и общество, которымъ этотъ законъ управляетъ».

Нужно ли добавлять, что идеи Хомякова о преступленіи и наказаніи стоятъ на высотѣ современной науки, хотя и были высказаны почти полстолѣтія назадъ. Они выражаютъ не только современныя идеи науки уголовнаго права, но даже pia desideria послѣдней. Въ этомъ отношеніи, славянофилы могутъ съ гордостью указать на эти идеи Хомякова, какъ на доказательство, что ученіе Хомякова, провѣряемое на его выводахъ, оказывается ведущимъ къ тому, къ чему кружнымъ, долгимъ и все же не своимъ собственнымъ путемъ доходитъ литература юридическая. Мы сказали «не своимъ собственнымъ» путемъ, потому-что идея объ исправленіи преступника, какъ цѣль уголовнаго наказанія, создана людьми, черпавшими свои исходныя точки зрѣнія изъ своей христіанской вѣры, а никакъ не изъ юридической науки.

§ III.

Сочувствіе Хомякова къ англійскому суду присяжныхъ.

Хотя Хомяковъ не оставилъ спеціальной статьи о судѣ присяжныхъ, но его сочувствіе къ этому суду народной совѣсти совершенно очевидно и не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Въ своемъ «посланіи къ сербамъ» онъ выставляетъ общее положеніе: «Болѣе всего держитесь всякаго учрежденія и суда общиннаго». Кромѣ другихъ основаній, сводящихся къ политическому воспитанію личности, въ общинномъ судѣ, по убѣжденію Хомякова, «болѣе правды, чѣмъ во всякомъ другомъ». Кромѣ того, Хомяковъ придавалъ громадное значеніе благодѣтельному вліянію, какое можетъ оказать правильно устроенное учрежденіе присяжныхъ на всю жизнь народа. «Повѣрьте», говоритъ онъ въ статьѣ: «о юридическихъ вопросахъ» [1]), «судъ присяжныхъ (разумѣется, англійскій, а не жалкій выродокъ его, французскій) имѣлъ на Англійскую исторію такое благодѣтельное вліяніе, котораго еще не догадались оцѣнить народы».

Но что замѣчательнѣе всего, что характернѣе всего для проницательности Хомякова и для его, я бы сказалъ, инстинкта правды, это его глубокое проникновеніе въ высокое значеніе принципа единогласія въ судѣ присяжныхъ. Какъ уже выше было замѣчено, авторъ настоящаго сочиненія, много лѣтъ тому назадъ, въ диссертаціи о судѣ присяжныхъ, высказалъ, вынесенное имъ изъ жизни въ Англіи, сочувствіе къ принципу единогласія. Вся его книга о «судѣ присяжныхъ» была имъ написана единственно съ цѣлью выяснить условія, при которыхъ единогласіе могло бы быть введено въ нашемъ

[1]) Сочиненіе Хомякова, т. III, стр. 334 и слѣд.

судѣ присяжныхъ. Въ нашей литературѣ, всегда узко-тенденціозной и совсѣмъ несамостоятельной во взглядахъ своихъ, ученически-зависимой отъ кабинетныхъ теорій нѣмецкихъ профессоровъ, на эту защиту единогласія посмотрѣли просто, какъ на проявленіе какого-то англоманства, а потому и не подвергнули обстоятельному обслѣдованію. Прозорливый умъ Хомякова оцѣнилъ по достоинству англійскій принципъ единогласія. Для него было совершенно ясно, что принципъ абсолютнаго большинства есть физическое превозмоганіе. «Система простого большинства», сказано въ сочиненіи нашемъ «Судъ присяжныхъ» (Харьковъ, 1873, стр. 139), «имѣетъ за себя одинъ только слѣдующій доводъ: принципъ простого большинства примѣняется во всѣхъ собраніяхъ, гдѣ должны быть приняты какія-нибудь рѣшенія по обсуждаемымъ вопросамъ. Но дѣло въ томъ, что начало, примѣняемое при рѣшеніи вопросовъ въ парламентахъ, не можетъ быть приложено къ суду. Въ самомъ дѣлѣ, что означаетъ указанный принципъ въ примѣненіи къ парламентамъ? Принимая какое-нибудь рѣшеніе простымъ большинствомъ голосовъ, парламентъ какъ бы говоритъ: «мы, большинство, желаемъ такого-то закона, такой-то системы податей, такихъ и такихъ-то мѣръ, и мы ихъ принимаемъ! Вы, меньшинство, съ нами несогласны, но въ государствѣ слѣдуетъ обращать вниманіе на большинство, ибо воля государства не что иное, какъ воля большей части его гражданъ...» Посмотримъ теперь, имѣетъ ли какой-нибудь смыслъ принципъ большинства въ примѣненіи къ вердиктамъ присяжныхъ? Давая, свое рѣшеніе, присяжные не говорятъ: «мы, присяжные, по разсмотрѣніи дѣла, желаемъ, чтобы подсудимый былъ виновенъ въ такомъ-то преступленіи, а потому мы и объявляемъ его виновнымъ». Вердиктъ не можетъ имѣть такого смысла. Въ дѣйствительности, представляя свое рѣшеніе, при-

сяжные какъ бы говорятъ: «по изслѣдованіи дѣла, по совѣщаніи между собою, мы пришли къ заключенію, что подсудимый дѣйствительно виновенъ». Такимъ образомъ, мы здѣсь имѣемъ дѣло не съ выраженіемъ того или другаго желанія, не съ актомъ воли, а съ логическимъ результатомъ изслѣдованія, съ плодомъ исканія истины. Слѣдовательно, принципъ большинства здѣсь теряетъ всякую раціональную основу, потомучто убѣжденіе 5 присяжныхъ можетъ быть часто также правильно, какъ и убѣжденіе 7». Хомяковъ, въ своемъ замѣчаніи о единогласіи присяжныхъ въ Англіи, даетъ превосходное объясненіе нравственнаго значенія голода, которымъ можетъ вынуждаться единогласіе. Обыкновенно говорятъ, что какой-нибудь здоровенный мясникъ, или свиноторговецъ можетъ побѣдить добросовѣстнѣйшаго и разумнѣйшаго присяжнаго просто большею выносливостью въ перенесеніи недостатка въ пищѣ и питьѣ. Такой очень обыкновенный доводъ до извѣстной степени обезсиливается у Хомякова слѣдующимъ глубокимъ замѣчаніемъ: «Гдѣ нѣтъ личностей (онѣ устранены самымъ правиломъ суда присяжныхъ), тамъ спасающій невиннаго втрое перетерпитъ противъ того, кому хочется казни виноватаго». Самая вѣра въ голодъ, которымъ вымучивается единогласіе, «есть явленіе великаго нравственнаго чутья», по выраженію Хомякова.

Возвращаясь къ значенію единогласія, какъ принципа въ судѣ присяжныхъ, завѣщаннаго Хомяковымъ, мы, безъ точныхъ данныхъ, не можемъ сказать, какъ отразился на дѣятельности нашего суда присяжныхъ принятый въ немъ принципъ простаго большинства. Мы можемъ только предполагать, что, говоря вообще, приговоры присяжныхъ при единогласіи, должны быть болѣе обдуманы, болѣе осторожны, такъ какъ каждое мнѣніе, кѣмъ

бы оно ни было высказано, должно быть обсуждено: его нужно или побѣдить, или признать побѣдившимъ. А побѣда одерживается послѣ старательнаго обсужденія всѣхъ подробностей дѣла. Но, понятно, что, главнымъ образомъ, характеръ дѣятельности суда присяжныхъ, въ той или другой странѣ, обусловленъ всѣмъ умственнымъ и нравственнымъ уровнемъ общества. Нельзя разсчитывать на справедливость и большую обдуманность тамъ, гдѣ господствуютъ стихійность чувства и мысли, гдѣ человѣкъ еще не перешелъ, чрезъ стадію привычки обдумывать, къ тому чувству справедливости, которая во всѣ стороны смотритъ и все взвѣшиваетъ, умѣя устранить изъ обсужденія эгоизмъ, личный или стадный. Притомъ же, дѣятельность сторонъ на судѣ сильно вліяетъ на присяжныхъ, и разгулъ словъ, несдерживаемыхъ чуткою совѣстью, часто затемняетъ истину въ томъ залѣ, гдѣ, казалось бы не мѣсто, преувеличеніямъ.

Глава седьмая.

Взгляды Хомякова на гражданское судопроизводство.

§ I.

Земельная собственность.

Нельзя, конечно, и предполагать, что у Хомякова можно найти какія-нибудь ученія о гражданскомъ правѣ, отъ котораго, какъ отъ науки, онъ былъ совсѣмъ ужъ далекъ. Но съ однимъ вопросомъ, получающимъ свое оформленіе въ гражданскомъ правѣ, онъ, по сущности своего общаго

ученія, не могъ не сталкиваться, и сталкиваться самымъ серьезнымъ образомъ. Вопросъ о земельной собственности слишкомъ глубокъ и важенъ, чтобы онъ могъ разрѣшаться, такъ сказать, средствами гражданскаго права. Это, по существу, вопросъ государственный, въ гражданскомъ же правѣ идетъ рѣчь объ оформленіи того, что выработано экономическими и другими могучими творилами въ жизни. Великій вопросъ о земельной собствености есть вопросъ для всего цивилизованнаго міра. Можетъ ли земной шаръ быть дробимъ на кусочки между частными лицами такъ, чтобы эти лица, получивъ право собственности, навсегда почитались неизмѣнными собственниками этихъ кусочковъ? Или же земля находится въ собственности государства, и лишь во владѣніи физическихъ и юридическихъ лицъ? Или еще лучше: можетъ быть, умѣстно выковать такую формулу: земля—божья, во владѣніи государства и въ пользаваніи у отдѣльныхъ лицъ или человѣческихъ союзовъ?

Хомяковъ, въ письмѣ къ Ю. Ѳ. Самарину (въ половинѣ 1848 г.), говоритъ: «Наша эпоха, можетъ быть, по преимуществу, зоветъ и требуетъ къ практическому приложенію. Вопросы подняты, и такъ какъ эти вопросы историческіе, то они могутъ быть разрѣшены не иначе, какъ путемъ историческимъ, т. е. реальнымъ проявленіемъ въ жизни. Для насъ, русскихъ, теперь одинъ вопросъ всѣхъ важнѣе, всѣхъ настойчивѣе. Вы его поняли и поняли вѣрно [1]). Давно уже я ношусь съ нимъ и старался его истинный смыслъ выразить, елико возможно, ясно. Спасибо вамъ за то, что вы попали на ту юридическую форму, которая выражаетъ этотъ смыслъ, съ наибольшею ясностью и отчетливостью, именно

[1]) Вопросъ крестьянскій. Дѣло идетъ о запискѣ Самарина по вопросу объ устройствѣ лифляндскихъ крестьянъ, проводящей мысль объ освобожденіи крестьянъ не иначе, какъ съ землею. Записка напечатана въ II т. соч. Ю. Ѳ. Самарина.

на существованіе у насъ двухъ правъ, одинаково крѣпкихъ и священныхъ: права наслѣдственнаго на собственность и такого же права наслѣдственнаго на пользованіе. Въ болѣе абсолютномъ смыслѣ, въ частныхъ случаяхъ, право собственности истинной и безусловной не существуетъ: оно пребываетъ въ самомъ государствѣ (въ великой общинѣ), какая бы ни была его форма. Можно доказать, что это общая мысль всѣхъ государствъ, даже европейскихъ. Всякая частная собственность есть только болѣе или менѣе пользованіе, только въ разныхъ степеняхъ. По исторіи старой Руси можно, кажется, доказать, что таково было значеніе даже и княжеской собственности, по крайней мѣрѣ, поземельной. Наша собственность (пользованіе въ отношеніи къ государству) есть собственность въ отношеніи къ другимъ частнымъ людямъ и, слѣдовательно, къ крестьянамъ. Ихъ право въ отношеніи къ намъ есть право пользованія наслѣдственнаго; дѣйствительно же оно разнится отъ нашего только степенью, а не характеромъ и подчиненностью другому началу—общинѣ». Вопросъ объ отношеніи государства къ земельной собственности разъясняется, если мы частную собственность земельную будемъ понимать въ смыслѣ наслѣдственнаго пользованія, а право земельной собственности принадлежащимъ лишь государству, — право собственности, конечно, въ смыслѣ владѣнія, ибо народы преходящи, земля же постоянна. Это право собственности государства надъ землею юристы называютъ dominium territoriale, и это dominium есть eminens въ томъ смыслѣ, что право государства имѣетъ перевѣсъ надъ правомъ частныхъ лицъ, ибо оно основано на цѣляхъ общаго блага. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эта превозмогающая собственность и даетъ государству возможность регулировать вопросъ о земельной собственности не по правиламъ гражданскаго права, не имѣющаго въ данномъ вопросѣ самостоятельныхъ началъ, а по требованіямъ об-

щаго блага. Это «государственная собственность» даетъ государству право на экспропріацію собственности, въ видахъ общаго блага. Что должно быть принимаемо во вниманіе при опредѣленіи размѣра вознагражденія за экспропріацію, объ этомъ не можетъ быть спора въ настоящее время, пока мы находимся на почвѣ дѣйствительной жизни. Современное государство беретъ во вниманіе, при экспропріаціи, существующія цѣны,—другого способа оцѣнки и придумать нельзя. Защитники же фантастическаго «трудового государства», при воображаемой ликвидаціи крупнаго землевладѣнія, полагаютъ возможнымъ отрѣшиться отъ понятія права собственности, какъ «особаго отношенія, созданнаго силою и совершенно оторваннаго отъ хозяйственныхъ основъ». Они имѣютъ въ виду возстановить связь между «собственностью и человѣческими потребностями»! Вотъ почему они и полагаютъ, что, при ликвидаціи современной земельной собственности, можно будетъ крупнымъ землевладѣльцамъ назначить «умѣренную ренту», которой будетъ достаточно для удовлетворенія дѣйствительныхъ, законныхъ потребностей [1]). Но это уже не правовая экспропріація, какъ она выработана въ законадательствахъ, а нѣчто совсѣмъ другое, еще въ жизни неиспытанное и неизвѣстное, а лишь воображаемое.

§ II.

„Дайте совѣсти мѣсто и въ судѣ гражданскомъ“.

Общій взглядъ Хомякова на гражданское судопроизводство былъ проникнутъ сознаніемъ, что въ судѣ гражданскомъ правда часто страдаетъ ради буквы и формы.

---

[1]) Menger, Neue Staatslehre, 1903, s 314.

Въ «посланіи къ сербамъ» Хомяковъ даетъ имъ такой завѣтъ, имѣющій, конечно, равное значеніе и для Россіи: «Дайте совѣсти мѣсто и въ судѣ гражданскомъ. Стыдно, когда законный обрядъ въ обществѣ болѣе имѣетъ значенія, чѣмъ правда и добрая совѣсть; а это часто случается у другихъ народовъ. Не развивайте у себя сутяжничества: оно противно миру и братолюбію. Мы знаемъ, что хорошо бы было, если бы всякій споръ шелъ на третейскій судъ; затѣмъ, если третьи несогласны между собою, пусть споръ рѣшается общиною; а если онъ происходитъ между членами разныхъ общинъ, пусть онъ идетъ на судъ людей постороннихъ, чтобы не было раздора между общинами». Въ статьѣ: «о юридическихъ вопросахъ [1])», онъ останавливается спеціально на вопросахъ гражданскаго судопроизводства и, нужнѡ сказать, высказываетъ при этомъ мысли, не только заслуживающія вниманія, но поражающія своею проницательностью, тѣмъ болѣе въ данномъ случаѣ любопытною, что Хомяковъ вращается въ кругу вопросовъ, далекихъ отъ его привычныхъ областей мысли: богословія, философіи и исторіи. Въ то время, когда писалась статья «о юридическихъ вопросахъ», въ Россіи вообще обсуждался вопросъ о преобразованіи суда письменнаго, тайнаго, и въ настоящее время, когда письменный судъ отошелъ навсегда въ вѣчность, любопытно прочесть слѣдующія строки у Хомякова, сознававшаго вполнѣ ясно необходимость перейти къ судопроизводству устному. Не только сознавалъ Хомяковъ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ необходимость перехода къ процессу устному и публичному, но оказывается, что уже въ началѣ тридцатыхъ годовъ Хомяковъ проводилъ мысль о печатаніи процессовъ съ рѣшеніями, по желанію и съ отвѣт-

---

[1]) Соч. Хомякова, т. I, стр. 324.

ственностью частныхъ лицъ (тяжущихся или постороннихъ), съ цѣлью получить нѣкоторыя выгоды гласности. «Гласность судебная», говорилъ Хомяковъ въ статьѣ «о юридическихъ вопросахъ», «оказывается необходимостью, разумною потребностью нашего времени. Куда же дѣнется наша старая знакомая, источникъ столькихъ выгодъ, кумиръ старыхъ законознахарей (особый русскій видъ законовѣдовъ), куда дѣнется она, во всѣхъ отношеніяхъ дорогая концелярская тайна? Sic transit gloria mundi. Вотъ уже большой шагъ впередъ».

Обращаясь, затѣмъ, къ суду говоренному и признавая его всевозможныя преимущества передъ судомъ письменнымъ, между прочимъ его воспитательное значеніе для развитія логики права, Хомяковъ, однако, полагаетъ, что улучшеніе судебнаго организма въ обществѣ еще не завершается переходомъ отъ письменности къ живой рѣчи. «Перемѣна», говоритъ онъ (ibid), «остается еще въ области формальной. Положимъ, что она, какъ я уже сказалъ, воздѣйствуетъ и на область нравственную; все таки она сама принадлежитъ области низшей и, слѣдовательно, ея воздѣйствіе на высшую область остается и навсегда останется крайне ограниченнымъ». Признавая, что въ письменности есть что-то сухое, мертвое, есть что-то отвратительное, отзывающееся неправдою, что въ устности, напротивъ, есть торжественность, что есть какая то теплая струя человѣческихъ сочуствій въ рѣчахъ докладчиковъ и защитниковъ, Хомяковъ продолжаетъ: «Но сколько актерства въ торжественности, сколько шума, клокотанія, мыльной пѣны и брызговъ—въ струѣ адвокатскихъ рѣчей! Посмотримъ на земли, гдѣ говорится, а не пишется судъ. Не раззорительный процессъ? Часто раззорительнѣе, чѣмъ у насъ. Не продолжителенъ? Сравнительно съ нашимъ гораздо короче... а за всѣмъ тѣмъ все таки крайне продолжителенъ. Не возникаетъ ли изъ ни-

чего и недоростаетъ ли до громадныхъ размѣровъ? Отрицать это можетъ только тотъ, кто вовсе не читаетъ иностранныхъ книгъ по законовѣдѣнію, или даже журналовъ и романовъ. Не обращается ли въ страсть и привычку? Можетъ быть, даже болѣе чѣмъ у насъ... Не считается ли язвою для бѣдняка?..» Но всѣ эти темныя стороны говореннаго суда—а все на свѣтѣ имѣетъ тѣневыя стороны—не мѣшаетъ Хомякову признавать необходимость перехода къ суду гласному и устному. Но приведенныя мѣста изъ статьи Хомякова показываютъ, что еще до преобразованія судовъ онъ вполнѣ отчетливо предвидѣлъ и будущіе недостатки грядущаго гласнаго гражданскаго суда, достаточно уже проявившіеся у насъ.

Тѣмъ не менѣе онъ ясно сознавалъ необходимость перехода къ новому суду. «Поэтому», замѣчаетъ Хомяковъ, «я и не говорю: то, что хорошо на западѣ, можетъ быть нехорошо въ Россіи, что «Отечественныя Записки» считаютъ правиломъ грустнымъ, но едва ли основательно. Собственно правило это основательно и ничего особенно грустнаго не заключаетъ, кромѣ грустной необходимости думать, а не перенимать. Отъ роду никто въ Англіи не грустилъ о томъ, что положеніе, годное во Франціи, негодно для Англіи, но дѣло теперь не въ томъ. Я говорю: то, что неудовлетворительно на западѣ, будетъ еще менѣе удовлетворительно въ Россіи, хотя оно и необходимо, какъ частное измѣненіе судопроизводства». Въ настоящее время, у насъ въ обществѣ, все же еще позволяется указывать на тѣ или другія неудовлетворительныя стороны судовъ. Такое указаніе не вызываетъ противъ себя цѣлой бури негодованія въ прессѣ, конечно, изображающей прессу очень свободно мыслящую. Лѣтъ 10—15 тому назадъ достаточно было указать на всѣмъ бросающійся въ глаза недостатокъ судопроизводства, чтобы сейчасъ же начали кри-

чать: «обскурантъ» или «парадоксальный умъ». Либеральная пресса, «защищающая» наши суды, имѣетъ постоянно видъ курицы, шумно оберегающей своимъ тѣломъ цыплятъ отъ страшнаго коршуна. Но, во-первыхъ, и коршуна то нѣтъ; а, во-вторыхъ, судъ, и уголовный, и гражданскій, во всѣхъ своихъ типахъ, такъ вообще мало даетъ положительнаго добра народу, что во всѣхъ своихъ формахъ онъ представляетъ только большую или меньшую степень зла, и поэтому вообще можетъ быть только рѣчь о введеніи наименьшаго зла.

Ни для кого не тайна, что уголовный судъ, въ современномъ своемъ видѣ, въ Европѣ, не даетъ общественной безопасности, а гражданскій судъ—правды. Въ этомъ суды даже и не виноваты: уголовный судъ, по самому своему существу, не можетъ дать безопасности,—ее можетъ дать только администрація, предупреждающая преступленія и держащая подъ своею опекою опасные классы общества. Гражданскій судъ, при современномъ гражданскомъ правѣ и современныхъ своихъ началахъ, не можетъ дать правды, которой, прежде всего, мало и въ самомъ гражданскомъ правѣ. Условная же, формальная «цивилистическая» правда нынѣшняго гражданскаго правосудія никого не удовлетворяетъ. Сердце отца, сынъ котораго убитъ шальнымъ босякомъ, начитавшимся дурныхъ книжекъ и напитавшимся идеями о сверхъ-человѣкахъ, нисколько не успокоится оттого, что именно сказалъ судъ о босякѣ,—«виновенъ, или невиновенъ». Этотъ вердиктъ не избавитъ отца отъ безвозвратности потери и не предупредитъ горя другого отца. Другихъ отцовъ спасетъ только дѣятельность, направляемая на устраненіе босяковъ вообще, такая дѣятельность, послѣ которой босяки сдѣланы будутъ безвредными для общества.

§ III.

„Исканіе правды выше исканія суда".

Замѣчательны мысли, высказываемыя Хомяковымъ о гражданскомъ судопроизводствѣ, наиболѣе отвѣчающемъ правильнымъ требованіямъ. Не нужно, однако, думать, что идеи Хомякова отрѣшаютъ отъ требованій дѣйствительности, суть идеологическаго свойства. Конечно, онѣ не разработаны, не приняли формы практической, не приспособлены къ жизни. Но, въ качествѣ верховныхъ принциповъ теоріи, или философіи гражданскаго процесса, они имѣютъ большое значеніе и, поистинѣ, могутъ служить завѣтами для законодательства.—Свое изложеніе вопроса о наилучшемъ способѣ рѣшенія гражданскихъ споровъ, Хомяковъ начинаетъ тѣмъ, что ставитъ основный принципъ: ut sit finis litium и, въ этомъ отношеніи, поступаетъ, какъ настоящій заправскій англійскій юристъ. «Миръ», говоритъ онъ въ статьѣ «о юридическихъ вопросахъ», «въ общсствѣ необходимъ; нельзя терпѣть продолжительнаго спора. Кончайте чѣмъ угодно, хоть дракою, хоть пыткою, хоть жеребьемъ, но кончайте. Слѣдовательно, судъ необходимъ, и весь процессъ имѣетъ его въ виду. Для большаго удобства, для большаго удовлетворенія внутреннему требованію правды, которая лежитъ въ человѣческой природѣ, при постоянно возрастающей матеріализаціи общества, развивается дѣло кодификаціи, большая опредѣлительность законовъ и утвержденіе казенной мѣрки правды. По ней будутъ рѣшаться споры. Требуется не правда, а законность, иначе—законосообразность. Изъ этого возникаетъ несогласіе между правдою внутреннею и правомъ законнымъ, между equitè и ustice; но это пустяки. Вѣдь цѣль то не правда, а судъ, дающій миръ, тишину и благоденствіе обществу. Дѣй-

ствительно, за отвлеченностью не угонишься. Довольно для общества условной случайности, которую очень легко опредѣлить. Развѣ не все случайно и условно?». Понятно, что Хомяковъ, говорящій это скорѣе съ ироніею, такою случайностью, такою условностью удовлетворяться не можетъ, какъ бы она ни объяснялась логически. Но на вопросъ, такова ли должна быть сущность гражданскаго процесса, онъ отвѣчаетъ, конечно, отрицательно. «Первымъ правиломъ всякаго гражданскаго общества», говоритъ онъ, «должно быть признаніе человѣческой правды, какъ той цѣли, къ которой оно обязано стремиться. Это признаніе, по необходимости, сопровождается вѣрою въ святость, обязательность и силу правды для всѣхъ членовъ общества. Тутъ и должно искать точки отправленія для гражданскаго судопроизводства». Хомяковъ, раздѣляетъ дѣла на безспорныя и спорныя. «Если искъ безспорный, и право признано всѣми, вопросъ остается въ области административной, и удовлетвореніе истца должно быть въ самомъ скоромъ времени». «Но если споръ признанъ разумнымъ, если есть сомнѣніе, общество уже должно допустить, что самая правда неясна и, слѣдовательно, неясна по преимуществу для тяжущихся, которыхъ личныя выгоды, по необходимости, ослѣпляютъ болѣе или менѣе. Вопросъ уже предлежитъ объ уясненіи самой правды, дабы она открылась всѣмъ и по преимуществу тѣмъ самымъ, чьи права подали поводъ къ недоразумѣніямъ. Тутъ исчезаютъ истецъ и отвѣтчикъ: остаются только люди, ищущіе правды. Но личныя страсти, присущія людямъ, затемняютъ ихъ разумъ. Они выбираютъ третей, а третьи—это они же сами, но внѣ вліянія ихъ страстей. Согласіе третей рѣшаетъ всякій вопросъ, не стѣсняясь никакимъ положительнымъ правиломъ законодательства, разумѣется только въ отношеніи къ самимъ тяжужимся. Дальнѣйшій ходъ и развитіе цѣлой

судебной системы не мое дѣло; но таково должно быть, по моему мнѣнію, начало всякаго гражданскаго процесса (за исключеніемъ нѣкоторыхъ, требующихъ спеціальнаго знанія), и нѣтъ сомнѣнія, что едва ли какая-нибудь четвертая часть дѣлъ потребуетъ вмѣшательства общественнаго суда. Сколько тяжбъ основано на недоразумѣніи и даже полномъ незнаніи! Сколько питается и лелѣется личными выгодами дѣльцовъ и адвокатовъ (замѣтьте, что я даже не говорю о судебныхъ злоупотребленіяхъ)! И всѣ эти многолѣтнія растенія поблекнутъ въ своемъ первомъ возрастѣ. Самая страсть къ тяжбамъ, страсть разорительная и безнравственная, болѣе обыкновенная въ земляхъ судоговоренія, чѣмъ судописанія, исчезнетъ. Есть сила отрезвляющая въ тихомъ, безформенномъ и безшумномъ посредничествѣ третей, есть въ немъ какое-то невольное пробужденіе совѣсти и чувства правды, есть что-то враждебное страстямъ». Описывая дальше добрыя стороны третейскаго суда, Хомяковъ указываетъ на его доступность; но главнѣйшее его достоинство онъ все же видѣлъ въ его свободѣ отъ стѣсненія буквою. Законъ гражданскій, по мысли Хомякова, есть показатель средней нравственной высоты общества; но стремленіе къ большей высотѣ лежитъ всегда въ самомъ обществѣ и болѣе достижимо, конечно, въ судѣ третейскомъ, чѣмъ судѣ формальномъ.

«Какъ сохранить», говоритъ Хомяковъ, «по крайней мѣрѣ, отчасти эту выгоду при дальнѣйшемъ ходѣ тяжбы, неоконченной третьями, будетъ другой вопросъ, о котомъ я говорить не буду; но мнѣ кажется, и это соображеніе еще не есть главное и рѣшительное. Первымъ и важнѣйшимъ считаю я слѣдующее: всѣ формы тяжбы, употребляемыя, суть исканія суда; третейскій судъ есть исканіе правды. Въ другихъ сила правды въ судѣ, въ немъ сила суда въ правдѣ.

Слѣдовательно, третейскій судъ нравственно выше другихъ, восколько исканіе правды выше исканія суда. Не даромъ старая Русь давала ему значительное мѣсто въ законодательствѣ и еще болѣе, какъ кажется, въ обычаѣ». Во всемъ, что изложено выше изъ разсужденій Хомякова о третейскомъ судѣ, мы придаемъ главнѣйшее значеніе тому основному началу, которое онъ поставилъ центральнымъ въ гражданскомъ процессѣ. Вопросъ объ осуществленіи идеи третейскаго суда въ дѣйствительности—чрезвычайно сложный, которымъ мы здѣсь не можемъ заняться съ подобающею основательностью. Такой вопросъ долженъ былъ бы занять цѣлую монографію. Встрѣчаясь у всѣхъ народовъ, какъ первобытная форма суда, третейскій судъ, въ современной сложной, переполненной техническими подробностями, жизни, не находитъ примѣненія, хотя и могъ бы примѣняться, такъ какъ законодательство ему не ставитъ препятствій. Проф. Вицынъ [1]), въ своемъ историко-догматическомъ излѣдованіи о судѣ третей выставилъ, какъ тезисъ, слѣдующее положеніе: «Въ современной дѣйствительности обращеніе къ добровольному третейскому суду чрезвычайно рѣдко и нельзя надѣяться, что современемъ этотъ способъ разбирательства сдѣлается болѣе употребительнымъ». Почти 50 лѣтъ, протекшихъ послѣ выпуска дессертаціи Вицына, оправдали это положеніе. Обращеніе къ третейскому суду почти не встрѣчается на практикѣ. Какая этому причина? Причина очевидна гражданскій процессъ, въ настоящее время, есть какъ бы судебный поединокъ, въ которомъ, говоря вообще, можетъ выигрывать не правда, а искусство и формальные доводы. Люди въ гражданскомъ судѣ ищутъ не правды, а побѣды, и во всякомъ случаѣ не торжества истины, а тор-

---

[1]) Вицынъ, Третейскій судъ, Москва, 1856, положенія.

жества доказательствъ, доводовъ, процессуальной атлетики. «Я играю гражданскимъ процессомъ, какъ мячомъ», говорилъ при мнѣ одинъ опытный процессуальный атлетъ, и обыватель, слушавшій его, съ обожаніемъ смотрѣлъ на него, потому-что для обывателя гражданскій процессъ есть просто средство или наживы, или избавленія отъ исполненія обязательства. «Вообще», говоритъ Вицынъ въ томъ же сочиненіи (стр. 95), «надежда выиграть неправое дѣло какими нибудь путями имѣетъ не малое вліяніе на рѣдкость обращенія къ третейскому суду. Или неправая сторона надѣется, по крайней мѣрѣ, проволочить дѣло, отдалить рѣшеніе: третейскій судъ не желателенъ для нея». Поддерживая идею третейскаго суда, Хомяковъ (ibid., стр. 332) обращаетъ вниманіе и на то, что сутяжничество представляетъ не только корыстную дѣятельность человѣка, но завлекаетъ и борьбою. «Я назвалъ», говоритъ онъ, «тяжболюбіе страстію безнравственною, но оно все таки для меня понятно съ его лучшей и какъ будто благороднѣйшей стороны. Оно содержитъ въ себѣ какое то игрецкое или даже боевое начало. Быть можетъ, наблюдатель нравовъ замѣтитъ, что страсть къ тяжбамъ особенно свойственна племенамъ воинственнымъ, и что завоевательница Англіи, Нормандія, не даромъ славится своею процессивностью. Есть что-то мужественное въ желаніи не уступать безъ боя». Предъ третейскимъ судомъ, полагаетъ Хомяковъ, исчезло бы это боевое начало вмѣстѣ «со всѣми pomp and ceremonies of war», какъ говоритъ Шекспиръ.

Стремленіе ввести правду въ гражданскій процессъ вытекаетъ вообще изъ глубокаго убѣжденія, присущаго людямъ, что въ этомъ процессѣ широкая арена для несправедливыхъ рѣшеній. Нужно, конечно, помнить что гражданскому процессу приписываются, въ большой публикѣ, юридически неосвѣдомленной, и тѣ неправды, кото-

рыя коренятся въ гражданскомъ правѣ. Наконецъ, необходимость ограждения правъ и принципъ jus disponendi (право распоряженія) всегда будутъ вносить въ гражданское судопроизводство извѣстный формализмъ. Но каждый, знакомый съ гражданскимъ правомъ, признаетъ, что въ гражданскихъ дѣлахъ бываютъ такія стороны, гдѣ рѣшеніе по совѣсти возможно и вполнѣ возможно безъ всякаго потрясенія необходимой крѣпости правъ и законной области jus disponendi. Словомъ, возможно ввести справедливость и въ гражданскій процессъ. Но для этого нужно, чтобы въ обществѣ измѣнился основной взглядъ на гражданское судопроизводство. Нужно, чтобы и въ гражданскомъ правѣ люди видѣли область, гдѣ справедливость является внутреннимъ, оживляющимъ началомъ. Что для этого нужно сдѣлать, какую нужно дать внутреннюю организацію суду гражданскому, это вопросъ слишкомъ сложный, чтобы его можно было здѣсь разсмотрѣть. Одно ясно: и гражданскій процессъ нуждается въ правдѣ.

§ IV.

„Отвѣтчикъ имѣетъ право требовать пути слѣдственнаго".

Для руководящихъ теорій гражданскаго судопроизводства Хомяковъ далъ нѣсколько идей, которыя, по глубинѣ своей, вызываютъ большое сочувствіе: такъ глубоки основы этихъ идей, такъ послѣдовательно онѣ вытекаютъ изъ верховныхъ положеній общаго ученія Хомякова о государствѣ. Но послушаемъ самого Хомякова. «Въ спорѣ о способахъ веденія суда почти случайно появился другой вопросъ о томъ», говоритъ Хомяковъ въ той же статьѣ о «юридическихъ вопросахъ» «кому должны принадлежать хлопоты объ отыскиваніи и доставленіи документовъ, суду ли, или тяжущемуся. Извѣстно, что рѣше-

ніе его раздѣляетъ европейское законодательство на двѣ системы, и, слѣдовательно, еще не добыто наукою. Онъ примѣшался теперь къ вопросу о формѣ судопроизводства, какъ частность; но дѣйствительно онъ принадлежитъ къ области высшей, къ области нравственной, къ теоріи объ отношеніи общества къ его членамъ и администраціи къ правдѣ».

Вопросъ о томъ, какое начало должно быть положено въ основу гражданскаго процесса, начало слѣдственное (самъ судъ изыскиваетъ доказательства) или начало обвинительное (стороны изыскиваютъ доказательства, судъ только иногда указываетъ, что и кѣмъ должно быть доказано) есть основной вопросъ философіи процесса, формирующій все судопроизводство, и въ этомъ отношеніи только не-юристъ можетъ его назвать частностью. Но, съ другой стороны, Хомяковъ проникнулъ, глубже юристовъ, въ сущность дѣла, сказавъ, что этотъ основной вопросъ коренится въ «области нравственной». Обсуждая дальше вопросъ объ основномъ началѣ гражданскаго процесса, разрѣшеннаго у насъ во время Хомякова иначе, чѣмъ теперь, Хомяковъ говоритъ: «рѣшеніе вполнѣ удовлетворительное едва ли возможно, по причинѣ самой исторической случайности, лежащей въ основѣ каждаго существующаго общества; но если не ошибаюсь (ибо не имѣю притязанія знать всю юридическую литературу Европы), самый вопросъ до сихъ поръ разсматривался поверхностно и запутанъ соединеніемъ «тяжущихся» въ одну графу, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности ихъ нравственныя отношенія къ суду вовсе неодинаковы. Во всякомъ дѣлѣ является истецъ и отвѣтчикъ, т. е. требованіе съ одной стороны и отказъ, съ другой, или иначе: воля, просящая о нарушеніи чего то, и воля, охраняющая уже существующій фактъ. Одинаковы ли ихъ нравственныя права предъ общественнымъ судомъ? Истецъ

выступаетъ, какъ зачинщикъ: онъ готовъ къ бою, на который самъ напрашивается; отвѣтчикъ—боецъ невольный и, слѣдовательно, весьма часто неготовый. Еще болѣе: существующее (какое ни было бы его начало) имѣетъ право на общественную защиту, покуда не уличено въ неправдѣ; наконецъ, тотъ, кто проситъ о нарушеніи существующаго, нравственно обязанъ вполнѣ знать всѣ причины, почему онъ этого требуетъ. Онъ дѣйствуетъ по искреннему, хотя бы и ошибочному убѣжденію въ своей правдѣ; а безъ того онъ уже является нарушителемъ чужаго и общаго покоя, лицомъ безнравственнымъ. Всѣ его документы должны быть ему извѣстны и готовы къ предъявленію. Иное дѣло отвѣтчикъ: онъ сохраняетъ существующее (хотя бы и со вчерашняго дня, все равно); онъ въ отношеніи къ своему фактическому праву стоитъ въ томъ же положеніи, въ которомъ всякій членъ общества находится въ отношеніи къ правамъ всѣхъ постороннихъ лицъ,—простымъ хранителемъ, но, разумѣется, хранителемъ ближайшимъ. Съ его стороны для нравственной правоты не нужно полнаго знанія или убѣжденія. Ему достаточно одного сомнѣнія. Поэтому общество и не имѣетъ права относиться къ нему такъ, какъ къ истцу. Естественную, законную и вполнѣ нравственную неполноту его знаній и приготовленій въ отношеніи къ дѣлу, предлежащему общественному суду, общество должно извинять и пополнять; слѣдовательно, какимъ бы путемъ ни шелъ истецъ, а отвѣтчикъ безъ сомнѣнія имѣетъ право требовать пути слѣдственнаго. Таковъ нравственный законъ, на который, если не ошибаюсь, обратили мало вниманія. При этомъ о дешевизнѣ или дороговизнѣ, о большихъ или меньшихъ удобствахъ, о медленности или скорости въ добывкѣ документовъ толковать нечего; всѣ эти частности будутъ разрѣшаться также частными зако-

нодательными мѣрами. Сознавши свою обязанность, общество само должно постараться облегчить себѣ ея исполненіе». Мы привели подробную эту выписку потому именно, что она представляетъ большой интересъ. Конечно, не всегда истецъ нарушаетъ спокойствіе, иногда это—человѣкъ, вынужденный къ борьбѣ захватами и нарушеніями отвѣтчика, не дающими покоя истцу. Но, говоря вообще, истецъ дѣйствительно первый начинаетъ, споръ: онъ выступаетъ на бой, онъ нарушаетъ миръ, онъ, понятно, уже и готовъ къ войнѣ. Въ общемъ, начало, выдвинутое Хомяковымъ, для большинства случаевъ правильно. Но оно важнѣе еще и въ другомъ отношеніи,—оно показываетъ, что верховное правило процесса гражданскаго должно быть взято изъ области началъ нравственныхъ, осуществленіе которыхъ въ жизни и есть основная цѣль государства, по ученію Хомякова.

Глава восьмая.

„Вѣра въ совѣсть“.

§ I.

Высшая скрѣпа.

Держась одинъ за другой, помощью разныхъ сцѣпленій, образуютъ институты общественные и государственные одно сложное цѣлое, нуждающееся, однако, въ заключительной, или высшей скрѣпѣ. Принципъ даннаго государства есть верхняя скрѣпа для всѣхъ государственныхъ и общественныхъ учрежденій. Но какое начало скрѣпляетъ самое государство? У народовъ З. Европы—формула пра-

ва[1]). Человѣкъ имѣетъ естественныя права, а эти естественныя права ограждены соціальною гарантіею, по силѣ которой всѣ въ обществѣ обезпечиваютъ каждому пользованіе и сохраненіе своихъ правъ. Эта соціальная гарантія коренится въ идеѣ народовластія. На чемъ держится власть народа? На народѣ, т. е. на его силѣ: когда правительство въ народовластіи нарушаетъ права народа, возстаніе есть для всего народа и для каждой части народа наиболѣе священное право и наиболѣе неотъемлемая обязанность: таково ученіе о высшей скрѣпѣ въ государствѣ, по «Объявленію права человѣка и гражданина 1793 г.», оказавшему рѣшающе вліяніе на политическія идеи 19 вѣка. Итакъ, высшая скрѣпа государства есть право гражданъ на революцію, право же на революцію есть просто сила, и, слѣдовательно, высшая добродѣтель человѣческая, связующая верхніе, на государственной вышкѣ, концы, это—готовность человѣка силою защищать свое право, готовность на борьбу съ цѣлью поставить свое «я» на мѣсто того «я», которое явилось угнетающимъ. Одна сила замѣняетъ другую силу. Внутреннее настроеніе человѣка въ такомъ государственомъ укладѣ, гдѣ высшая гарантія есть сила, выражается, слѣдовательно, въ такой формулѣ: «я силою не позволю въ государствѣ дѣлать то,

[1]) La Déclaration des droits de l'homme 1793 года прямо даетъ эту формулу: «Art. 1: Le but de la société est le bonheur commun. Le gouvernemeut est institué pour garantir à l'homme la jouissance de ses droits naturels et imprescriptibles». Съ этою статьею можно сопоставить ст. 45 т. I св. зак., въ которой, между прочимъ, говорится: «да всѣ народы, въ Россіи пребывающіе, славятъ Бога Всемогущаго разными языки по закону и исповѣданію праотцевъ своихъ, благословляя царствованіе Россійскихъ Монарховъ и моля Творца вселенной о умноженіи благоденствія и укрѣпленія силы Имперіи».

что, по моему взгляду на человѣческое общественное благополучіе, считаю угнетеніемъ и нарушеніемъ естественнаго права каждаго на благоденствіе». При такомъ политическомъ міросозерцаніи, очевидно, воля представителей народа есть верховный критерій того, что должно быть правомъ, а потому выраженіе этой воли въ юридической, неподвижной формулѣ и есть послѣдняя, заключительная скрѣпа государственной жизни. Оно представляетъ послѣднія слова, настроеніе и волю преобладающаго числа представителей и есть или равнодѣйствующая ихъ личныхъ интересовъ, или, въ лучшемъ случаѣ, равнодѣйствующая этихъ же интересовъ, нѣсколько видоизмѣненная въ пользу какого-нибудь, конечно, отвлеченнаго начала. Во всякомъ случаѣ это всегда компромиссъ. Рѣшеніе здѣсь не можетъ быть плодомъ сознанія справедливости, не можетъ быть плодомъ живой и чуткой совѣсти, ибо собраніе представителей, по существу своему, не можетъ имѣть личной, человѣческой совѣсти,—послѣдняя возможна только у единичнаго человѣка. Какъ уже было у насъ замѣчено, собраніе людей можетъ руководствоваться закономъ, правомъ, страстью, интересомъ, но никогда не способно руководствоваться требованіемъ совѣсти, которая можетъ быть лишь или единичною, или же соборною, т. е. исполняющею категорическое велѣніе души, просвѣтленной христіанскою любовью. Но совѣсть никогда не можетъ быть коллективною. Совѣсти отдѣльныхъ людей могутъ объединиться и превратиться въ одну совѣсть лишь при свѣтѣ вѣры, дающей непререкаемое правило, а, слѣдовательно, и единое чувство. Но соборной совѣсти быть не можетъ тамъ, гдѣ объединеніе совѣстей отдѣльныхъ людей совершается на почвѣ человѣческой мысли или воли. Здѣсь мы имѣемъ соглашеніе, а никакъ не чувство, созданное вѣрою. Собраніе народныхъ представителей можетъ постановить,

что мужъ имѣетъ право, надѣвъ веревку на шею жены, продать ее на рынкѣ, и это будетъ законъ, произведеніе, компромиссъ, но это не будетъ прояленіе совѣсти народа. Но если бы монархъ какой нибудь европейской страны могъ издать такой законъ и дѣйствительно издалъ бы его, то это было бы все таки проявленіе совѣсти даннаго народа нынѣшняго столѣтія, потому-что мы имѣли бы право предположить, что государь чувствуетъ и мыслитъ, какъ народъ. Но, конечно, это было бы проявленіе совѣсти, но только не соборной, ибо для послѣдней необходимо содержаніе изъ христіанской этики.

§ II.

Высшая скрѣпа.

(Окончаніе).

Но что служитъ высшею скрѣпою государства у русскаго народа, въ противоположность народамъ запада? На высшей точкѣ государственнаго строенія русскій народъ ставитъ живую единичную совѣсть. Русскій народъ, повидимому, не вѣритъ въ отвлеченныя формулы, также не вѣритъ въ механизмъ учрежденій, самъ-де по себѣ обезпечивающій примѣненіе воплощаемыхъ ими началъ. Русскій народъ отлично понимаетъ, что въ государствѣ все приводится въ дѣйствіе человѣкомъ; что государство получаетъ содержаніе, направленіе и одухотвореніе отъ человѣка, его совѣсти, ибо въ большинствѣ человѣческихъ дѣлъ, какъ уже говорено было выше въ этой книгѣ, единственнымъ обезпеченіемъ правильнаго дѣйствія служитъ совѣсть дѣйствователя. Вся трагедія человѣческой жизни вѣдь и состоитъ въ постоянныхъ, на каждомъ шагу, столкновеніяхъ между неподвижною, условною формулою права и живымъ голосомъ совѣсти человѣ-

ческой. Старые народы, народы разсудка, стоятъ за формулу: она исключаетъ, по ихъ взгляду, произволъ. «Жестокій законъ, но законъ»! Народы молодые, народы чувства, стоятъ за совѣсть: она отступаетъ отъ правила, но за то прислушивается къ голосу человѣческой души. Формула коренится въ компромиссѣ, т. е. въ силѣ [1]); совѣсть отражаетъ въ себѣ безусловное, божественное велѣніе. Формула есть стѣна и ограда фарисеевъ; совѣсть-истинная арена человѣческой души, христіанскаго вѣрованія, христіанской любви. Въ этомъ смыслѣ приведенныхъ уже нами, въ этой книгѣ, словъ Хомякова [2]): «Наша такая земля, которая никогда не пристрастится къ такъ называемой практикѣ гражданскихъ учрежденій. Она вѣритъ высшимъ началамъ, она вѣритъ человѣку и его совѣсти; она не вѣритъ и никогда не повѣритъ мудрости человѣческихъ постановленій. Оттого то и исторія ея представляетъ такую, повидимому, неопредѣленность и часто такое неразумѣніе формъ; а въ тоже время, вслѣдствіе той же причины, отъ начала этой исторіи постоянно слышатся такіе человѣческіе голоса, выражаются такія глубоко-человѣческія мысли и чувства, которыхъ не встрѣчаемъ въ

---

[1]) Вотъ характерное опредѣленіе закона, совершенно отвѣчающее компромиссу или силѣ: «Законъ есть повелѣніе, опредѣляющее поведеніе человѣческое. Повелѣніе есть наказъ (intimation) болѣе сильнаго разумнаго существа менѣе сильному разумному существу, что если это менѣе сильное существо совершитъ или допуститъ совершить точно обозначенное дѣяніе, то болѣе сильное существо причинитъ менѣе сильному существу вредъ или страданіе». (Austin, Province of jurisprudence, см. у Stephen, A general view of the criminal law of England, 1863, p. I.

[2]) Сочиненія А. Хомякова, т. III, стр. 335.

исторіи другихъ, болѣе блестящихъ и, повидимому, болѣе разумныхъ общественныхъ развитій». Эти слова самобытнаго писателя, могущія составить ключъ и къ исторіи, и къ запросамъ повседневной жизни русскаго народа, достойны глубокаго вниманія и обслѣдованія. Слова эти — плодъ долгихъ размышленій и многочисленныхъ наблюденій надъ жизнію народовъ. При этомъ, нужно принять во вниманіе, что Хомяковъ вполнѣ ясно понималъ значеніе, въ исторіи народовъ, формъ права. Это видно, напримѣръ, изъ слѣдующаго мѣста, которое мы беремъ изъ его «Записокъ о всемірной исторіи» [1]: «Идея права лежала въ основѣ Римской жизни, и Римская жизнь, передающая новое начало просвѣщенія германскимъ завоевателямъ, передала имъ идею строго-логическаго права...». Онъ не отрицалъ необходимости строго-логическаго права, но онъ полагалъ, что оно имѣетъ свое опредѣленное мѣсто въ жизни народа.

§ III.

„Русская земля вѣритъ человѣку и его совѣсти".

Въ этихъ словахъ высшій смыслъ всѣхъ завѣтовъ Хомякова. Совѣсть человѣка—лучшая гарантія во всѣхъ человѣческихъ дѣлахъ. Вглядитесь въ право: оно можетъ лишь въ нѣкоторыхъ и, притомъ сравнительно весьма немногихъ случаяхъ обезпечить человѣка отъ злой воли, недобросовѣстности, небрежности, равнодушія къ дорогимъ его интересамъ, со стороны другого человѣка. Право можетъ иногда только обезпечить васъ отъ грубыхъ, осязательныхъ дѣйствій дурнаго человѣка. Но вся, и при-

1) Ib, т. VII, стр. 41.

томъ важнѣйшая масса человѣческихъ отношеній ограждается лишь людскою совѣстью. Вы поминутно, въ теченіе цѣлой длинной жизни, безусловно зависите лишь отъ совѣсти другаго человѣка, какъ единственной охраны отъ дурныхъ инстинктовъ людей. Васъ лѣчитъ докторъ, вы ему должны довѣриться: онъ надъ вами почти неограниченный властелинъ. Разъ вы отдали себя въ его руки, онъ можетъ вамъ вредить такъ незамѣтно, что его дѣйствія не поддадутся никакому учету. Вамъ адвокатъ вашъ можетъ повредить самымъ незамѣтнымъ образомъ. Всѣ люди, дѣлающіе что либо для васъ и вліяющіе на ваше здоровье, ваше счастье, ваши интересы могутъ вамъ вредить самымъ непримѣтнымъ способомъ. Тоже самое и по отношенію къ государству. Государству можно вредить вполнѣ безнаказанно и подъ маскою добра. Можно растлѣвать народъ, имѣя видъ благодѣтеля послѣдняго. Можно надѣть тогу ученаго и распространять идеи, въ сущности разлагающія государство. Можно, служа святому искусству, распространять въ обществѣ безнравственныя идеи, развращать вкусы и подготовлять упадокъ нравовъ. Нѣтъ предѣловъ злу, которое можетъ чинить человѣкъ безсовѣстный и коварный, прикрываясь учрежденіями и законами. И русскій человѣкъ, человѣкъ съ трезвымъ и яснымъ умомъ, понятно, не вѣритъ въ учрежденія, а вѣритъ только въ совѣсть. Гласность и состязательность въ учрежденіяхъ государственныхъ нисколько не обезпечиваютъ истины. Мы знаемъ, что можно среди бѣла дня, на глазахъ у цѣлаго міра, утверждать, что ложь есть истина и, обратно, что истина есть ложь, и такое утвержденіе будетъ поддерживаться цѣлою партіею, потому-что, по этикѣ партій, человѣкъ долженъ служить не истинѣ, а партіи. Если хочешь служить партіи, то отложи въ сторону общечеловѣческую совѣсть, а выработай себѣ совѣсть временную, условную, про-

граммную совѣсть, партіонную совѣсть [1]). Слѣдуетъ ли изъ этого, что въ учрежденіяхъ государственныхъ нужно отмѣнить гласность и состязательность? Нисколько, да процвѣтаютъ онѣ! Да состязуются и борются доводами и рѣчами во всѣхъ учрежденіяхъ государства, по цѣлымъ днямъ и ночамъ! Пусть въ этихъ мутныхъ ретортахъ кипитъ и бурлитъ, и пусть совершается въ нихъ процессъ компромисса интересовъ и эгоизмовъ: это—неизбѣжная грязь жизни. Но намъ нужна въ государствѣ, на самой вышкѣ, ничѣмъ не ограниченная единичная совѣсть, которая можетъ составить убѣжище для прямоты, добра, правды. И когда въ почернѣвшихъ ретортахъ жизни правда будетъ такъ растворена въ грязи и эгоизмѣ, что будетъ ей грозить опасность сдѣлаться никуда негодною смѣсью, когда ни одна изъ отравленныхъ программностью партій не захочетъ отстаивать сущей истины, тогда единичная совѣсть, на вершинѣ государства, скажетъ: «Вы увлекаетесь своими интересами. Мнѣ виднѣе, гдѣ истина, вами лишь распинаемая, а не изслѣдуемая. Вы предпочитаете Варавву, мнѣ же нужна правда». И такой приговоръ, среди базара дурныхъ страстей и хищническихъ инстинктовъ, будетъ голосомъ съ небесъ, голосомъ добра, спасеніемъ цѣнности жизни.

§ IV.

Истая совѣсть и программная совѣсть.

Но тѣ, которые видятъ спасеніе человѣчества лишь въ одной формулѣ права, наставительно намъ скажутъ: «Взывать, въ человѣческихъ отношеніяхъ, къ совѣсти, зна-

---

[1]) Эмиль Фагэ (Le libéralisme, 1902, p. 284), не стѣсняясь, называетъ партію «синдикатомъ». «Tout homme de parti est», говоритъ онъ, «quelquefois sans le savoir, un antilibéral et un antipatriote; est

чить взывать, въ сущности, говоря практически, къ произволу». Но дѣло въ томъ, что произволъ и есть именно безсовѣстность, прячущаяся за законныя формы, потому-что произволъ, ничѣмъ не прикрывающійся, есть уже просто прямое нарушеніе закона, т. е. преступленіе. Возьмемъ область, въ которой, повидимому, все предопредѣлено закономъ, возьмемъ судебную жизнь. Какъ велика здѣсь область судебнаго произвола! Въ уголовномъ процессѣ, повидимому, на всѣхъ пунктахъ огражденномъ отъ произвола, сколько случаевъ усмотрѣнія, т. е. произвола, который такъ легко мотивировать и обставить! А что такое «внутреннее убѣжденіе» безъ совѣсти, какъ не самый ужасный произволъ? Далѣе, развѣ не можетъ, наконецъ, высшій судъ любой страны, достойнѣйшій оплотъ законности, развивать произволъ въ своихъ рѣшеніяхъ, на которыя нельзя и жаловаться? Вездѣ, гдѣ возможно толкованіе закона, вездѣ, гдѣ законъ самъ предоставляетъ человѣку дѣйствованіе по убѣжденію, есть поводъ и почва для произвола! Еще не придуманъ народами такой порядокъ, при которомъ можно было бы обойтись безъ совѣсти, замѣнивъ послѣднюю формулою права. Законы выполняются людьми: этимъ сказано все. Послѣдній рѣшитель и охранитель правды въ жизни есть живой человѣкъ, съ правильно развитою совѣстью. Поэтому въ государствѣ все должно быть направлено къ тому, чтобы на первомъ планѣ имѣлось въ виду: культивировать въ людяхъ живую, чуткую совѣсть. Состязательность несомнѣнно разрабатываетъ вопросы, вызываетъ разностороннее обсужде-

---

quelquefois sans le savoir, un ennemi à la fois de la liberté et du pays». Мы отлично понимаемъ, что партіи могутъ и часто дѣйствуютъ безнравственно, и это должны понимать всѣ. Партія не есть какое-то благо, а искусственное зло, неизбѣжное въ конституціонной монархіи.

ніе вопросовъ, но она, сама по себѣ, не развиваетъ въ людяхъ совѣсти. Напротивъ, она, удовлетворяясь формально--равнымъ боемъ, содѣйствуетъ заглушенію и притупленію настоящей совѣсти—совѣстью состязательною. Въ общественномъ умственномъ оборотѣ совѣсть, какъ рѣшающее начало, должна быть поставлена высоко. Необходимо преслѣдовать, путемъ общественнаго мнѣнія, а гдѣ можно и силою закона, безсовѣстность, превращая послѣднюю даже въ составъ преступленія. Необходимо карать безсовѣстность во всѣхъ ея видахъ, даже въ наиболѣе прикрытыхъ и замаскированныхъ проявленіяхъ. Нужно быть не только государствомъ права, но, прежде всего, государствомъ совѣсти. Въ государствѣ должна быть мощно, законными гарантіями и карою уголовною, обезпечена личность отъ произвольныхъ нарушеній ея свободы; мнѣніе общества должно имѣть приложеніе и свои каналы; печать должна быть, насколько потребно ей, самостоятельна, наука и ея ученія дожны быть совершенно свободны, соборная совѣсть народа не должна быть стѣсняема. Но всѣ эти блага правоваго государства будутъ мертвы, вся эта обстановка не дастъ истинно-нравственныхъ благъ, если во главѣ государства человѣческаго не будетъ царить ничѣмъ не ограниченная, живая, единичная совѣсть, чувствующая свою отвѣтственность предъ Богомъ и исторіею, стоящая превыше всякихъ людскихъ предразсудковъ и искушеній. Безъ такой совѣсти государство можетъ сдѣлаться ареною, на которой правда поминутно будетъ истязуема, при дикихъ вопляхъ звѣрской толпы: «распни, распни!» Правовое государство, т. е. государство, управляемое на твердомъ основаніи законовъ, не должно превращаться въ безвыходный и мертвый тупикъ. Между тѣмъ, чѣмъ больше состязательность проникаетъ въ жизнь, тѣмъ больше совѣстливость людей почему-то упразд-

няется и отбрасывается на задній планъ. Больше всего это замѣтно въ судебномъ состязаніи сторонъ. «Противникъ долженъ быть уничтоженъ цѣликомъ, безъ остатка» вотъ собственно правило, которому долженъ слѣдовать «великій» адвокатъ. «Подорвать противную партію какими бы то ни было средствами» — вотъ правило «великаго» парламентскаго борца. Совѣстливость при этомъ совершенно остается загнанною. И если въ государствѣ не будетъ, на верху пирамиды, ничѣмъ, кромѣ правды, не стѣсненной совѣсти, то во что превратится это государство съ своимъ основнымъ принципомъ: «истина лежитъ въ срединѣ, между двумя крайностями, и добывается борьбою представителей этихъ послѣднихъ»? Не превратится ли оно въ арену хотя и умственнаго, но все же, по существу, кулачнаго права? Вѣдь кулакъ и аргументъ безъ совѣсти есть одно и тоже—сила. Аргументъ газеты, печатаемой въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ, вовсе не всегда есть умственное орудіе, а просто физическое. Такой «аргументъ» вовсе не доказательство, а ядро, брошенное изъ дальнобойнаго орудія. Что такое есть единичное лицо со своими аргументами, въ сравненіи съ газетою, имѣщею сотни тысячъ подписчиковъ?

§ V.

Потемненная совѣсть.

Мнѣ могутъ сказать: «Понятіе соборной совѣсти, взятое изъ ученій Хомякова, вовсе не представляетъ непогрѣшимаго авторитета. Человѣческая совѣсть, даже руководимая вѣрою, нерѣдко потемнялась. Достаточно вспомнить костры, на которыхъ сожигались колдуны, вѣдьмы и еретики, чтобы показать, что люди, и во имя Бога, нерѣдко дѣйствовали безнравственно». Соборная совѣсть была

нами опредѣлена какъ совѣсть людей, объединенныхъ во единую, народную совѣсть, однимъ чувствомъ, созданнымъ вѣрою. Но здѣсь не имѣется въ виду ни фанатизма, ни искаженій, основанныхъ на кривыхъ толкованіяхъ Здѣсь имѣется въ виду исключительно чувство, вызываемое евангельскою любовью къ ближнему, никогда не превращающееся въ фанатическое изувѣрство: оно никогда не можетъ быть потемнено никакими извилистыми и кривыми толкованіями [1]). Любовь къ ближнему не есть только высшій догматъ разума, но и правило, превращающееся въ чувство. И когда такое чувство одушевляетъ множество людей, то оно объединяетъ ихъ совѣсти и превращаетъ эти совѣсти въ одну соборную, т. е. въ единую по возвышенному чувству. Коллективная же совѣсть получаетъ единство отъ соглашенія, компромисса.

Если бы насъ спросили, въ чемъ же общій итогъ завѣтовъ Хомякова русской землѣ, его этико-соціальнаго ученія, то я бы сказалъ: «Вырабатывать, путемъ вѣры и послѣдовательнаго развитія историческихъ началъ народной жизни, такой духовный складъ у человѣческой личности, при которомъ живая единичная совѣсть была бы самою надежною охраною исполненія этическихъ, а, слѣдовательно, и всѣхъ гражданскихъ обязанностей».

Но чтобы выработать такой духовный складъ нужны: чистое христіанство въ церкви, морализованное право въ государствѣ и сущая правда въ общественной жизни. Не

[1]) Конечно, встрѣчались въ инквизиціи единичные изувѣры, которые сжигали людей изъ христіанской любви къ нимъ. Но такая особая христіанская любовь не увлечетъ собранія людей. Собраніе людей можетъ объединиться въ чувствѣ, или совершенно эгоистическою идеею, или совершенно неэгоистическою. Все другое, среднее, можетъ дать только въ результатѣ компромиссъ. Толпа стихійна, а потому не любитъ условныхъ различеній.

смотря на всю свою бѣдность, невѣжественность, обремененность слабостями и важными пороками, русскій человѣкъ, болѣе, чѣмъ какой либо другой въ Европѣ, способенъ осуществить эти дорогіе идеалы въ жизни. Въ своемъ положительномъ типѣ, русскій человѣкъ есть бѣдный, покорный судьбѣ работникъ; онъ добываетъ свой тяжелый хлѣбъ въ потѣ своего лица; но взоръ его съ упованіемъ устремленъ на святую обитель, а не на чертогъ роскоши и наслажденія. Онъ дѣйствительно ищетъ правды и Бога. Что есть это исканіе, плодъ ли благодѣтельной бѣдности, ставящей человѣка тѣснѣе къ Богу, или непреходящая черта русской души, русскаго народнаго характера? Вѣримъ, что это — черта коренная, что это — неутолимая духовная жажда. Повременамъ черта эта просвѣчиваетъ и у интеллигенціи, но тамъ она занесена иломъ и отбросами европейской «культуры».

Характеризуя древнюю русскую жизнь, Хомяковъ [1]) говоритъ: «Какія бы ни были недоразумѣнія и какъ ни были гибельны ихъ послѣдствія, законъ любви взаимной проникалъ или могъ проникать всѣ отношенія людей другъ къ другу: по крайней мѣрѣ, они не признавали ни какого закона, противнаго ему, хотя часто увлекались страстями или выгодами личными на пути превратные, а иногда преступные. Русской землѣ была чужда идея какой бы то ни было отвлеченной правды, не истекающей изъ правды христіанской, или идея правды, противорѣчащая чувству любви».

Ясно, что, по коренному воззрѣнію русскаго народа, государство можетъ управляться лишь единичною совѣстью, представляющею воплощеніе соборной совѣсти народа, т. е. совѣсти людей, объединенныхъ — братствомъ, основаннымъ на христіанской любви. Міръ стоитъ

---

[1]) Сочиненія Хомякова, т. I, стр. 246

отъ несправедливостей и сердце леденящей жестокости. Самое ужасное при этомъ то, что свидѣтели непрерывающагося зрѣлища человѣческихъ страданій привыкаютъ къ злу и становятся совершенно равнодушною публикою. Даже больше: люди подлѣютъ и ожесточаются въ своемъ эгоизмѣ: «пускай другіе пропадаютъ, лишь бы мнѣ хорошо было; всѣмъ вѣдь не можетъ быть хорошо!». Безстрастная соціологія видитъ въ зрѣлищѣ человѣческихъ страданій лишь данныя для объективныхъ выводовъ, ученые—матеріалы для изслѣдованій, современное искусство—мотивы для творчества, т. е. соблазнительной лжи на потѣху пресыщеннымъ людямъ. Европейское культурное государство, составляющее идеалъ нашихъ западниковъ «во имя комфорта», въ общемъ, есть, по существу, сложная система общественныхъ союзовъ для взаимнаго «обставленія», ради хорошо запрятанныхъ корыстныхъ интересовъ. Сытое и даже по мѣстамъ спортсменское западное духовенство старается запутать совѣсть людей въ тенета хитрой теологіи; группа политическихъ дѣльцовъ, составляющихъ, не взирая на различные цвѣта, единную по духу, «теплую» компанію, надуваетъ на почвѣ трескучей государственной дѣятельности; коммерсанты и биржевики—на поприщѣ отечественной торговли; практическіе врачи—у постели больного; адвокаты—у ногъ давно ослѣпшей Ѳемиды; литераторы и журналисты въ многочисленныхъ «конторахъ» общественнаго мнѣнія и т. д. Не надуваютъ лишь учоные по духу, ищущіе истины, и рабочіе, аккуратно расплачивающіеся за скудное содержаніе своимъ здоровьемъ, да мелкіе винтики, государственные и общественные, скрѣпляющіе многочисленными швами громадное зданіе государственное и отмирающіе безъ шуму, незамѣтно, подъ гнетомъ подтачивающаго труда и тяжелаго, безрадостнаго существованія. И члены всѣхъ тѣхъ группъ, обманывающихъ другъ друга, вовсе не всегда злостные обманщики;

они иногда вполнѣ искренни. Но ихъ общественная колея ведетъ неизмѣнно къ обману: таковъ жизненный укладъ. Между тѣмъ, человѣчество страдаетъ. Измученное, оно жаждетъ правды и милости. Его взоры обращаются къ просвѣтленной человѣческой совѣсти, какъ къ послѣднему якорю спасенія, и счастливы народы, сохранившіе еще на вышкѣ государственной пирамиды никакими разсчетами не стѣсненную личную совѣсть, и не замѣнившіе ея еще уполномочіемъ отъ коллективной совѣсти—на веденіе государственыхъ дѣлъ въ точныхъ границахъ выданной довѣренности, съ обязательствомъ не спорить и не прекословить тому, что сдѣлано согласно сей довѣренности.

Послѣсловіе.

Изъ произведеннаго нами анализа идей Хомякова, съ цѣлью построить этико-соціальное ученіе этого мыслителя, явствуетъ для каждаго непредубѣжденнаго человѣка, что ученіе это состоитъ изъ положеній не только не обрекающихъ страну на неподвижность и застой, а, совсѣмъ напротивъ, дающихъ постоянные и мощные толчки для самаго разносторонняго нравственнаго и умственнаго совершенствованія. Въ ученіи этомъ нѣтъ и слѣдовъ расовой исключительности, церковной нетерпимости и предпочтенія произвола—праву. Всѣ эти, приписываемыя славянофильству, побужденія суть несправедливыя обвиненія.

Все славянофильское ученіе, выше всего, въ дѣлѣ человѣческаго совершенствованія, ставитъ выработку этическаго склада личности на православной основѣ[1]).

---

[1]) Нужно, для полной ясности замѣтить, что вообще Хомяковъ, по компетентному истолкованію его ученія, понимаетъ православіе не какъ одну догму: вѣра вообще для него есть догма въ ея живомъ проявленіи. Ученикъ Хомякова, Ю. Ѳ. Самаринъ (Сочин. Хомякова. т. II, стр. VII), говоритъ: «Вѣра, сама по себѣ, едина, непреложна и неизмѣнна; но въ каждомъ обществѣ и при каждой исторической обстановкѣ она вызываетъ своеобразныя явленія, по существу своему, измѣняющіяся, во всѣхъ отрасляхъ человѣческаго развитія, въ наукѣ, въ художествѣ, въ практическихъ примѣненіяхъ... Законъ любви не

Для достиженія этой возвышенной цѣли, необходимы, по ученію славянофиловъ, слѣдующія условія: жизнь въ православной церкви, какъ явленіи на землѣ безпримѣрной истины и несокрушимой правды; полная вѣротерпимость; государство, проникнутое, въ учрежденіяхъ и дѣйствованіяхъ своихъ, христіанскою этикою; единеніе, общеніе самодержавной власти съ народомъ, вручившимъ ей нераздѣльно и навсегда все тяжелое бремя правленія; мѣстное самоуправленіе; общинный бытъ; общественная совѣщательность; равенство правъ гражданскихъ для всѣхъ подданныхъ; свобода книгопечатанія и прессы; нравственная правда, какъ конечная цѣль не только уголовнаго, но и гражданскаго правосудія; свобода науки и ея ученій, способная только усиливать значеніе вѣры; школы низшія и высшія, имѣющія двѣ цѣли,—содѣйствовать образованію христіанскаго склада личности и питанію научнаго духа изслѣдованія въ странѣ; введеніе нравственнаго контроля родителей и общества во внутреннюю жизнь всѣхъ видовъ высшихъ и низшихъ школъ.

Спрашиваемъ: мѣшаетъ ли подобная праграмма безграничному развитію народа, не забавляемаго безплоднымъ политиканствомъ, а поглощеннаго творческою работой?

Весь интересъ переживаемой, въ настоящее время, въ Европѣ, исторической эпохи заключается въ томъ, что между тѣмъ, какъ XVIII вѣкъ выработалъ политическій строй личности, XIX вѣкъ—экономическій характеръ личности, задачи XX вѣка, повидимому, сводятся къ выработкѣ этической личности. Но этическій складъ личности есть, въ сущности, христіанскій характеръ, по-

---

измѣняется, но примѣненіе его къ практикѣ, къ жизни семейной, общественной и государственной, постепенно совершенствуется и расширяется...» Славянофильство говоритъ, въ своихъ соціальныхъ разсужденіяхъ, о православіи бытовомъ.

тому-что христіанство собственно только и выдвинуло на первый планъ внутреннюю жизнь человѣка до такой степени, что каждый человѣкъ представляетъ собою цѣлый отдѣльный міръ. И вотъ оказывается, что славянофильство, въ нашемъ обществѣ, требующемъ, прежде всего, «приписки» куда-нибудь, занесенное въ рубрику доктринъ отсталыхъ, вдвигается, по своему содержанію, въ рядъ наиболѣе шагнувшихъ впередъ западно-европейскихъ соціальныхъ ученій, имѣющихъ главною цѣлью—выработку идеи этической личности [1]).

Русское «интеллигентное» общество, въ своемъ привычномъ верхоглядствѣ, вѣчно мечется, бросаясь изъ одной стороны въ другую, въ поискахъ вѣрнаго направленія. «Мятущееся общество»! Это выраженіе стало характеристикою нашего образованнаго общества. Послѣднему давно слѣдуетъ напомнить одно изъ нравственныхъ правилъ Декарта, принятыхъ имъ въ неизмѣнное руководство, когда онъ рѣшился посвятить себя цѣликомъ созданію новаго метода мышленія. Въ числѣ этихъ руководящихъ житейскихъ правилъ онъ ввелъ слѣдующее мудрое положеніе: «второе правило, принятое мною въ руководство, состояло въ томъ, чтобы быть, насколько возможно, твердымъ и рѣшительнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ и, избравъ какое нибудь воззрѣніе для слѣдованія, держаться его, какъ если бы оно было совершенно несомнительное. Въ этомъ случаѣ я рѣшился дѣйствовать такъ, какъ слѣдуетъ поступать заблудившемуся въ лѣсу путнику. Онъ не долженъ бросаться изъ стороны въ сторону или совсѣмъ останавливаться, а выбрать дорогу и держаться ея неуклонно, не оставляя ея безъ основательныхъ причинъ. Если эта, принятая имъ, дорога и не приведетъ его къ желанному

---

[1]) Das Suchen der Zeit, Blätter deutscher Zukunft, B. I, 1904, статья: «Die Sehnsucht nach Persönlichkeit».

пункту, то, во всякомъ случаѣ, приведетъ къ такому мѣсту, гдѣ ужъ ему, безъ сомнѣнія, куда же будетъ лучше, чѣмъ среди лѣса» [1]). Тотъ душевный кризисъ, который переживаютъ, въ настоящее время, всѣ европейскіе народы, состоитъ въ сознанной необходимости перевести, путемъ измѣненія наклона ума и чувства, христіанство, изъ обряда и идеала, въ практику жизни. Въ Россіи, гдѣ съ самаго начала христіанство понималось народомъ, какъ единое, безусловное правило не только для жизни духовной, но и для жизни дѣйствительной, повседневной, этотъ кризисъ сводится собственно къ возвращенію «интеллигенціи» къ основному бытовому понятію, какое народъ исторически выработалъ о христіанствѣ.

---

1) Descartes, Discours de la méthode, troisieme partie.

Сочиненія того же автора.

О значеніи врачей-экспертовъ въ уголовномъ процессѣ. Харьковъ, 1869. Второе изданіе. Спб., 1870.

Судъ присяжныхъ. Условія дѣйствія суда присяжныхъ и методъ разработки доказательствъ. Харьковъ, 1873.

Ученіе объ уголовныхъ доказательствахъ, часть общая. Харьковъ, 1882. Второе изданіе. Харьковъ, 1888.

Ученіе объ уголовныхъ доказательствахъ, часть особенная. Харьковъ, 1888. Изданіе книжнаго магазина Полуехтова.

Учебникъ русскаго уголовнаго права, часть общая. Харьковъ, 1889.

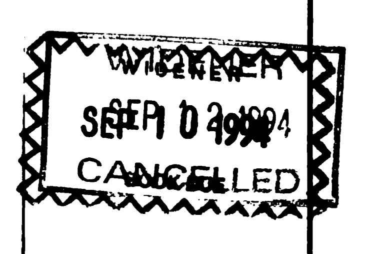
Защитительныя рѣчи и публичныя лекціи. Москва, 1892.

Психологическое изслѣдованіе въ уголовномъ судѣ. Москва, 1902.

Уголовный законодатель, какъ воспитатель народа. Москва, 1903 г.

Цѣна 2 руб.

3 2044 018 839 670

WIDENER
SEP 1 0 1994
CANCELLED